
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

Воронин С.А. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования – *главный редактор серии*

Попова Е.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН – *заместитель главного редактора*

Куделин А.А. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН – *ответственный секретарь серии*

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз – профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри – профессор Каирского университета

Гвоздева И.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П. – доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А. – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С. – профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М. – доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

EDITORIAL STAFF OF SERIES “WORLD HISTORY”

Voronin S. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at PFUR, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre – *editor in chief*

Popova E. – Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at PFUR – *deputy editor*

Kudelin A. – Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at PFUR – *executive secretary*

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz – Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri – Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I. – Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P. – Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at PFUR

Rodriguez-Fernandes A. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S. – Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A. – Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2016, № 4

Серия издается с 2009 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Воронин С.А.** Режим «направляемой демократии» как развитие теории о социодемократии. К вопросу о формировании концепции «третьего пути» в Индонезии 5
- Kim N.N.** Gender Politics and Nation-Building: Constructing a New Image of Femininity In North Korea (1945–1957) 20

ВОСТОК–ЗАПАД: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- Варьяш И.И.** Особенности трансформации мусульманского права под властью арагонских королей 37
- Симонова-Гудзенко Е.К., Новикова А.А.** Представления о западных странах в трактате Нисикава Дзекэн (1648–1724) «Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами» 49

АНТИЧНЫЙ МИР

- Гвоздева Т.Б.** Олимпионики Древней Эллады – «вторые после Геракла» 59

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Чшиев В.Т.** Новые находки из памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии как маркеры контактов автохтонного населения и племен киммерийско-скифского культурного круга 73

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Ходунов А.С.** Российско-турецкие отношения в 1991–2010 гг. 85
- Высочина Е.С.** Российско-ливийские отношения в отечественной литературе конца XX – начала XXI в. 111

- НАШИ АВТОРЫ** 124

BULLETIN

of Peoples' Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

WORLD HISTORY

2016, № 4

Series founded in 2009

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Voronin S.** Regime of “guided democracy”. On the issue of the formation of the ideology of the “Third Position” in Indonesia 5
- Kim N.N.** Gender Politics and Nation-Building: Constructing a New Image of Femininity In North Korea (1945–1957) 20

EAST AND WEST: DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

- Variash I.I.** The Transformation of Islamic Law Under the Authority of Aragonese King 37
- Simonova-Gudzenko E.K., Novikova A.A.** The View of the Western Countries in Nishikawa Joken's (1648–1724) «Adjusted Thoughts on Trade with China and Barbarians» 49

ANTIQUE WORLD

- Gvozdeva T.B.** Olimponiks of Ancient Greece – «Second after Heracles» 59

ARCHAEOLOGICAL STUDIES

- Chshiyev V.T.** New Findings of Monuments in Piedmont Plain of North Ossetia as Markers of the Contacts of the Indigenous Population and the Tribes of the Cimmerian-Scythian Cultural Circle 73

YOUNGS SCHOLARS REPORTS

- Khodunov A.S.** Russian-Turkish Relations in the 1990s and 2010s 85
- Vysochina E.S.** Russian-Libyan Reletions in the Russian Academic Literature of the Late 20th Century and the Early 21st Century 111

- OUR AUTHORS** 124

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

РЕЖИМ «НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ» КАК РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ О СОЦИОДЕМОКРАТИИ. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В ИНДОНЕЗИИ¹

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Автор статьи раскрывает основные положения идеологии «третьего пути» в рамках индонезийской модели политического лидерства. К концу 50-х г. Сукарно завершил формирование доктрины «третьего пути». Анализируя действующие политические модели, Сукарно апеллировал к самобытности, отвергая капитализм, который порождает колониализм и фашизм. Он отвергал саму психологическую основу либерального капитализма – индивидуализм, ведущий к конкуренции и борьбе и поэтому неприемлемый для Индонезии. Концепция «третьего пути» Сукарно подразумевала построение социально-экономической модели традиционного, патриархально-эгалитарного общества, в основе которого лежали принципы общинной солидарности и взаимопомощи. Основным элементом социальной модели, согласно мысли Сукарно, являлась семья как центр солидаризма, возглавляемая патриархом, главой семьи. Принцип семьи был перенесен Сукарно на все индонезийское общество. Сам Сукарно становился отцом нации, принимающим решения за всех, во имя всех.

Ключевые слова: Сукарно, концепция «третьего пути», Индонезия, солидаризм, политическое лидерство

Последним всплеском плюрализма в политической системе Индонезии стал отказ ряда крупных партий проголосовать за принятие проекта бюджета. 5 марта 1960 г. Сукарно распустил парламент и объявил о формировании «парламента сотрудничества», в котором было 261 место, из которых 130 при-

¹ Продолжение. Начало см. Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. – 2016. – № 3. – С. 7–18.

надлежало 9 политически партиям, 131 отдавалось 21 «функциональной группе» [1. С. 274], в том числе и вооруженным силам. Уже в этот период армия начинает открыто претендовать на политическую и экономическую автономию в стране. Генерал А. Насутион выдвигает концепцию «самостоятельной социальной функции армии» [2].

16 августа 1960 г. Сукарно распустил Машуми и Социалистическую партию, обвинив их лидеров в том, что они не осудили организаторов мятежей, направленных против правительства [3. С. 201–202]. Статус соответствия партии конституционным нормам всецело зависел от субъективной оценки президента, ставшего вершиной военно-гражданского бюрократического аппарата. В этом, по мнению А.Ю. Другова, «органическая слабость режима личной власти вообще и сукарновского, в частности, всевластие лидера становится всевластием аппарата» [4. С. 86].

В рамках одновременного развития концепции «третьего пути», поиска индонезийской самобытной модели развития и дальнейшего движения по пути усиления авторитарного лидерства Сукарно выдвинул в качестве основы для компромисса всех действующих политических сил доктрину НАСАКОМ, предполагающую сотрудничество трех ведущих общественных течений – националистического (NASionalis), религиозного (Agama) и коммунистического (KOMunis). Рождение очередного акронима преподносилось как путь к решению проблем индонезийского общества на основе компромисса всех сил под всепримиряющим лидерством правителя. Сукарно активно внедрял в массовое сознание индонезийцев тезис о том, что нет различных интересов, а есть разные пути решения проблем и разные подходы, но единый интерес. Значит, необходимо с помощью процедур «мушаварах» и «муфакат» выработать компромиссное коллективное решение под его руководством как отца семьи индонезийских этносов и вождя нации [3. С. 203].

Критически оценивая концепцию НАСАКОМ, Б. Андерсон видит ее абсолютное соответствие духу и традициям яванской политической культуры. Он полагает, что в основе этой доктрины Сукарно лежал не столько призыв к сотрудничеству и компромиссу различных политических сил, сколько идея их подчинения одной точке властного центра, т.е. режиму личной власти президента [5. С. 15].

В результате социально-экономических экспериментов в стране родилась модель «индонезийского социализма» как продолжение формирования концепции «третьего пути», суть которой выразил сам индонезийский лидер в виде политического «кулинарного» рецепта: «Наш социализм – это смесь. Мы берем политическое равенство из американской Декларации независимости. У ислама и христианства мы заимствуем духовное равенство. Научно обоснованному равенству мы учимся у Маркса. Ко всему этому мы добавляем индонезийскую самобытность – мархаэнизм. Все это мы посыпаем готонг-ройонгом... Смешайте все это и в результате вы получите индонезийский социализм» [6. Р. 75].

В целом, концепция «направляемой демократии» базировалась на следующих источниках. Центром идеологических реминисценций являлись принципы Панча сила, из которых логически следовала теория «индонезийского социализма»; радикально-националистического учения о «простом человеке» – мархаэнизме и доктрины НАСАКОМ, базирующейся на идее единства основных сил общества. Концептуальные постулаты теории воплощались на практике посредством стратификационной доктрины «функциональных групп» и призыва к возврату Конституции 1945 г. [7. С. 228].

Таковы основные элементы доктрины «направляемой демократии», отличительной чертой которой становится симбиоз неотрадиционализма и сверхреволюционности. Сукарно пытался с помощью использования акронимов и апелляции к индонезийской патриархальности сформировать у общества иллюзию стремительного прогрессивного развития сугубо по индонезийскому пути [8. С. 26].

Индонезийский лидер сознательно пытался уйти от решения конкретных социально-экономических задач в сферу революционной фразеологии, видимо, наивно надеясь на то, что экономические проблемы можно решить путем концентрации властной энергии.

Выдвинув в теории и реализовав на практике концепцию «направляемой демократии», Сукарно повысил свой властный авторитет и увеличил лидерский потенциал, но не нашел рецепт выхода из кризиса в стране. Сохранение единства и концепция сотрудничества, построенные на имущественном равенстве и общности интересов всех стратификационных групп архипелага, приходили в противоречие с задачами экономического развития. Выдвижение программы социально-экономического развития (а не очередного магического акронима в идеологической сфере) неизбежно институировало имущественные противоречия, ставя под сомнение всю концепцию единства нации, т.е. первооснову индонезийского режима. Сукарно интуитивно прилагал усилия к тому, чтобы остановить, замедлить процесс социальной дифференциации, но наряду с этим не осуществлял никаких мер для борьбы с колоссальной коррупцией [9. С. 93]. В этом видится очередное следование режима Сукарно традициям яванской культуры, когда власть является источником личного благосостояния.

Массовое сознание поощряет вектор от обладания властью к богатству, а не наоборот. Финансовая, предпринимательская деятельность всегда осуждалась в Индонезии.

А тем временем в экономике накапливались серьезные проблемы. Для лидерства Сукарно характерны противоречия, взаимоисключающие взгляды и концепции. Однако вряд ли это свидетельство отсутствия логики или непоследовательности в принятии решений индонезийским лидером. Трагедией лидерства Сукарно являлась инстинктивная попытка создать симбиоз модернизации и традиционализма. На всех этапах развития индонезийского общества он следовал первостепенным задачам развития и сохранения един-

ства. В основе его противоречивых оценок в сфере экономического развития лежал примат цели над средством, приоритет идеологии над экономикой. Он называл себя революционным экономистом и неспециалистом в области экономики [10. С. 310]. Вот характерный пример его противоречивых высказываний и оценок. В речи, посвященной 10-летию независимости, 17 августа 1955 г., говоря о приоритетах развития, Сукарно заявлял: «Индустриализация является единственным путем для увеличения благосостояния общества и государства..., индустриализация – это вопрос жизни и смерти для индонезийского народа» [10. С. 310–311]. В 1964 г. его оценка меняется на противоположную (хотя экономические проблемы требовали еще более пристального внимания). В это время он бравирует тем, что экономические проблемы в стране не являются первоочередными. Он заявлял: «Премьер-министр одного государства как-то задал мне вопрос: “Как ваша страна существует, когда у вас нет развитой промышленности?..” Как глуп этот человек! Он полагает, что существование нации зависит от уровня развития промышленности страны. Нет, сэр! Жизнь нации зависит от осознания свободы этой нации. Жизнь революции зависит от революционного сознания нации, совершающей революцию. Не от промышленности... не от асфальтированных дорог» [11]. Эволюция взглядов Сукарно на экономическое развитие с середины 50-х по середину 60-х г. свидетельствовала о его выборе курса на укрепление бюрократического капитала в Индонезии и сворачивании курса экономического либерализма.

Сукарно не мог не замечать негативных тенденций, сопровождающих либеральный экономический курс в 50-е гг., который привел к росту патернализма, местничества, регионализма и этнократии. Сформировался слой общества, для которого либеральный экономический курс стал путем к личному благосостоянию – кабиры (капиталисты-бюрократы) [12. С. 105].

Все права и ресурсы были сконцентрированы в руках Сукарно и узкой группы придворных бюрократов. По замечанию Л.Б. Алаева, «в истории Востока наблюдались краткие периоды такой концентрации, но подобная система неустойчива, поскольку ее социальная база крайне узка» [13. С. 210]. Она стремительно трансформируется в иную систему, когда бюрократия начинает обслуживать исключительно свои интересы. Приоритетом становятся не интересы государства, а каждого функционера в отдельности. Вновь созданную иерархию начинают раздирать противоречия индивидуальных интересов. Образуются патронаты, враждующие между собой, претендующие на долю в совокупных бюрократических доходах [13. С. 210].

Экономическую модель Индонезии при Сукарно можно назвать номенклатурным капитализмом.

В экономике страны в середине – конце 50-х значительную роль играл иностранный капитал, 2/3 которого составляли активы Нидерландов, оценивавшиеся в 1,5 млрд долл. [14].

Курс «направляемой демократии» сначала вызвал массовое недовольство среди кабиров. Однако уже вскоре они поняли, что глобальных изменений в экономике не произойдет. Более того, новый курс открывал для них перспективы еще большего обогащения.

В конце 50-х – начале 60-х гг. Сукарно не вносил кардинальных изменений в отношении деятельности в стране иностранных нефтяных компаний. В 1963 г. появился закон об изменении правовых основ их деятельности. Объемы нефтедобычи теперь должны были согласовываться с правительством Индонезии. Прибыль распределялась в пропорции 60:40 после уплаты налогов в пользу индонезийского правительства. Иностранные компании переводились на систему контрактов, концессии заменялись договорами [12. С. 113].

Национализация открывала перспективы к новому витку обогащения представителей бюрократического капитала. Одной из насущных задач стало проведение аграрной реформы. В 1960 г. ВНКК принял документ «Об основных направлениях развития», в котором утверждалось, что развитию производительных и созидательных сил в сельском хозяйстве, с которым связано 75% населения, мешают пережитки феодализма [15. С. 187]. В 1960 г. был принят Закон № 5 (Основной аграрный закон), который закрепил за государством право основного владельца и распорядителя земель, что также усилило позиции административно-чиновничьего капитала. Сукарно, представляя проект аграрного закона парламенту, подчеркивал: «Не следует думать, что аграрная реформа, которую мы собираемся проводить, “коммунистическая”... Мы считаем, что владение землей – это социальная функция. При этом права государства и общественных организаций выше права частной собственности» [15. С. 187].

В 50-е гг. промышленность Индонезии находилась в состоянии хронического падения темпов развития. Внешний долг в период с 1945 г. по 1966 г. составлял 2,2 млрд долл. [16. Р. 18–19]. Подобная ситуация сложилась в стране, обладавшей значительными природными ресурсами. Как справедливо пишет В.Я. Архипов: «Трудно найти другую экономически слаборазвитую страну, обладающую, как Индонезия, столь значительными потенциальными возможностями, экономика которых находилась бы в таком плачевном положении» [17. С. 108].

Причина такого состояния дел лежала скорее в политической, нежели экономической сфере. В конце 50-х – начале 60-х гг. происходил рост и укрепление мощной силы, формирование которой происходило и ранее – военной и гражданской бюрократии. Частный бизнес не имел возможности развиваться в таких условиях. Конкуренция с государством неизбежно вела к поражению. Новая бюрократическая бизнес-элита формировалась из представителей военного и административного аппарата в ходе продаж квот и преференций, в результате спекуляций, проводимых с использованием служебного положения. Представители этих кругов не испытывали заинтересо-

ванности в эффективном использовании средств бюджета в расширении и развитии производства. Напротив, их дальнейшее финансовое благополучие напрямую зависело от сохранения обстановки хозяйственного хаоса. Отсюда, по мнению А.Ю. Другова и А.Б. Резникова, «в значительной степени и проистекало то пренебрежительное отношение индонезийского правительства к экономическим вопросам, которое порой объясняли “некомпетентностью Сукарно” [18. С. 20]. К весьма неоднозначным результатам привело в экономике использование базового принципа «направляемой демократии» – принципа «готонг-ройонг».

Принцип социального консенсуса, сотрудничества всех слоев, отсутствия классовых противоречий, декларируемый индонезийским лидером в теории, на практике демонстрировал полную несостоятельность. В рамках единства нации и предприниматели, и помещики, и рабочие, и крестьяне были индонезийцами, т.е. входили в состав одной большой патриархальной общины. Но интересы представителей этих слоев были прямопротивоположными и не содействовали их сотрудничеству в рамках сукарновской политической модели. Предлагаемая им политическая модель, хотя и соответствовала менталитету традиционного социума, уже являлась историческим реликтом. Устойчивость традиционных структур стремительно размывалась и видоизменялась. Как верно заметила Л.Ф. Пахомова, на этом этапе развития индонезийского общества «потенциал могущества самобытности ослабевал. Различные общины... хранили свою самобытность, которая позволяла строить сообщества на традиционных ценностях... Вместе с тем община как носитель перемен практически исчерпала свой потенциал» [15. С. 117–118].

Деятельность кабиров в годы «направляемой демократии» имела для страны и для судьбы самого Сукарно катастрофические последствия. ВВП на душу населения в 1957 г. составил 131 долл., в 1961 – 83 долл. Государственный бюджет в 60-е гг. планировался с огромным дефицитом: 1963 г. – 139 млрд рупий, 1964 – 335 млрд рупий, 1965 г. – 1527 млрд рупий. Резко выросла стоимость жизни. Если период с марта 1957 г. по февраль 1957 г. взять за 100, то к концу 1965 г. индекс стоимости жизни увеличился в 360 раз. Рост инфляции составил 650% [19. С. 30–33].

Пытаясь зафиксировать статус-кво со всеми слоями общества, закрывая глаза на растущие экономические диспропорции во имя эфемерного согласия и сотрудничества, Сукарно с увлечением отдался декорированию своего авторитарно-патриархального лидерства режима сакрального авторитаризма. К началу 60-х гг. Сукарно ликвидировал в политической системе страны все элементы, претендующие на самостоятельность. Все политические деятели и партии рассматривались Сукарно через призму своего величия и являлись продолжением божественной секты, которую он излучал. Это стало началом конца лидерства Сукарно. Личность индонезийского президента стала точкой концентрации политической власти в стране. Вокруг лидера сформировалась когорта безликих деятелей, цементирующих одиночное плавание

во власть Сукарно. «Орел» остался в гордом одиночестве, что и привело к печальному финалу его лидерства. Вокруг пьедестала, на который вознесся Сукарно, воцарилось безмолвие. Лидер все более отдалялся от народа. Хотя внешняя атрибутика почитания сохранилась. Его выступления по-прежнему собирали стадионы и вызывали восторг толпы.

Он по-прежнему пытался убедить индонезийцев в том, что они строят «золотой мост» к благосостоянию, что они живут в великое время, в великой стране, в великую эпоху, что они имеют великого лидера. Не будучи в силах дать своему народу материальное благополучие, он предлагал эрзац величия в виде поступательного движения от одной эфемерной идеологеммы к другой. Магические акронимы молниеносно сменяли друг друга. Казалось, стоит произнести волшебную формулу, и свет в конце тоннеля будет виден.

Люди по-прежнему видели в Сукарно Рату Адиля, мессию, призванного дать Индонезии свободу и процветание. Народ верил, что Бунг Карно может исцелять больных. Из уст в уста передавался слух, будто вода, набранная им, поднимала людей со смертного одра. На Бали его считали воплощением Вишну, полагая, что его визиты приносят долгожданный дождь. Как отмечает Б. Колоницкий: «Креативная сила вождя служила подтверждением политической потенции» [20]. Вокруг индонезийского лидера возник специфический микроклимат, атмосфера обожания, поклонения и обожествления. Традицией стало осуществление паломничества к Сукарно. Люди шли к нему за сотни километров только для того, чтобы увидеть его, выразить ему свою любовь и безграничную преданность. Все к чему он прикасался, даже остатки его пищи, объявлялись священными и излучающими благодать» [21. С. 201].

Однако невидимые нити, соединяющие лидера и массы, истончались и лопались. Сукарно становился все более недоступным и отдаленным от народа. Он превращался в мифического героя, полубога, получеловека. И сами индонезийцы уже не понимали, существует ли такой человек – Бунг Карно – на самом деле или это герой индонезийского эпоса новейшего времени. Трещина между лидером и народом стремительно превращалась в пропасть. Вождь и ведомые все более отдалялись друг от друга.

Имидж Сукарно в начале 60-х г. максимально приближается к образу жизни и поведению яванских средневековых монархов. В Джакарте начинается монументальное строительство. Один за другим воздвигаются скульптурно-архитектурные мемориалы, прославляющие вождя революции и его великие судьбоносные деяния. Как отмечает Г.Г. Бондаренко, исследовавший культуру средневековых государств Явы, правители того периода активно использовали культовое строительство с тем, чтобы «концентрированно выразить государственную религиозно-политическую доктрину» [22. С. 6]. Сукарно действовал в русле яванских представлений о власти, соблюдая патриархальные традиции. Он ощущал себя лидером, мессией, монархом-храмостроителем. Он пытался проложить «золотой мост» в модернизи-

рованное будущее патриархальными методами концентрации энергии и опоры на наиболее консервативные, архаичные элементы индонезийской самобытности. Идеализация и абсолютизация самобытности в середине XX в. были утопией и могли привести лишь к одному финалу. Н.А. Симония в монографии «Страны Востока: пути развития» приходит к выводу: «Увлечение “самобытностью”, идеализация традиционных устоев – вот тот коварный “порог”, о который спотыкались и продолжают спотыкаться многие националистические деятели в афро-азиатских странах. Отрицание и капитализма, и коммунизма – возводимое, порой, чуть ли не в величайшее “национальное достоинство” – сплошь да рядом приносит свои горькие плоды» [23. С. 343].

Фундаментом доктрины развития при Сукарно стал, на наш взгляд, девиз: «Назад в будущее». Пытаясь придать ускорение темпам развития Индонезии, он обращался к традициям яванской политической культуры, в основе которой лежал культ обожествления правителя – девапрабху [22. С. 6].

Индонезийская модель при Сукарно по своей природе была средним, промежуточным, буферным вариантом. Это не было теократическое государство, но оно не было и светским. Оно не развивалось по пути капитализма, но отвергала и коммунистические идеалы. По своей форме личность и режим Сукарно носили сакральный характер. Сам лидер выступал в роли Рату Адиля. Его выступления приобретали характер божественных откровений. Лозунги и терминология режима были предельно сакрализированы. Лидер находился над массой. Толпе он дарил иллюзию участия в политике, осуществляемой и проводимой только им самим. Сакральные взаимоотношения лидера и народа очень верно характеризует А.Ю. Другов: «В форме магических акронимов в общественное сознание вводились лозунги дня, создавая впечатление, что стоит осуществить этот лозунг – и наступит долгожданное улучшение жизни» [9. С. 95]. Очередным идеологическим шедевром стал УСДЕК (конституция 1945 г., индонезийский социализм, направляемая демократия, направляемая экономика, индонезийская самобытность).

В сентябре 1961 г. в Белграде проходила конференция Движения неприсоединившихся государств. Сукарно выступал одним из основных креативных архитекторов проекта неприсоединения. На конференции в Бандунге в 1955 г. он активно призывал к солидарности стран Азии и Африки: «Между нами имеются расхождения. Здесь представлены малые и большие страны, народы которых исповедуют почти все существующие на свете религии – буддизм, ислам, христианство, конфуцианство, индуизм, джайнизм, сикхизм, зороастризм, синтоизм и др. Здесь представлены почти все политические направления – демократизм, монархия, теократия... В этом зале фактически представлены все экономические доктрины – мархаэнизм, социализм, капитализм и коммунизм... Но какой вред могут причинить эти различия, если существует единство стремлений?» [10. С. 292–293]. Мессианство Сукарно звучало не только в том, что мархаэнизм упоминался в первую очередь, но в духе

самого выступления, завершающегося фразой: «Братья и сестры, Индонезия – это Азия и Африка в миниатюре» [10. С. 294].

В Бандунге впервые были сформулированы принципы мирного сосуществования государств с различными политическими системами. В апреле 1955 г. «третий» мир предлагал человечеству один из наиболее глобальных проектов XX в. Принципы, обозначенные в Бандунге, значительно обогнали реалии своего времени. Несложно увидеть параллели между Бандунгским кодексом мирного сосуществования и Хельсинскими соглашениями 1975 г. По большому счету, Бандунгские решения являлись маневром «третьего» мира между полюсами биполярной планетарной модели. Бандунг также содействовал укреплению авторитета национальных лидеров (прежде всего – Сукарно) в глазах собственных граждан [24].

К середине 50-х гг. Сукарно уже прочно вошел в плеяду наиболее авторитетных лидеров «третьего» мира. По замечанию А.Ю. Другова и В.А. Тюрина, «авторитет Сукарно внутри страны, ранее несколько аморфный, приобрел более рельефные очертания» [3. С. 176].

Отстаивая принципы неприсоединения, солидарности и национализма, в выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне в мае 1956 г. Сукарно заявлял о невозможности создания национальных и сверхнациональных образований без использования нации «в качестве фундамента, кирпича и замкового камня» [10. С. 356]. И далее он продолжил: «Мы живем в эру азиатского и африканского национализма... Никакой поток долларов, никакой каскад рублей не изменят этого. Ни доллары, ни рубли ничего не будут значить, если не будет проявлено уважение к национальным устремлениям этих континентов» [10. С. 361].

Однако все вышеизложенные принципы подверглись кардинальной ревизии и пересмотру в сентябре 1961 г. в Белграде. 1 сентября 1961 г. Сукарно изложил свое новое видение международных отношений и глобальной расстановки сил. Он предложил концепцию НЕФО (англ. яз.) – «Новых нарождающихся сил». Сукарно полагал, что в век ядерного оружия конфликт идеократий в рамках биполярного мира может быть решен только мирными методами, а посему он не является основополагающим, поскольку существует баланс сил и априорное понимание финала ядерного столкновения, в котором не будет ни победителей, ни побежденных. Этот конфликт превращается в конфликт второго плана. На первый план выходит конфликт между национально-освободительным движением и империализмом и колониализмом. «Новые нарождающиеся силы», по определению Сукарно, – это социалистические страны и страны «третьего» мира. Причем первым Сукарно отводил подчиненную роль в общей борьбе [18. С. 59]. Сукарно предлагал иной геополитический подход, предлагая рассматривать мир не как поделенный на три лагеря – Восток, Запад и неприсоединившиеся страны, а на два – «старые установившиеся силы» (империализм) и «новые нарождающиеся силы» справедливости и свободы – страны Азии и Африки,

социалистические страны и прогрессивные силы в капиталистических странах [25. С. 213]. Такой подход был весьма опасным и не учитывал значительных противоречий в развитии стран Азии и Африки, замыкая общее подразделение только в рамках геополитики. При этом у Сукарно не существовало какой-либо строгой системы оценки политического курса того или иного государства, в соответствии с которой оно могло претендовать на вхождение в состав НЕФО. Нередко принадлежность того или иного государства к этой категории определялась весьма произвольно, на основании субъективных факторов: симпатией или антипатией, финансовой поддержкой или отказом в предоставлении кредитов Индонезии. Сукарно говорил, что страны, принадлежащие к НЕФО, не спорят до хрипоты об условиях кредитов, в то время как «старые силы» торгуются дни, месяцы, годы [21. С. 216–217].

Внешнеполитические реминисценции Сукарно свидетельствовали о продолжении следования по «третьему пути» развития, поскольку концепция НЕФО не могла не вызывать настороженного недоумения и в США, и в СССР. Сукарно образца 1961 г. претендовал уже не на лидерство в стране и регионе, его амбиции распространялись на мессианство в рамках всего афро-азиатского мира. В этот период один из идеологов доктрины «направляемой демократии» Р. Абдулгани заявлял: «Мы должны помнить, что являемся стомиллионной нацией, то есть в 5 раз больше, чем Филиппины, в 10 раз больше, чем Малайзия. Нам принадлежит руководящая роль» [26. Р. 149].

Следует отметить, что его внешнеполитическая стратегия повторила внутривнутриполитический кульбит, и от неприсоединения («несотрудничества») эволюционировала к конфликту между старыми и новыми силами. Сукарно как лидер физически нуждался в конфликте, поиске внешнего врага, который фактом своего существования оправдывал все внутривнутриполитические проблемы и неудачи режима. Образ внешних враждебных сил подпитывал аккумулятор лидерства Сукарно и позволял ему концентрировать и выплескивать в нужном направлении энергию секти. А.Ю. Другов так характеризует Сукарно образца начала 60-х гг.: «Победоносный вождь и победоносная армия при активной или пассивной поддержке основных политических сил нагнетали атмосферу воинствующего антиимпериализма, формируя идею мессианской роли Индонезии в мировом процессе... Сукарно было уже недостаточно занятых позиций. Правитель не может быть одним из многих или даже нескольких, он может быть единственным и всегда победителем и не в национальном масштабе, а в глобальном» [4. С. 103].

Сукарно более не устраивал образ демократичного Брата Карно, он желал быть великим вождем революции, яванским монархом, перед которым падала ниц вся Индонезия. Расширение жизненного пространства лидерства стало необходимым как кислородная маска. Мессианский идеализм выразился в этот период в предложении придать философии Панча сила глобальный характер, дополнив ее принципами устав ООН [8. С. 25]. Имя героя древнеиндийского эпоса (Бунг-Карно) «Махабхараты», совершившего мно-

жество легендарных подвигов, требовало новой институализации, вбирающей в себя героику прошлого времени, сакральность настоящего и монархические амбиции будущего. Инструментом этой институализации лидерства с одновременной попыткой консолидации нации путем перенесения акцента с проблем внутри страны во внешнеполитическую сферу стали западноиринская проблема и конфликт с Малайзией. Невозможность решить конкретные задачи в области экономики приводили к формированию мифических целей во имя сплочения нации. Сколь бы ни мифологична была задача, если она была доступна массовому сознанию, если ее можно было превратить в конкретную цель, Сукарно делал это. В 1960 г. такой задачей стала борьба за воссоединение с Западным Ирианом. К середине 1962 г. внутривнутриполитическая атмосфера в Индонезии позволяла Сукарно реализовать свои планы относительно Западного Ириана.

В 1961 г. перед правительственными войсками капитулировали мятежники на Суматре, в Аче. В июне 1962 г. сдался лидер движения Дар-уль-ислам на Западной Яве [3. С. 209].

В сентябре 1961 г. Нидерланды внесли на рассмотрение в ООН план по передаче Западного Ириана под опеку ООН на 10 лет, в течение которых эти территории должны были стать суверенным государством – Папуа [27. Р. 182].

В начале 1962 г. Сукарно отдал приказ о всеобщей мобилизации и отправке десанта на Западный Ириан. Начались военные поставки в Индонезию из СССР. В Индонезию прибыли советские военные, которые в случае необходимости могли принять участие в боевых действиях [28].

В целом, везение сопутствовало Сукарно в ходе развития этого конфликта. Нидерланды не были готовы выступить против такого тандема в монорежиме. США не могли поддержать Голландию без ущерба своему имиджу среди развивающихся стран. В итоге начался голландско-индонезийский процесс переговоров. 15 августа 1962 г. было подписано соглашение, по которому Нидерланды передавали управление Западным Ирианом исполнительной администрации ООН, после чего с мая 1963 г. территория переходила под суверенитет Республики Индонезия.

Индонезийское правительство обязалось предоставить населению территории право выбора до конца 1969 г., оставаться в составе Индонезии или покинуть ее [18. С. 54–55]. 1 октября 1962 г. на Западном Ириане был спущен голландский флаг, и территория была передана во временное управление властей ООН [29]. В ноябре голландские войска покинули Западный Ириан [30]. 1 мая 1963 г. состоялась официальная передача этой территории Индонезии.

В результате развития событий правительство Нидерландов выступило с заявлением о том, что в связи с военной угрозой со стороны Индонезии и ввиду отсутствия понимания среди союзников по НАТО вынуждена уступить эту территорию [31. Р. 32].

Поскольку СССР оставался в тени конфликта, а на авансцене политических событий выступал исключительно Сукарно, он и пожинал плоды победы, основательно упрочив свои позиции.

Решение западноирианской проблемы в пользу Индонезии укрепило лидерство Сукарно. Он находился на пике авторитета. Его харизма достигла кульминационной вершины. Однако он не сумел использовать благоприятную социальную атмосферу в своих интересах. Прикрываясь революционной фразеологией, бравирова высказываниями о солидарности и независимости, он будто не замечал накапливающихся проблем в экономике, не видел стратификационных изменений, подвижек в массовом сознании. Сукарно «просмотрел» изменение состава своей «аудитории», перед которой он произносил свои революционные и антиимпериалистические речи. В середине 60-х гг. ему приходилось иметь дело не только с поколением своих ровесников. У его соратников подросли дети, которые мыслили иначе и знали о колониализме по рассказам родителей.

Их жизненным приоритетом были уже не абстрактные революционные задачи, а практическое устройство своей повседневной жизни. Массовая культура и потребительские товары попадали в Индонезию с Запада, на практике показывая несостоятельность и неконкурентоспособность режима «направляемой демократии». В изменении системы ценностей значительную роль сыграло появление в стране транзисторных радиоприемников, которые открывали для проникновения информации даже районы, лишенные электричества. В ходе этого произошла трансформация массового сознания индонезийцев. Национализм по-прежнему оставался точкой центра массовой психологии, но перестал быть лишь квинтэссенцией идеологических антиимпериалистических реминисценций. Массовое сознание требовало практических шагов по улучшению жизни, изменения вектора, ориентированного на мессианскую фразеологию, на вектор модернизации экономики [4. С. 97–98].

© Воронин С.А., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Brackman A. Indonesian Communism. A History. N.-Y., 1963.
- [2] См. подробнее Nasution A.H. Towards Peoples Army. Djakarta, 1964.
- [3] Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М., 2005.
- [4] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М., 1997.
- [5] Culture & Politics in Indonesia. Claire H. (Ed.), Ithaca, London, 1972.
- [6] Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N.-Y., 1965.
- [7] Севортян Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991.
- [8] Сумский В.В. Национализм и авторитаризм: Полит.-идеол. процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М.: Наука, 1987.
- [9] Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. М., 1997.

- [10] Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956.
- [11] *Narian rakjat*. 18.08.1964.
- [12] Пахомова Л.Ф. Поиск пути к справедливому и процветающему государству // Сукарно: политик и личность. М., 2001.
- [13] Алаев Л.Б. История Востока. М., 2007.
- [14] *Financial Times*. L., 19.09.1963.
- [15] Пахомова Л.Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, М., 2007.
- [16] Government Report to the Gotong – Royong House of Representatives on the settlement of Foreign Debts.
- [17] Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945–1968). М., 1971.
- [18] Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
- [19] Симония Н.А. Индонезия. М., 1978.
- [20] Колоницкий Б. Сукарно: Легко ли быть независимым // Еженедельник «Дело», СПб. URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [21] Капица С., Малетин Н.П. Сукарно: политическая биография. М.: Мысль, 1980.
- [22] Бондаренко Г.Г. Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII–XV вв. М., 1984.
- [23] Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- [24] URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [25] Лончар В. Эра и дело Сукарно // Сукарно: политик и личность. М., 2001.
- [26] Grant B. *Indonesia*. L., N.-Y., 1965. P. 149.
- [27] Nasution A.H. *Sedjarah Prdjungan Nasional dibidang Bersendjata*. Djakarta, 1966.
- [28] Воин России. М., 1998. № 4.
- [29] Правда. М., 02.10.1962.
- [30] Правда. М., 25.11.1962.
- [31] *Newsweek*. N-Y, 27.08.1962.

REFERENCES

- [1] Brackman A. *Indonesian Communism. A History*. N.-Y., 1963.
- [2] See more: Nasution A.H. *Towards Peoples Army*. Djakarta, 1964.
- [3] Drugov A.Ju., Tjurin V.A. *Istorija Indonezii. XX vek [History Indonesia XX century]* М., 2005.
- [4] Drugov A.Ju. *Indonezija. Politicheskaja kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]*. М., 1997.
- [5] *Culture & Politics in Indonesia*. Claire H. (Ed.), Ithaca, London, 1972.
- [6] Sukarno. *An Autobiography as Told to Cindy Adams*. N.-Y., 1965.
- [7] Sevortjan N.Je. *Istoricheskij opyt zhestkoj vlasti (indonezijskij primer) // Avtoritarizm i demokratija v «tret'em mire» [The historical experience of hard power (Indonesian example) // Authoritarianism and Democracy in the "third world"]*. М., 1991.
- [8] Sumskij V.V. *Nacionalizm i avtoritarizm: Polit.-ideol. processy v Indonezii, Pakistane i Bangladesh [Nationalism and authoritarianism: Polititical and ideol. processes in Indonesia, Pakistan and Bangladesh]*. М.: Nauka, 1987.

- [9] Drugov A.Ju. Indonezija. Politicheskaja kul'tura i politicheskij rezhim [Indonesia: Political culture and political regime]. M., 1997.
- [10] Sukarno. Indonezija obvinjaet. Sbornik statej i rechej [Indonesia blames. Collection of articles and speeches]. M., 1956.
- [11] Harian rakjat. 18.08.1964.
- [12] Pahomova L.F. Poisk puti k spravedlivomu i procvetajushhemu gosudarstvu // Sukarno: politik i lichnost' [Finding the way to a just and prosperous nation // Sukarno: politician and personality]. M., 2001.
- [13] Alaev L.B. Istorija Vostoka [Oriental History]. M., 2007.
- [14] Financial Times. L., 19.09.1963.
- [15] Pahomova L.F. Modeli procvetanija. Singapur, Malajzija, Tailand, Indonezija [Models prosperity. Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia]. M., 2007.
- [16] Government Report to the Gotong – Royong House of Representatives on the settlement of Foreign Debts.
- [17] Arhipov V.Ja. Jekonomika i jekonomicheskaja politika Indonezii (1945–1968) [Economy and Economic Policy of Indonesia]. M., 1971.
- [18] Drugov A.Ju., Reznikov A.B. Indonezija v period «napravljajemoj demokratii» [Indonesia in the period of “guided democracy”]. M., 1969.
- [19] Simonija N.A. Indonezija. M., 1978.
- [20] Kolonickij B. Sukarno: Legko li byt' nezavisimym [Sukarno: Is it easy to be independent] // Ezhenedel'nik «Delo». SPb. URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [21] Kapica S., Maletin N.P. Sukarno: politicheskaja biografija. M.: Mysl', 1980.
- [22] Bondarenko G.G. Kul'tura i ideologija srednevekovyh gosudarstv Javy. Oчерк istorii VIII–HV vv. [Culture and ideology of the medieval states of Java. Essay on the history of centuries VIII–XVII]. M., 1984.
- [23] Simonija N.A. Strany Vostoka: puti razvitija [Oriental Countries: Ways of Development]. M., 1975.
- [24] URL: <http://www.ideo.ru/275/31.html>.
- [25] Lonchar V. Jera i delo Sukarno // Sukarno: politik i lichnost' [The era and the matter of Sukarno // Sukarno: policies and personality]. M., 2001.
- [26] Grant B. Indonesia. L., N.-Y., 1965. P. 149.
- [27] Nasution A.H. Sedjarah Prdjungan Nasional dibidang Bersendjata. Djakarta, 1966.
- [28] Voin Rossii [Russian Soldier]. M., 1998. № 4.
- [29] Pravda. M., 02.10.1962.
- [30] Pravda. M., 25.11.1962.
- [31] Newsweek. N.-Y., 27.08.1962.

**REGIME OF “GUIDED DEMOCRACY”.
ON THE ISSUE OF THE FORMATION
OF THE IDEOLOGY OF THE “THIRD POSITION”
IN INDONESIA**

S. Voronin

Department of World History
Peoples` Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author reveals the basic provisions of the ideology of the “Third Position” in the Indonesian political leadership model. By the end of the 50's Sukarno completed the formation of the doctrine of the “Third Position”. Analyzing the current political model, Sukarno appealed to the identity, rejecting capitalism that generates colonialism and fascism. He rejected, first of all, the very psychological foundation of liberal capitalism – individualism, the guiding to the competition and struggle, and therefore unacceptable to Indonesia concept of “Third Position”. Sukarno meant building a socio-economic model of traditional, patriarchal and egalitarian society based on the principle of community solidarity and mutual assistance. The main element of the social model, according to Sukarno thought, was the family as the center of solidarity, led by the patriarch, the head of the family. The principle of family has been moved Sukarno all Indonesian society. Sukarno became “father of the nation”.

Key words: Sukarno, Indonesia, solidarism, political leadership

GENDER POLITICS AND NATION-BUILDING: CONSTRUCTING A NEW IMAGE OF FEMININITY IN NORTH KOREA (1945–1957)¹

N.N. Kim

National Research University “Higher School of Economics”
Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russia, 101 000

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russia, 107 031

From the beginning of state-building in North Korea, its ideology has always been developed in line with the theory of Korean revolution. Initially, the conception of the Korean revolution was based on the main postulates of the Marxist-Leninist theory of revolution, implying its development changed from a bourgeois-democratic stage to a socialist one. Regarding North Korea, after its liberation from Japanese colonialism, this conception meant a gradual transition from anti-imperialism to the anti-feudal democratic revolution and then to the current socialist regime. For the implementation of the first stage of the Korean revolution in 1946, a series of laws were adopted, which provided a solid basis for socialist transformations in North Korea. Officially, the anti-feudal democratic revolution completed in 1947 with the establishment of the People's Committee of North Korea; however, this began a transitive period that lasted until 1957. Thus, until the present time, the idea of the Korean revolution has been an essential structure of political discourse and has determined the current tasks of nation-building.

During the first and transitive stages of the Korean revolution, liquidation of socioeconomic and political inequality, including gender discrimination, was one of the main tasks of state-building. The liberation of women was understood in terms of the theory of class struggle and exploitation and implied granting women equal civil rights and freedom. Korean women were seen as a significant labor source, whose mobilization could significantly contribute to the establishment of socialism. The gender policy in 1945–1957 was mainly aimed at wakening the political conscience of women and their involvement in industrial production. Hence, the new sociopolitical regime and its policies influenced the transformation of traditional femininity and masculinity, which was primarily determined by the dominant neo-Confucian ideology. This study attempts to answer questions regarding how the theory of Korean revolution has impacted gender politics and to what extent North Korea could break with the traditional image of femininity.

Key words: North Korea, nation-building, gender politics, gender relations, femininity, revolution

¹ This article is an output of a research project «Gender Politics and Everyday Life in the Republic of Korea and DPR Korea» (2014–2015) implemented as part of the Individual Research Program of the School of World Economy and International Affairs at National Research University “Higher School of Economics”.

Introduction

The Democratic People's Republic of Korea (DPRK) was established as an independent state on September 9th, 1948. Its establishment was the result of the beginning of the cold war and the ideological division of the Korean political parties into opposing groups. However, the creation of the DPRK in the northern part of the Korean Peninsula was preceded by the establishment of the Republic of Korea on August 15, 1948. The division of Korea into two states was not a short-term achievement and required a great amount of time and effort from both the internal (namely, Korean political groups) and external political forces, e.g., those who were responsible for the military occupation of Korea since its liberation in August of 1945. Thus, the processes of state-building in North and South Korea had started long before they were declared as two independent states in 1948. During the three years of the transitive period (1945–1948), Koreans prepared for the creation of a new state, but due to the political contradictions between the rightists and the leftists, they could not achieve unity regarding what model of state governance should be established in Korea as the basis of its future national development. In this regard, the transitive period was a time of determining a new developmental model that would guarantee a prosperous Korean future.

A new strategy for national development employed radical changes in the semi-feudal land system, power structure and social relationships. It was believed that Korea should be a society of equal opportunities, irrespective of an individual's racial, religious or gender affiliation, which was a view that was equally shared by Korean nationalists and communists. The Constitution of the DPRK in 1948 guaranteed equal civil rights for all citizens and was officially confirmed to ensure gender equality. To properly assess the importance of the last measure, one needs to understand the social status of Korean women in traditional Korean society during the Joseon era (1392–1910) in which the “woman’s life was completely governed by men” [20. P. 189]. The Japanese colonial regime, which lasted for 35 years (1910–1945), provided no advancement in the development of women's rights. The most considerable changes occurred in female education, making it more accessible for Korean women than in the Joseon period. During the colonial time, Korean women had been gradually involved in the national liberation movement and industrial production, thus changing their image of being housekeepers and from the “inner quarters” (*annae*). However, these social changes were not accompanied by measures that would have provided a new legal status for Korean women or a new social attitude towards them. In this sense, the Law on Equal Rights of Men and Women, which was adopted on July 30, 1946 in North Korea and was later confirmed by the Constitution of 1948, provided a legal basis for the revolutionary transformation of the social status of women in Korea. Together with males, Korean women were to become important players in the nation-building process in the DPRK.

This study aims to answer the questions of how gender relations have changed in North Korea after the establishment of an independent state and how the political system and the new structure of power relations has influenced the formation of the new image of femininity. Initially, I planned to explore the evolution of gender politics in the DPRK from liberation until the present time; however, because of some publication requirements, I had to limit my analysis to the initial stage of gender politics. Chronologically, this study covers the period from 1945 until the end of the 1950s, and it coincides with the development of the Korean revolution from the anti-feudal democratic stage to the socialist one.

Sources & Methodology

The study of North Korea, regardless of the research subject, usually encounters many problems because of the lack of reliable information about the country. Researchers who study North Korea commonly have to deal with a wide range of secondary sources, which objectivity is often questionable, while the number of primary sources is limited and specific. This study, therefore, explores the conceptual linkages between the processes of nation-building and the formation of a new type of femininity in North Korea that are based on several different types of sources. The analysis of the nation-building policy entails studying the official documents of the DPRK that were published from 1948 to the present time. These documents include public speeches, declarations and memoirs of North Korean leaders, the Constitution of the DPRK, and the laws related to the development of women's rights. The North Korean leaders' statements clearly show how they have gradually reshaped and changed the basic elements of nation-building in North Korea.

Developing from a people's democracy to Juche-oriented socialism in the 1960s, the North Korean state went through a difficult time of formulating its national self-identity, which was different from the postulates of Marxism-Leninism and free of external influences. What remained unchanged during the evolution of the nation-building ideology is their interpretation of what a nation is. According to Kim Il-sung, a nation implies the unity of blood, culture and cohesion of historical development [9. P. 26]. In early 1948, criticizing Japanese colonialism, Kim Il-sung stated that even under the tough Japanese regime, the Korean nation had managed to maintain its national culture and language, "holding dear and sacred the memory of its own country history and national dignity" [10. P. 164]. Furthermore, Kim Il-sung thought that for a long period of time Korea was developing as a united nation based on the unity of blood and culture [11. P. 450]. This understanding of nation, which is ethnocentric, ensures that Korea is a united nation without its division into the North and South. From the point of the choice and implementation of a nation-building strategy, it means that in the words of Deutsch, "the influence of the past, the environment, and the vast, complex, and slow-changing aspects of the actions and expectations of millions of people. These actions and expectations limit the speed and scope of "nation-building"..."

[3. P. 3]. After the collapse of the Japanese regime, Koreans should have built a new state that retained a succession of cultural memory and blood. What they needed to renew substantially concerned with the institutional structure of society and power relations [12. P. 235–249].

The statements of North Korean leaders are the main sources for understanding changes in their nation-building strategies and its potential effect on gender politics. However, their statements insufficiently explain in detail how the social practices of women have been developed and how femininity has changed throughout the political vicissitude. In this regard, a content analysis of the female magazine, *Korean Woman* (조선 녀성), will help to recreate a new image of femininity that explicitly reflects the narratives of the magazine's pages.

Kim Il-sung's autobiography (*Reminiscences: With the Century*) also deserves consideration in the present study. Published in 1992–1998 in Pyongyang, the memoirs provide rich information of Kim Il-sung's approach to the development of women's rights in Korea, and, in general, his understanding of a woman's life. It is interesting to analyze those parts of Kim Il-sung's memoirs in which he warmly recalled his mother, the women guerillas and the creation of a women's brigade, as well as his wife, Kim Jong-suk. Remembering his mother, Kim Il-sung said that "purely from a woman's point of view, Mothers' life was nothing but hardships, one after another" [13. P. 62]. Thus, true love and sincere compassion for his mother helped Kim Il-sung to understand all of the hardships a woman suffers during her life. By understanding exactly how subdued the social status of Korean woman was in the traditional feudal society, Kim Il-sung raised a question regarding the prerequisites of a woman's liberation from the existing social roles.

The starting point of woman's liberation, according to Kim Il-sung, was the creation of the first women's guerilla brigade in April of 1936. Having existed for only a short time (six months), it was "a historic event which led the women of this country to a revolutionary path" [13. P. 1029], making them "one wheel of revolution". He thought that as a consequence of the women's brigade, the long lasting Korean tradition of male supremacy and disregard for women was broken. Thereby, Korean women made the first step towards a revolution from traditional ways of life. Kim Il-sung strongly criticized the Joseon society (1392–1910) and Japanese rule (1910–1945) for the social discrimination of women in which he stated that "...women had no other heritage than the chain of bondage and grievances. This was the worst crime committed by the Korean feudal society" [13].

In this reflection of Kim Il-sung on the improvement of the status of women, it is important to stress the conceptual linkage between women's liberation and the Korean revolution. The liberation of women from the feudal tradition of disdain became possible via the revolutionary struggle of the Korean people against the hated Japanese rule, and, in private, it started due to the creation of the women's brigade in 1936. Since that time, Korean women "began to write their new history on the ground of blood", thus contributing to the Korean revolution at

the cost of their own lives. It also was very important for the continual involvement of Korean women in shaping the future of Korea. The development of the Korean revolution also included the Marxist approach to women's liberation; therefore, it created a theoretical basis for sophisticated interpretations regarding the ongoing transformation of women's social status in North Korea after liberation. As a result, the restructuring of the traditional image of femininity occurred, which met the requirements of the current political regime and state ideology.

Now, we come to the questions of how nation-building policies correlate with transformations of the dominant image of femininity and to what extent it might affect gender stereotypes to cause radical changes in the perceptions of women's traditional roles (occupation, behavior, personal traits). To answer these questions, we should clarify some concepts and categories of the current analysis that are used as theoretical presumptions. First, I assume that gender is a social construction and that it is regularly constructed, changed or renewed through dominant discourses [24]. Additionally, gender, as a discursive formation, cannot be separated out from "the political and cultural intersections in which it is invariably produced and maintained" [1. P. 3]. This means that gender representation is deeply enrooted in power relations and ought to be studied regarding the close bond with power politics. In the frame of constructionism, femininity, which implies a set of traits, occupational roles and types of behavior associated with women, is also understood as a socially constructed phenomenon. The understanding of masculinity and femininity varies based on the historical context, region, and cultural tradition, which confirms there is neither a universal nor an eternal (unchangedable) type of femininity.

Second, because the nation-building policies of North Korea are a main subject of research, it seems reasonable to supplement the constructionist approach to gender with a political discourse analysis. This will allow us to determine the dominant and subverted discussions in North Korean politics and will answer the question of how the dominant discourse may impact the gender construction. In our case, political discourse analysis entails studying the public statements of North Korean leaders and the narratives of *Korean women*, which are interpreted as 'texts'. According to M. Hearn and Gr. Michelson, "texts can take many forms such as written documents, verbal reports and statements, terminology, symbols and signs. Discourse analysis involves the systematic study of these texts" [26. P. 8]. This interpretation of a 'text' has a dialectic bond with the definition of discourse as "practices that systematically form the object of which they speak" [4. P. 13]. Discourses occur in our everyday life through various human activities and interactions ('texts') and construct meanings of social actions and identities. Discourses may be used by different groups to shape and construct outcomes in their favor. "These constructive processes help to further reveal and illuminate underlying power relations in social structures as dominant meanings associated with particular discourse emerge by way of contestation. The dominant meaning occurs as alternative discourses are marginalized or subverted" [26. P. 9]. From this point

of view, a 'woman' as a social actor and gender is constituted by the existing discourses. A 'woman' is socially and discursively constituted because "evident physiological differences do not in themselves lead to similar categorization" [4. P. 13].

In accordance with these theoretical provisions on gender and femininity and the discourse analysis of nation-building-related texts, I assume that the dominant political discourse in North Korea after liberation and up to the present time has been developed through an opposition of 'revolution' and 'counter-revolution'. The modern political discourse reflected in the texts of North Korean leaders is infused with idea of the Korean revolution. This is a core indication that determines all of the processes of political development in the DPRK. The term 'counter-revolution' is rarely used by North Korean leadership, but those challenges that are caused by the counter-revolution (such as the presence of internal and external enemies, which are threats to the current revolution, and as a consequence, are threats to the well-being of the Korean nation), are always mentioned. Who are the enemies of the Korean revolution? During different stages of development in the Korean revolution, different groups have been marked as enemies; however, these are pro-Japanese and pro-American groups, American imperialists, national traitors, factionists, spies, infiltrators, land owners, and comprador bourgeoisie [12. P. 268–269]. The threat of counter-revolution has always been one of the essential prerequisites for constituting the nation-building strategy in North Korea, thus determining the DPRK development is an imperative task in Korean revolution [27].

Ideological background of nation-building in North Korea: Analyzing the initial stage of the Korean revolution

After the liberation of Korea from Japanese imperialism, Korean leftists conceived the ongoing sociopolitical process in their country as a bourgeois-democratic and anti-feudal revolution. The leader of South Korean communists, Pak Heon-yeon, in his famous "August theses" (1948) determined the current stage of revolution in Korea as a bourgeois-democratic one. Meanwhile, the leader of the North Korean leftists, Kim Il-sung, wrote: "Though our country had liberated but in all spheres of society remained deeply rooted harmful remnants of the period of Japanese imperialism and feudalism. Without eliminating these vestiges it would impossible either to complete an establishment of independence, nor the democratic development of a society. Hence, we define the modern character of the Korean revolution as anti-imperialist and anti-feudal democratic revolution" [14. P. 39]. As can be seen, Kim Il-sung did not use the term "bourgeois-democratic revolution". Instead, he spoke about the anti-imperialist and anti-feudal democratic revolution in Korea. According to the North Korean historiography, this period of the Korean revolution completed in 1947 with the establishment of the People's

Committee, and after its founding, there was a transition period to socialism [29] (1947–1957).

The political opponents of Korean communists, the nationalists, did not interpret the period after liberation as a revolution. However, they did understand that it was the most challenging time in modern Korean history. Both the Korean nationalists and the leftists precisely knew after liberation that the future development of Korea depended on how Koreans would respond to these challenges. Overall, these challenges concerned a future form of governance, and, in particular, a new system of power relations and a model of socioeconomic development. This was a development issue that had to be solved by the combined efforts of the Korean people and their allies. The allies had liberated Korea from Japan, and as liberators of Korea who was a colony of Japan, they strongly influenced the future choices of the public governmental system. In this respect, it is important to remember that Korea was divided along the 38th parallel between the Soviet Union and the US. North Korea was placed under Soviet control, and the South was placed under American control.

The role of the Soviet Union in the creation of the new political regime has been considerable since the liberation of Korea. Conditionally, until the 1960s, when Juche ideas became the essential basis of North Korean state ideology, Kim Il-sung often stressed in his public speeches the significant role of the Red Army in the liberation of Korea from Japanese colonialism. In the December of 1945, he said that the Soviet Army, having expelled the Japanese imperialists from Korea, brought freedom and independence to the Korean people [15. P. 11]. The contribution of the Soviet army to the liberation of Korea and to the establishment of the DPRK, was, therefore, a common idea in North Korea from 1945 to the 1950s. The first women's magazine, *Korean woman* (조선 여성), which was edited in North Korea since September 1946, usually opened with political articles in which the liberation aims of the Soviet Army were clearly stressed. Moreover, in the second half of the 1940s to the early 1950s, the magazine published several articles on the Soviet system of education, famous political figures (Nadezda Krupskaya, Maria Kollontay) and literary works [6], [7]. Looking over these articles, it becomes evident that the Soviet experience was initially presented as an example of nation-building to be followed by North Koreans in all spheres of life.

Therefore, in the early stages of North Korean state-building, it was officially recognized that a new future of Korea had been made possible due to the great and heroic contribution of the Soviet Army and its leadership during the liberation. Nothing was ever said about the US and the UK, who also contributed to the victory over Japan and to the collapse of Japanese colonialism in Korea. The division of Korea along the 38th parallel, in addition to the close supervision of the Soviet civil authorities in North Korea, led to the new DPRK leadership's major reliance upon the Soviet Union. Although this thesis may be questioned in regard to the future choice of national governance, the Soviet Union successfully adopted the people's democracy as a system of governance in the DPRK. More-

over, the Soviet Union helped the Workers Party of North Korea (WPNK, which was created via the unification of the former North Korean Orgburo of the Korean Communist Party with the New People's Party) to assert its political power in North Korea. The political monopoly of the WPNK confirmed the results of the first election of the people's committee (in provinces, towns and counties) in November of 1946, when it obtained 36% of the vote, followed by the Democratic Party and the Chonudan Party with a total of 26% of the vote. The remaining votes belonged to the delegates without party membership (38%) [29. P. 251].

Immediately after the Soviet Army entered North Korea, the people's committee started to appear all over the northern part of Korea, whereas in its southern part, they were strictly forbidden by the American Military Government. Thus, since the liberation of the people's committee, it has become one of the most imperative sources of administrative power in North Korea. In February of 1946, however, the Temporary People's Committee (TPC) was established, which factually functioned as a provisional government of North Korea under the guidance of the Soviet Civil Administration. During the transitive period, the TPC initiated a few structural reforms, which provided a basis for the social and political revolution in Korea. In accordance with the ideas of the anti-feudal and anti-imperialist democratic revolution, the TPC implemented a land reform in March of 1946 and adopted the Law on Labor, the Law on Equal Rights of Men and Women, and the Law on Nationalization of industrial enterprises, railroads, and banks owned by the Japanese and national traitors. These measures were implemented into all of the main tasks of the anti-feudal democratic revolution and, therefore, created conditions for a smooth transition into socialism [16. P. 537–538].

After the Korean War (1950–1953), the DPRK government adopted a 3-year economic plan that aimed to restore the national economy and the industrialization and large scale nationalization (collectivization) of private property in all sectors of production. By 1958, the socialist property (state and collective) became the dominant form of property rights in North Korea [30. P. 163]. From a political point of view, it meant a transition from the people's democracy regime to a socialist democracy that was based on the monopoly rights of the state and the governing party in the distribution of national income. Theoretically, it also meant the completion of the transitive period in the Korean revolution and the beginning of the development of the socialist stage.

Toward gender equality in North Korea

No notable results have been achieved in North Korea regarding gender relations. Following the Marxist idea of the discrimination of women in a capitalist society, the Korean leftists began their gender policy with the adoption of the Law on Equal Rights for Men and Women on July 30, 1946. The law gave Korean women equal rights to men in all areas of state, economic, social and political life, including the ability to work and rest, to receive equal pay for equal work, to re-

ceive social security, and to receive education [31. P. 334–336]. The law prohibited polygamy, concubines, the selling and buying of women, prostitution and *kisaen* activities. Korean women were granted the same rights of men with respect to marriage, the selection of a spouse, the dissolution of marriage, assignment of alimony rights and inheritance (property division rights). The marriageable age was 18 years for men and 17 years for women. However, there must be mutual consent for marriage between a man and a woman because forced marriage was strictly prohibited. Until the Act of Civil Affairs was adopted in 1986, all laws and rules related to family relationships were enacted on an *ad hoc* basis [21. P. 173].

The emancipation of women was exclusively interpreted in the terms of class liberation or liberation from class exploitation. As Marx wrote in the “Manifest of a Communist Party”, “The bourgeois looks at his wife as a mere instrument of production ... He does not even suspect that there is a need to do away with such a status of woman as a mere instrument of production...” [25]. Marx’s theory of exploitation extends to the social relations of patriarchy. “Patriarchy and the bourgeois family system embody exploitation of women, within the household and within the workplace” [23]. In this regard, gender inequality is understood as a consequence of class inequality and exploitation, whereas the inequalities associated with gender were given little attention. Formally, the Law on Equal Rights of Men and Women was aimed at emancipating women from class exploitation and destroying the patriarchy institute, which was seen as an obstacle in the anti-feudal democratic revolution. In reality, the true aim of the law was for class mobilization of women for the creation of a new, socialism-oriented state and its consolidation around the governing Workers Party of Korea. The social liberation of women was, therefore, seen as a compulsory condition for the implementation of the next socialist stage of the Korean revolution [17. P. 210]. Since that time, Korean women have been deprived of the privacy that they had during the Joseon era and have been pushed into public relations. Thus, women began to be considered as an integral part of the working and social class and could be mobilized for all work and tasks set by the governing political party.

After liberation, different public organizations were established in North Korea that focused on the class conscience of Korean peasants and workers, including women. Created in November of 1945, the Democratic Women's Union of Korea (DWUK) was the biggest women’s public organization. They fought to facilitate further involvement of Korean women in all spheres of social life, including female education (it helped to liquidate women's illiteracy), creation of kindergartens, extrication of various old-fashioned prejudices, and religious beliefs. The most important mission of the DWUK was propagandist work. As Kim Il-sung pointed out, in his speech during the opening conference of the DWUK, the Union had to concentrate its efforts on forming correct views of women regarding the people's power and the current tasks of nation-building [17]. In this regard, the activity of the DWUK was completely determined by the political course of the Workers Party in Korea. The effectiveness of the Women's Union depended upon the large

scale involvement of adult North Korean women for its activities. Thus, it was practically compulsory for all adult women to participate in DWUK meetings (in towns and counties). By November of 1965, the DWUK's membership was 2,730 thousands members [30. P. 158] and they published the female magazine, *Korean Woman*, the first state-sponsored monthly magazine for women in Korea.

In addition to the DWUK, Korean women participated in all other national public organizations, such as the All-Korea Trade Union, the Union of Socialist Labor Youth, and the Korean Union of Agriculture Workers. Participation in all public organizations facilitated the involvement of women in political activities. For the first time in Korean history, women took part in the election of the people's committee in November of 1946, and among the 3,459 deputies of the people's committee, 14% were women (453) [29. P. 252] Following this, a quota for women's legislative and political participation was adopted and raised to 20%. According to statistical data, in the second half of the 20th century, the rate of seats held by women in the national parliament was very stable at 20.1, but after 2009, it dropped to 15.6 [5]. As for the women's share of government ministerial positions in the DPRK, there were no women ministers. In 2008, unexpectedly, the share of women holding ministry positions increased to 5.7. However, by 2012, it dropped to 0 as before [5].

Along with political empowerment, women were highly involved in industrial production. The Law on Labor, adopted on June 24, 1946, was created so that women could work in comfortable conditions and have equal rights as men in the workplace. Korean women were granted rights of two to four weeks of paid leave, 77 days of maternity leave with pay, and social insurance. To increase the labor force participation of Korean women, the TPC (later, the DPRK government) with the support of public organizations, including the DWUK, opened kindergartens to help women to cope with their double-burdened life. Care for children was declared a state policy, according to the Constitution of 1948 (article 22). This labor policy substantially changed the everyday life of thousands of North Korean women, making them important players in national production. By 1965, however, there were more than 70,000 engineers and other qualified specialists who were women. Moreover, 64 women were Heroes of the DPRK and Labor Heroes [30. P. 152]. Comparing this gender policy with another socialist country, it reminds one of the Soviet Union in the 1930s to 1950s. This was a period when women were viewed as "working mothers", and the strengthening of families was the core principle of the Soviet society.

Here two questions arise: First, how has the image of femininity changed by this gender policy and to what extent has it really changed and broken the traditional style? Traditionally, Korean women were taught to be diligent, caring, quiet, loyal, and balanced. These traits trained women to become dutiful wives, caring mothers and obedient daughters. "The inequality of the sexes was ingrained in children's minds from birth" [20. P. 190–193]. As a result, it formed very solid gender stereotypes for women that implied strict occupational and behavioral seg-

regation. In general, women were occupied with spinning, sericulture, silk-weaving, and doing household chores, although the occupation types undertaken depended on their social status. Before Korea entered the “socialist modernity” [19. P. 11], it was one of the most class-divided and stratified societies in the world [2], whereby the everyday life of women commoners (peasants) essentially differed from that of women aristocrats. One could even say that women of upper and lower social classes had nothing in common. However, what they equally shared was a deprivation of public life. Both women peasants and aristocrats (yangban) had no idea about what was going on outside of the inner quarters (house). Thus, leadership was exclusively associated with masculinity as well as all types of work that produced the household income.

In this cultural context, it was not enough to adopt the Law on the Equal Rights of Men and Women to make women socially and politically active. It was an impossible task for several reasons. First, the life of women peasants, who constituted the majority of the female population in the mid-20th century, was a chain of hardships as Kim Il-sung correctly noted in his memoirs. Living in poor and backward conditions, the everyday life of Korean women was very hard and substantially limited their social or political activity. Second, the level of illiteracy was very high in North Korea at the time. By 1945, there were 2,300 thousands within the illiterate population with only 35% of children attending primary schools and 1.8% going onto secondary school [30. P. 221]. This meant that the North Korean government began its gender policy regarding female education to engage women in public life. Finally, the inertia of any sociocultural development should also be considered: it required time to change the existing gender stereotypes and form new attitudes towards women.

The high illiteracy level was a hot issue after liberation, which required the combined efforts of the North Korean government and public organizations to cope with it on a short-term basis. By 1949, however, the illiteracy issue was almost resolved. The process of the liquidation of illiteracy was accompanied by raising awareness of women because the educational policy tasks were much broader than just teaching reading and writing. Women were to know about their rights and opportunities under the new socio-political regime, and one of the main tools of enlightenment politics included the female magazine, *Korean Woman*.

In the 1940–1950s, *Korean Woman* focused on forming new images of women who were socially active, educated and caring. The entertainment function of the magazine was absent, however, at the time. All editions of *Korean Woman* opened with articles on political topics, whereby the content depended on the current responsibilities of the socio-economic and political course of the governing party. As a rule, Kim Il-sung’s utterances and declarations of the DWUK’s leadership were published on the first pages. Although the personality cult of Kim Il-sung was forming in the 1950s and early 1960s but it was not so evident and eye-catching then compared with what it became in the 1970s. There was a reserved

attitude towards the North Korean leader, who was called the chief of state (원수) prime minister (수상), that did not include praising epithets such as ‘great’ (위대하다), and the ‘reverent’ (경애하다). An extensive praising of Kim Il-sung as the founder of the Korean state, mythologizing his role in the Korean revolution, started to determine the magazine's content in the end of 1960s – early 1970s. This, in turn, began a radical change in the magazine's publications in which Kim Il-sung's first wife, Kim Jong-suk, was the main and exclusive subject of attention. Thus, it was an absolute politicization of the magazine's narrative and of gender politics.

The magazine's section on politics from 1945 to the 1950s also included articles on the development of women's rights and movements in the European socialist countries. It outlined outstanding women in world politics, female representatives of the Stakhanov movement, and women heroes (Zoya Kosmodemyanskaya). All editions of *Korean Woman* contained poems (partly traditional, partly modern ones), patriotic songs, short stories of both national and foreign literature. Through these texts, Korean women were gradually taught to perceive themselves as an integral part of the world's working class without national borders. They were to go beyond their local, traditional views on female behavior and occupational roles, and they were to have high political and cultural views in socialist countries (mostly, the Soviet Union, which was a sample for development). Therefore, the wakening and internalization of the political conscience of Korean women was the essence of gender politics during the first and second transitive stages of the Korean revolution.

In spite of the evident progress in women's development from 1945 to the 1950s, the daily life of North Korean women retained its traditionalism. This is confirmed by a selective analysis of *Korean Woman* editions in the 1960s. In the magazine's section “Love, Marriage and Family”, one can find interesting articles about the problems that Korean women encountered after getting married, including complicated relationships with their mother-in-laws and elder sister-in-laws and the husband's position in unfolding family conflicts. It shows that throughout the 1950s, Korean women still suffered the same family problems as in traditional society [7]. Confucian family tradition was alive and relatively strong even under the new socio-political regime, regardless of its official propaganda against feudal remnants in family relationships. Moreover, it also shows that there was gender segregation within families and between females regarding both status and age (subdued status of woman to the female relatives of her husband).

The visual image of Korean woman was largely traditional. From 1945 to the 1950s, the front cover of the magazine had photos or pictures of Korean women working in factories or in the field (e.g., marching). The women usually wore traditional dresses, called hanbok, and in some cases wore work clothing. However, traditional clothing was dominant in pictures, and some rare photos of public places in the 1950s editions showed that the hanbok was the basic clothing style

for daily life. Despite this, it does not mean that this was the type of clothing worn in real life. For instance, in the magazine in the 1960s, the hanbok was one of the basic types of women's clothing, but according to evidence from Russian scholars who visited North Korea during this time, women's fashion was very similar to that of Soviet women. Women often wore European style dresses and skirts in Pyongyang, which was similar to the women in Moscow. Perhaps, the regular visualization of Korean woman in hanbok was to maintain a traditional image of the femininity, which focused on maternity and care. It was not without reason that subjects, such as maternity (pregnancy and the problems of getting pregnant and of bearing healthy offspring) and the upbringing of children, were recurring themes in *Korean woman*. Maternity care received particular attention from the DPRK government, especially after the Korean War, which resulted in a significant loss of Korea's population.

An adoption of Juche, as the basis for the nation-building strategy, substantially influenced gender politics in North Korea. However, it took time from the first mentioning of Juche in 1955 to its full scale implementation in the early 1970s [18]. Retaining the revolutionary phraseology in political discourse, Kim Il-sung and his son Kim Jong-Il substantially revised Marxism-Leninism. The creative application of Marxism-Leninism factually meant its Koreanization and strengthening of nationalistic components [22. P. 112]. The conception of the Korean revolution was also reviewed. Since then, the development of the revolution was closely connected with Kim Il-sung's activity, whereas it was previously interpreted in line with the Leninist approach to revolution. In comparison to the 1950s and the 1970s, the 1960s appeared to be the most liberal time from the point of society openness regarding the discussion of female issues. This was vividly shown by the editions of *Korean woman* with its narratives on family problems, advice on health, beauty, and maternity care. In some cases, in the magazine's section "Love, Marriage and Family", gender discourse was very intimate and touching. The analysis of these publications goes beyond the tasks of this article; thus, I can only state my opinion here.

The implementation of Juche ideas came along with revolutionizing women's social position. The North Korean leadership based its new gender policy on the assumption that there was no work that a women could not do. It meant that women could be equally mobilized alongside men during the Juche revolution and for building Korean-styled socialism. The government started to engage women in services that were earlier considered exclusively male occupations, including the maintenance of tractors and managing agricultural machines. This policy led to the reconstructing of gender in public conscience in which no woman was just a woman and no man was just as a man. Instead, there was only the subject of the Juche revolution. The official political discourse no longer referenced gender as it was too concentrated on the maintenance of Kim Il-sung's personal cult and

the formation of a new type of social actor that did not have a gender affiliation [29]. As a result, the political discourse included unprecedented citation of Kim Il-sung's works and the absolute elimination of female issues in *Korean Woman*. Gender issues have also disappeared from the public narrative, therefore making it extremely politicized and one-sided.

Conclusion

After the liberation of Korea in 1945, gender politics were closely linked to nation-building strategies based on the conception of the Korean revolution. The implementation of the anti-imperialist and anti-feudal democratic revolution implied the liquidation of gender inequality, which was seen as a shameful remnant of the colonial past. The class approach to a women's liberation resulted in the political awareness of women and their involvement in industrial production, whereas the problems of inequality associated with gender received less attention. As a consequence, the internalization of a women's conscience and their new perceptions about themselves as equals came about by retaining gender segregation and inequality in private aspects of life. In spite of some limitations in the gender equality policy, it facilitated the transformation of the traditional image of femininity. The most substantive changes concerned the occupational roles of women and types of behavior they must exhibit. Since then, politically and socially active woman have been regarded as models of femininity. Women's education has also been highly assessed in the new society so that female intellectual activity is no longer ignored and disdain by men, as was present in the Joseon era. Care and maternity, however, have still remained basic components of the image of femininity in North Korea.

After analyzing the evolution of gender politics in North Korea and the image of femininity, it is important to bear in mind the development of the Korean revolution. The image of a revolutionary mother, who is dedicated to the Party and its leader, became the primary model of a woman in the 1970s, whereas previously it was a behavior-based model. Thus, the formation of the totalitarian political regime inevitably resulted in a wider standardization of the types of women behaviors and the elimination of internationalist rhetoric from gender discourse.

© Ким Н.Н., 2016

REFERENCES

- [1] Butler Judith. Gender trouble. N.-Y., 1990.
- [2] Cumings Bruce. The Kim's three bodies: toward understanding dynastic succession in North Korea // North Korea in Transition. Ed. by Kyung-ae Park, Scott Snyder, Rowman & Littlefield, 2013. URL: https://books.google.co.kr/books?id=JOOi64jEcakC&pg=PA67&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false.

- [3] Deutsch Karl W., Foltz William J. *Nation building in comparative contexts*. Transaction Publishers, New Brunswick, New Jersey, 2010.
- [4] Gender identity and discourse analysis. Ed. By Lia Litosseliti and Jane Sunderland. Amsterdam, 2002.
- [5] Gender Statistics. URL: <http://genderstats.org/browse-by-counties/country-Indicator?ind=43&srid=37&ctry=408>.
- [6] Joseon yoseon. 1947. № 2–5.
- [7] Joseon yoseon. 1953. № 8.
- [8] Joseon yoseon. 1965. № 3–6.
- [9] Kim Il-sung. O tryeh prinzipah ob'edineniya rodiny (About Three Principles of Unification of the Motherland). Pyongyang, 1993.
- [10] Kim Il-sung. Chto nam delat I kak rabotat v etom godu? Rech na soveschaniy aktivy politicheskikh partiy I obschestvennykh organizatsiy uezda Kange (What should we do and how to work in this year? The speech on the meeting of the political active of the public organizations of the Kange county, 12 January 1948 // Kim Il-sung. Izbrannyi proizvedeniya (Selected Works). Pyongyang, 1970.
- [11] Kim Il-sung. Vospominaniya: v vodovorote veka (Reminiscences: With the Century). Pyongyang. Vol. 8. 1998.
- [12] Kim Il-sung. Otchetnyi doklad Zentral'nogo komiteta Trudovoy partii Severnoy Korei II s'ezdu partii, 28.03.1948 (The progress report of the Central Committee of the Workers Party of North Korea to the Second Congress of the party) // Kim Il-sung. Izbrannyi proizvedeniya (Selected Works). Pyongyang, 1970.
- [13] Kim Il-sung. Reminiscences: With the Century. Pyongyang, 1992. URL: <http://www.korea-dpr.info/lib/202.pdf>.
- [14] Kim Il-sung. Polnoe sobranie sochinenii (Complete works). Vol. 2. Pyongyang, 1980.
- [15] Kim Il-sung. Doklad na rasshirennom zasedanii Ispolnitel'nogo Komiteta Severokoreiskogo Orgburo Koreiskoi Komunisticheskoi Partii (The report on the broaden meeting of Executive Committee of the North Korean Organizing Committee of the Korean Communist Party, 17.12.1945) // Kim Il-sung. The selected works. Pyongyang, 1970.
- [16] Kim Il-sung. Tezisy o haraktere I zadachah nashei revolyuzii (Thesis on the character and tasks of our revolution, April 1955) // Kim Il-sung. The selected works. Pyongyang, 1970.
- [17] Kim Il-sung. Ob ocherednykh zadachah Soyuza zhensin (About the tasks of the Women's Union, 9 May, 1946) // Kim Il-sung. Sochineniya (Works). Pyongyang, 1980.
- [18] Kim Il-sung. On eliminating dogmatism and formalism and establishing Juche in ideological work. Speech to Party Propagandists and Agitators. December 28, 1955. URL: <http://www.marxists.org/archive/kim-il-sung/1955/12/28.htm>.
- [19] Kim Suzy. North Korean revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2013.
- [20] Kwon Soon-Hyung. *Did people divorce in the Joseon period?* // Everyday life in Joseon-era Korea. Economy and Society. Edited by Michael D. Shin. Leiden-Boston, 2014.
- [21] Lee Eun-jung. Family Law and Inheritance Law in North Korea // Journal of Korean Law. Vol. 5. No. 1. 2005.
- [22] Lee Grace. The political philosophy of Juche // Stanford Journal of East Asian Affairs. Vol. 3. No. 1. Spring 2003.
- [23] Little Daniel. A concise review of the role that feminism and women activists played in the development of Marxist institutions; the pattern of treatment of women that can be observed in existing communism. URL: <http://www-personal.umd.umich.edu/~delittle/Entry%20communism%20and%20marxism%20on%20gender%20v2.htm>.

- [24] Lorber Judith. The social construction of gender. URL: <https://anth1001.files.wordpress.com/2012/11/lorber-social-constructon-of-gender.pdf>.
- [25] Marx K, Engels F. Manifesto of the Communist Party. URL: <http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto>.
- [26] Rethinking work. Time, space and discourse. Ed. By M. Hearn, Gr. Michelson. Cambridge University Press, 2006.
- [27] Park Kyung-Ae in her article "Women and Revolution in North Korea" (Pacific Affairs. Vol. 65. № 4. 1992–1993. Pp. 527–545) suggested another model of analysis of gender policies in the DPRK. She stated that there were three basic goals of policies regarding women's emancipation: liberation from the patriarchal family and social system; liberation through social labor; and the creation of a socialist woman.
- [28] Ryang Sonia. Gender in Oblivion; Women in the Democratic People's Republic of Korea // Journal of Asian and African Studies. 2000. Vol. 35. Issue 3. Pp. 323–349.
- [29] Sovremennaya istoria Korei (The Modern History of Korea). Ed. By Kim Han Gir, Pyongyang, 1979.
- [30] Sovremennaya Korea (The Modern Korea). Ed. By Kazakevich I.S., Mhitaryan S.A., Sinitin B.V., Shabshina F.I., Shipaev V. Moscow, 1971.
- [31] Zakon o ravnopravii zhensin (The Law on Equal Rights of Men and Women) // Kim Il-sung. Sochineniya (Works). Pyongyang, 1980.

**ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА
И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЖЕНСТВЕННОСТИ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ (1945–1957)**

Н.Н. Ким

Национальный исследовательский университет
«Высшая Школа Экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 12107031

С началом складывания северокорейской государственности политика национального строительства формировалась в строгом соответствии с теорией развития Корейской революции. Изначально концепция Корейской революции базировалась на основных постулатах марксистско-ленинской теории о революции, предполагавшей наличие двух этапов в ее развитии: буржуазно-демократическом и социалистическом. Применительно к Северной Корее после освобождения от японского колониализма речь шла о постепенном перерастании антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции в социалистическую. С целью реализации задач первого этапа Корейской революции еще в 1946 г. в Северной Корее был принят ряд законов, заложивших основу для дальнейших социалистических преобразований. Антифеодальная демократическая революция формально завершилась созданием Народного комитета Северной Ко-

реи в 1947 г., после чего начался переходный этап в ее развитии, длившийся до 1957 г. Идея Корейской революции по сей день является структурной основой политического дискурса Северной Кореи, исходя из которой формируются текущие задачи национального строительства.

На начальном и переходных этапах развития Корейской революции ликвидация социально-экономического и политического неравенства в обществе, включая гендерное неравенство, являлась одной из важных задач государственного строительства. Освобождение женщин понималось в терминах теории классовой борьбы и эксплуатации, и, как следствие, сводилось к предоставлению женщинам в первую очередь равных с мужчинами гражданских прав и свобод. Корейские женщины рассматривались в качестве важного трудового ресурса, мобилизация которого имела огромное значение для строительства социалистического общества. В силу существующего подхода гендерная политика в 1945–1957 гг. была направлена, главным образом, на пробуждение политического сознания женщин и активное вовлечение в промышленное производство. В условиях новой социально-политической реальности и проводимой гендерной политики неизбежно должны были меняться представления о женственности и маскулинности, определявшиеся в традиционном корейском обществе неоконфуцианской идеологией. Автор настоящей статьи поставил себе задачу ответить на вопросы, как теория развития Корейской революции повлияла на формирование задач гендерной политики и в какой степени Северной Корее удалось порвать с традиционными представлениями о женственности, сформировать новый взгляд на женщину.

Ключевые слова: Северная Корея, национальное строительство, гендерная политика, гендерные отношения, женственность, революция

ВОСТОК–ЗАПАД: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА ПОД ВЛАСТЬЮ АРАГОНСКИХ КОРОЛЕЙ

И.И. Варьяш

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27–4, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена истории шариата в условиях христианской политической власти. Речь идет об особенностях бытования мусульманского права и религиозных обычаев мусульман в эпоху Реконксты на Пиренейском полуострове (Арагонская Корона XIV в.). Автор ставит вопросы о трансформации права в новых для него политических и социальных обстоятельствах, об адаптивных способностях мусульманского права в средние века, о степени деформации правовой системы и культуры сарацин под давлением христианских властей и повседневным влиянием христианского общества. История шариата вписана в контекст правового пространства христианского королевства. Автор основывает изучение мусульманского права на источниках по происхождению христианских, что требует специальной методики и придает дополнительную оптику исследованию. Автор раскрывает характерные черты мусульманского права, подчинившегося христианскому политическому порядку: высокие адаптивные способности, охранительность, сосредоточенность на внутриобщинных задачах, усиление частного и персонального права. Арагонский материал свидетельствует о том, что на протяжении XIV в. мусульманское право сарацин сохраняло аутентичность во внутренних делах, что было основой идентичности всего сообщества мусульман. Трансформация права, неизбежная в новых условиях, коснулась прежде всего той сферы, где право побежденных пересекалось с правом победителей: судебные дела смешанного типа, управление общинами, уголовные дела. Тем не менее, мусульманское право в рамках христианского королевства существовало в многомерном правовом пространстве и вынуждено было признавать источником права королевское право. Статья носит сугубо теоретический и обобщающий характер.

Ключевые слова: история, шариат, королевское право, Арагонская Корона, XIV в., трансформация права, деформация права, адаптивные способности права, правовое пространство, исламская идентичность

Истории шариата на Западе в мировой научной литературе посвящен довольно представительный корпус исследований, который постоянно пополняется. Среди них особое место занимают штудии о мусульманском праве в аль-Андалусе, Северной Африке и Гранадском эмирате [13; 14; 20; 24; 28]. Однако встретить работу о праве мусульман, принявших подданство христианских государей в Европе, непросто. Даже по отношению к Пиренейскому полуострову эта тема поднимается крайне редко и скупо [23; 25; 27]. Между тем известно, что в ходе Реконкисты большое количество мусульманского населения не покинуло свои земли и осталось под новой властью на условиях сохранения своего закона и внутреннего самоуправления.

Как сложилась историческая судьба шариата под властью христиан? Вынуждено ли было право мусульман измениться? И если – да, то насколько, в чем, каким образом?

Поставленные вопросы ведут к обсуждению сложнейшей темы устойчивости мусульманской идентичности (в данном случае через призму права) в рамках западной политической и социальной парадигмы.

То, что шариату пришлось не только приспособливаться, но и постоянно реагировать на изменчивую ситуацию внутри самого христианского правового поля, не подлежит сомнению. Был ли шариат в этом процессе успешен? Сохранил ли возможность защищать интересы мусульман и мусульманской общины? Проявил гибкость или консерватизм, склонность к изоляционизму или диалогу?

Найти ответы на эти вопросы до сих пор было довольно трудно по той простой причине, что в распоряжении историков не было соответствующей информации: источники, созданные мусульманами и отражавшие внутриобщинную практику бытования шариата, были безвозвратно утеряны в Новое время [16].

В конце XX в. в частном архиве была найдена рукопись «Книги Сунны и Шариата мавров», датированная XV в. и содержащая правовые нормы, по которым жили сарадины небольшого валенсийского сеньориального владения [26]. Сохранились документы из Архива Арагонской Короны, отражающие взаимоотношения властей разных уровней, прежде всего короны, с мусульманскими подданными [8–10; 12; 17–19; 21]. Существует возможность обращаться к разрозненным и пока мало изученным локальным коллекциям нотариальных актов и муниципальных архивов. И это – все, что на сегодня доступно, если не считать юридических компиляций и трактатов мусульманских правоведов, которые по большей части изучали вопросы, возникавшие на землях ислама.

Дошедшие до нас источники по истории арагонского шариата в основной своей массе были созданы христианами, на языках и наречиях христиан. Это, однако, не означает, что из них нельзя извлечь данные, пусть косвен-

ные, не такие полные, как хотелось бы, но вполне надежные, о том праве, которым пользовались сарацины, подчинившиеся власти христиан.

Для этого стоит применить к уже известным текстам новый подход: признать, что в них отразилось все правовое пространство, под которым мы понимаем многомерное историческое явление с ярко выраженной социальной природой. Различные составляющие правового пространства вступают друг с другом во взаимоотношения, иногда противоречивые и даже конфликтные, иногда странные, на первый взгляд лишённые логики, иногда, напротив, вполне ожидаемые. Сам принцип реализовавшихся на практике связей в области права, правосприятие и проявления правового сознания и правовой культуры, поведения в правовом пространстве властей и индивидуумов способны высветить информацию о том, что не лежит на поверхности текста, но присутствовало в исторической действительности и проникало в строки, записанные христианскими писцами.

В то же время следует избегать абсолютизации материала христианских источников: они отразили очень скромную часть той правовой действительности, в которой существовали мусульманские общины Арагонской Короны.

Эмирические результаты нового метода были опубликованы в монографии «Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства» [4], а в настоящей работе мы предлагаем теоретическое осмысление этого материала и выход на общие вопросы истории шариата.

С самого начала следует сказать, что, конечно, смена доминирующей политической власти с исламской на христианскую не могла не затронуть шариат: он вынужден был занять подчинённую позицию внутри иерархически устроенного правового пространства королевства.

Потеря лидерства привела к неизбежному в рамках средневековой сеньориальной парадигмы последствию. Королевские распоряжения, эдикты и установления являлись обязательными для сарацин, ставших вассалами короля, т. е. королевское право должно было признаваться мусульманами в качестве источника права. Таким же образом этот принцип работал и в случае вассалитета владетельному сеньору, светскому или духовному.

Из этого вытекало два следующих отклонения от классического шариата: во-первых, все должностные лица мусульманских общин (альхама), начиная с кади, получали свои места посредством королевского пожалования; и во-вторых, христианский король, как сеньор, становился верховным судьей мусульман, а королевская курия – верховной судебной инстанцией, к ведению которой относились тяжкие преступления и куда можно было подавать апелляции.

В то же время мусульманское право обладало в королевстве законным статусом: согласно капитуляциям, а затем и королевским привилегиям шариат признавался действующим правом сарацин, легитимной основой их автономного управления внутри общины, делопроизводства и отправления правосудия. Известно, что положения этих документов не были декларацией

о намерениях власти, но были воплощены на практике: в Арагонской Короне действовали шариатские суды, власть сама проявляла заинтересованность в сохранении исламских правоведов как слоя в должном уровне их знаний и поддерживала их деятельность [15; 23].

Владельцы сеньоры в этом отношении еще больше нуждались в мусульманских судьях и должностных лицах, поскольку их собственные ресурсы были скромнее королевских, и самоуправление сарацин было наиболее эффективной на тот момент формой организации жизни.

В результате характерной чертой того правового пространства, в котором оказались сарадины Арагонской Короны, стала его многомерность. Каждая община, каждый индивид могли, а подчас оказывались вынуждены воспринимать правовую ситуацию не только в привычной исламской традиции, но и выходить за ее пределы в новое измерение, где действовали другие нормы, другие правила делопроизводства, другие языки и другие судьи.

Важно отметить, что многомерность не была примитивным результатом механического наложения двух секторов права королевства друг на друга. Нет, многомерность правового пространства была функциональной: она выполняла роль дополнительного средства регулирования сложных общественных отношений.

Возможность действовать на разных уровнях правового пространства дала мусульманам выбор, притом выбор между очень разными, в том числе и конфессионально, системами. Вопрос о том, пользовались ли они этим, решается однозначно – да. Материал королевских актов недвусмысленно свидетельствует о том, что и сарадины, и сарацинки, частные лица, бывало, предпочитали обращаться в королевскую курию, даже минуя ступень ординарного суда кади. Собственно, о таких случаях нам чаще всего и известно – в отличие от тех случаев, когда дело разбиралось традиционным способом в мусульманском суде [3].

Но стремились ли мусульмане, подавая петицию на имя христианского короля, облегчить свою участь, рассчитывая на более легкое наказание, или желая обойти какие-то нормы шариата, попросту говоря смошенничать, воспользовавшись тем, что власть иноверцев исламских законов не знала? Или, может быть, сами того не осознавая, они постепенно заимствовали правовые привычки соседей-христиан?

Судить об этом гораздо сложнее, потому как сарадины все-таки прибегали к высшей инстанции редко и не всегда подробно излагали обстоятельства своего дела. Но в подавляющем большинстве случаев мусульмане, искавшие справедливости при дворе арагонских государей, искренне полагали, что королевское решение будет учитывать положения мусульманского права: отстаивая свои права, они использовали ссылки на сунну и предоставляли документы, составленные по правилам мусульманского делопроизводства.

Есть основания полагать, что сарацины отлично понимали разницу между двумя системами правосудия, но использовали ее не для того, чтобы избежать суда по шариату, а для того, чтобы защититься от произвола должностных лиц на местах, в том числе из единоверцев, и, напротив, добиться соблюдения норм мусульманского права. В этом случае одно и то же судебное дело могло воплотиться в двух измерениях и в каждом из них приобрести самостоятельное звучание – вплоть до различного определения состава преступления и личности обвиняемого, хотя цели истца-мусульманина не менялись от того, что, не найдя справедливости у кади, он искал ее у короля.

С точки зрения сарацин, частных лиц и руководителей общин, христианский король, в качестве их легитимного сеньора, с которым был заключен двусторонний договор о подданничестве [27], был нужен прежде всего для того, чтобы гарантировать их права, включавшие и право придерживаться шариата.

Тот факт, что королевские грамоты очень редко составлялись в связи с внутрисарацинскими тяжбами, а намного чаще касались смешанных дел или вопросов управления общинами, уголовных процессов, находившихся в ведении высшей инстанции, говорит в пользу устойчивости исламской традиции в судопроизводстве мусульман королевства.

На протяжении всего XIV столетия и тяжкие преступления (например, убийство, прелюбодеяние) могли разбираться кади, а не королевскими официальными, если это было внутреннее для сарацин дело. В судопроизводстве и делопроизводстве по-прежнему использовался арабский язык и сохранялись арабоязычные формулы (в клятвах, документах) [1; 6].

Все это свидетельствует о сохранении аутентичности традиционного правового уклада и мышления мусульман на христианских землях в течение жизни нескольких поколений (как минимум трех-четырех).

В связи с этим, думается, вряд ли стоит говорить о размывании норм шариата под давлением христианских властей [11], которые старались все больше и больше контролировать сферу юрисдикции шариата. Безусловно, присутствовавшие здесь финансовые интересы – и на уровне короны, и на уровне ее официалов разного ранга – периодически ставили мусульманские общины перед необходимостью «оплачивать» или «откупать» свои права, но не более того.

Королевская власть действовала совершенно иными методами, нежели постепенное подчинение мусульманского правосудия своему контролю. Такая задача никогда не ставилась и не могла быть поставлена в средние века. Напротив, различные формы изоляционизма Средневековью были знакомы. При активном участии королевского права в правовом пространстве был оформлен сегмент изоляции, где шариат был или полностью блокирован или его позиции были сильно ущемлены.

Происходило это разными способами: королевская власть могла издавать распоряжения, руководствуясь собственными экономическими интере-

сами, и попросту не принимая в расчет иноверческие нормы, которые могли бы ей помешать в этом [5]; королевская власть могла быть вынуждена принимать законы, ограничивавшие права мусульман (например, право публичного призыва на молитву), поскольку подчинялась общецерковным установлениям и Риму [7]; наконец, королевская власть могла специально поддерживать выгодную ей практику, игнорируя исламскую традицию и настаивая на своей верховной юрисдикции [4. С. 209–244].

В результате мусульмане чувствовали давление в повседневной жизни, когда силой королевского письма хозяева христианских таверн получали право поить сарацин вином в своих заведениях; или когда им запрещалось работать по воскресеньям и в праздничные для христиан дни; или, наоборот, вменялось в обязанность нашивать на платье отличительный знак и носить определенную прическу...

Наиболее чувствительными были запреты, касавшиеся религиозных практик мусульман – в течение XIV в. было пресечено их право публично возглашать имя пророка и призывать на молитву, периодически ограничивалось право свободного выезда из страны, что препятствовало осуществлению хаджжа.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этих мерах [17]. Достаточно будет сказать, что все они действовали не постоянно, могли отменяться в частном порядке по просьбе той или иной общины и в целом на практике вряд ли задевали устои исламской традиции. Им скорее сопротивлялись как навязанным, что способствовало поддержанию внутриобщинной идентичности.

Надо заметить, что мусульманские высшие должностные лица весьма активно и успешно защищали обычаи, добиваясь смягчения или отмены запретов, изыскивали юридические лазейки для сохранения, хотя иногда и в неполном виде, своих традиций.

Гораздо серьезнее для шариата была политическая блокада в области прозелитизма. Христианские законы, естественно, признавали право мусульман переходить в христианство, что было неприемлемо для мусульманского права, всегда трактовавшего подобные действия как самое тяжкое преступление – вероотступничество.

В области судопроизводства вмешательство короны было последовательным и весьма настойчивым только в сфере смешанных сексуальных преступлений [22; 2]: здесь королевская власть не прибегала к созданию писанных норм, а действовала путем формирования определенной практики: так, всех сарацинок, обвиненных в сожительстве с христианами, обращали в королевских рабынь. Не стоит и говорить, что подобная практика не имела ничего общего с нормами шариата. Однако дела смешанного типа, тем более вроде прелюбодеяния, относившегося к категории тяжких преступлений, разумеется, находились в юрисдикции короны.

Столкновение королевского права и шариата, игнорирование последнего правом христиан и в конечном итоге создание сегмента его изоляции внутри правового пространства было сопряжено с экономическими интересами короны, которая стремилась использовать человеческие и финансовые ресурсы мусульманских подданных. Исламская правовая традиция, соответственно, страдала прежде всего там, где входила в прямое соприкосновение с миром христиан – прозелитизм, смешанные дела, публичное отправление культа и т.д.

Внутри сегмента изоляции мусульмане, что вполне очевидно, лишены привычной основы своего права, еще больше обычного вынуждены были обращаться к королевской власти, ища в ней гаранта своих привилегий и защитника древних обычаев.

Определить долю сегмента изоляции в правовом пространстве королевства довольно сложно: социальный, политический и юридический вес этой доли будет разным. Например, вмешательство короны в дела по смешанным сексуальным преступлениям имело большой общественный резонанс и затрагивало иногда судьбы целых общин [17. С. 33–34], но с точки зрения права не представляло угрозы для шариата. Беснаказанность прозелитизма воспринималась мусульманскими правоведами в высшей степени болезненно, но поскольку неопитов на самом деле было очень немного [4. С. 245–266], то ни социального отклика, ни политических последствий это явление не принесло. Ограничительные законы в области религиозной жизни понимались, вероятно, обеими сторонами прежде всего как жест политической лояльности или маркер политического благопритствования иноверцам в королевстве и т. д. и т. п.

На наш взгляд, важнее отметить, что сегмент изоляции шариата, во-первых, существовал; во-вторых, был лишь частью общего правового пространства королевства; в-третьих, соседствовал с сегментом действующей исламской правовой традиции.

Последний явно обладал гораздо более значительным весом – и в политическом, и в социальном, и юридическом плане, – чем сегмент изоляции, по крайней мере в том, что обеспечивало мусульманскому праву аутентичность, а сообществу – сохранение правовой и культурной идентичности.

Говоря об особенностях шариата на этом этапе развития в условиях трансформации под властью латинян, следует на первое место поставить его высокие адаптивные способности. Новая интеллектуальная и административная элита мусульманских общин, пришедшая на смену той, что по большей части покинула завоеванные христианами земли, быстро освоила язык правовой коммуникации с короной и предпочитала режим активного диалога, обмена информацией, выработки совместных решений. Такая позиция (помноженная на заинтересованность в диалоге королевской власти) позволяла эффективно защищать интересы единоверцев на протяжении всего XIV в.

Правоведы и судьи из арагонских сарацин, как и во времена аль-Андалуса, ощущали себя частью исламского мира и исламского правового пространства. Они по-прежнему вели переписку с арабоязычным миром, обсуждали с муфтиями (правоведами) сложные юридические казусы. В то же время перед ними стояла неизвестная деятелям классического шариата задача отстаивать свою идентичность под напором иноверческой власти.

Отсюда вытекает еще одна особенность арагонского шариата – его охранительный характер. И дело даже не столько в том, что факихи и кади придерживались консервативных взглядов – это кстати не всегда и не везде было так, – а в том, что практическое бытование шариата, отвечая на трансформацию, а подчас и деформацию, вырабатывало способы самозащиты.

Так, например, не имея никакой юридической возможности пресечь прозелитизм шариат, с одной стороны, хранил молчание, вообще не проявляя никакого отношения к этому явлению, а с другой стороны, формулировал новые нормы, регулировавшие правовые последствия прозелитизма – развод супругов, раздел имущества и т. д.

Наиболее действенными способами сохранения правовой идентичности на уровне сообщества стало усиление частного и персонального права. Здесь, в сфере, независимой от политической власти, мусульмане могли свободно придерживаться своего закона и своих обычаев.

Поэтому третьей характерной чертой шариата под властью христиан следует назвать сужение сферы его интересов до частноправовых и локальных отношений.

Эта черта не была только результатом политического бессилия шариата, потери господствующего положения и подчинения иерархии христианского правового пространства, что понятно. Она обеспечивала шариату наибольшую аутентичность, позволяла наиболее эффективно защищать интересы человека и сообщества.

© Варьяш И.И., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Варьяш И.И.* Клятва пиренейских сарацин // *Право в средневековом мире*. М., 2009. С. 209–223.
- [2] *Варьяш И.И.* Мусульманская свадьба в фокусе королевского права // *Universitas historiae*. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 96–103.
- [3] *Варьяш И.И.* Сарацины и сарацинки бьют челом сеньору королю // *Адам и Ева*. Альманах гендерной истории / Под редакцией Л. П. Репиной. М., СПб., 2003. С. 115–130.
- [4] *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей: Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016.

- [5] Варьяш И.И. Социальный аспект освоения пространства, или Где выпить сарацину? // Книга картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под редакцией Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М., 2014. С. 24–40.
- [6] Варьяш И.И. *Instrumenta publica sarracenica* в Арагонской Короне XIII–XIV вв. // СВ, Вып. 76 (3/4). 2015. С. 333–344.
- [7] Варьяш О.И., Варьяш И.И. Правовые и религиозные нормы: средневековый опыт преодоления противоречий // СВ, Вып. 77 (3/4), 2016. С. 179–189.
- [8] Basañez Villaluenga M.B. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental.
- [9] Basañez Villaluenga M.B. Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. V. I. (1291–1310). Teruel, 1999.
- [10] Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372 / Ed. M. V. Febrer Romaguera. Zaragoza, 1991.
- [11] Catlos B.A. The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge, 2004.
- [12] Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370 / Ed. J.V. Cabezuolo Pliego. Elda, 1991.
- [13] Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas / Ed. M.K. Masud, B. Messick and D. Powers. Harvard Studies in Islamic Law. 1996.
- [14] Journal of Islamic Studies. Oxford: Oxford University Press.
- [15] Febrer Romaguera M.V. Derecho común, fueros y estatuto islámico de los mudéjares de los señores aragoneses: el caso de las alhóndigas y de la ordenanza de d. Pedro Fernández de Híjar para prohibir el juego de dados a sus vasallos moros (1297) // AEM, № 20, 2008. P. 301–319.
- [16] Ferrer i Mallol M.T., Montes Romero-Camacho I., Navarro Espinach G., Egea Gilberte J.F. Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares. Teruel, 2005.
- [17] Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987.
- [18] Ferrer i Mallol M.T. La frontera amb l’Islam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988.
- [19] Ferrer i Mallol M.T. Les aljames sarraïnes de la governació d’Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988.
- [20] Fierro M.I. El derecho malikí en al-Andalus: ss. II/VIII-V/XI // Al-Qantara, vol. XII, 1991. P. 119–132.
- [21] Mutgé i Vives J. L’aljama sarraïna de Lleida a l’edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992.
- [22] Nirenberg D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages. Princeton, 1999.
- [23] O’Connor I. The Mudejars and the Local Court: Justice in Action // Journal of Islamic Studies. 16, № 3 (2005). P. 332–356.
- [24] Powers D. The Development of Islamic Law and Society in the Maghrib: Qāḍīs, Muftīs and Family Law. Burlington VT, 2011.
- [25] Roy Marín M.J. Aportación al estudio del delito sexual: el caso de los moros de Zaragoza en el siglo XIV // Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 1999. P. 195–210.
- [26] Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba, 1989.

- [27] *Verskin A.* Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden, 2015.
- [28] *Zomeño A.* Dote y matrimonio en al-Andalus y el Norte de África. Estudio sobre la jurisprudencia islámica medieval. Madrid, 2000.

REFERENCES

- [1] *Variash I.I.* Kljatva pirenejskih saracin // Pravo v srednevekovom mire [The Oath of Perenean Saracens // The Law within the Medieval World]. M., 2009. S. 209–223.
- [2] *Variash I.I.* Musul'manskaja svad'ba v fokuse korolevskogo prava // Universitas historiae. Sbornik statej v chest' Pavla Jur'evicha Uvarova. [Muslim Wedding in the Focus of the Crown Law // Universitas historiae. Collection in honor of Prof. Pavel Uvarov]. M., 2016. S. 96–103.
- [3] *Variash I.I.* Saraciny i saracinki b'jut chelom sen'oru korolju // Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii / Pod redakciej L. P. Repinoj [The Saracens Men and Women petition to the Lord King // Adam and Eve. Gender History Review / Ed. L. P. Repina]. M., SPb., 2003. S. 115–130.
- [4] *Variash I.I.* Saraciny pod vlast'ju aragonskih korolej. Issledovanie pravovogo prostranstva [The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14th c.]. SPb., 2016.
- [5] *Variash I.I.* Social'nyj aspekt osvoenija prostranstva, ili Gde napit'sja saracinu? // Kniga kartiny zemli. Sbornik statej v chest' Iriny Gennadievny Konovalovoj / Pod redakciej T. N. Dzhakson i A. V. Podosinova [The Social Development of the Space or Where can drink a Saracen? // The Book of The Land Picture. Collection in honor of Prof. Irina Konovalova / Ed. T. N. Dzhakson, A. V. Podosinov]. M., 2014. S. 24–40.
- [6] *Variash I.I.* Instrumenta publica sarracena v Aragonskoj Korone XIII–XIV vv. // Srednie veka [Instrumenta publica sarracena in the Crown of Aragon in 13th – 14th cc. // Medieval Ages]. 2015, 76 (3/4). S. 333–344.
- [7] *Variash O.I., Variash I.I.* Pravovye i religioznye normy: srednevekovyj opyt preodolenija protivorechij // Srednie veka [The Legal and Religious Norms: the Medieval Experience to overcome the Contradictions // Medieval Ages]. 77 (3/4). 2016. S. 179–189.
- [8] *Basañez Villaluenga M.B.* La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental.
- [9] *Basañez Villaluenga M.B.* Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. V. I. (1291–1310). Teruel, 1999.
- [10] *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372 / Ed. M.V. Febrer Romaguera.* Zaragoza, 1991.
- [11] *Catlos B.A.* The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge, 2004.
- [12] *Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370 / Ed. J.V. Cabezuelo Pliego.* Elda, 1991.
- [13] *Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas / Ed. M.K. Masud, B. Messick and D. Powers.* Harvard Studies in Islamic Law. 1996.
- [14] *Journal of Islamic Studies.* Oxford University Press.
- [15] *Febrer Romaguera M.V.* Derecho común, fueros y estatuto islámico de los mudéjares de los señores aragoneses: el caso de las alhóndigas y de la ordenanza de d. Pedro Fernán-

- dez de Híjar para prohibir el juego de dados a sus vasallos moros (1297) // AEM, N° 20, 2008. P. 301–319.
- [16] Ferrer i Mallol M.T., Montes Romero-Camacho I., Navarro Espinach G., Egea Gilberte J.F. Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares. Teruel, 2005.
- [17] Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987.
- [18] Ferrer i Mallol M.T. La frontera amb l'Íslam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988.
- [19] Ferrer i Mallol M.T. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988.
- [20] Fierro M I. El derecho malikí en al-Andalus: ss. II/VIII-V/XI // Al-Qantara, vol. XII, 1991. P. 119–132.
- [21] Mutgé i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992.
- [22] Nirenberg D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages. Princeton, 1999.
- [23] O'Connor I. The Mudejars and the Local Court: Justice in Action // Journal of Islamic Studies. 16, № 3 (2005). P. 332–356.
- [24] Powers D. The Development of Islamic Law and Society in the Maghrib: Qāḍīs, Muftīs and Family Law. Burlington VT, 2011.
- [25] Roy Marín M.J. Aportación al estudio del delito sexual: el caso de los moros de Zaragoza en el siglo XIV // Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 1999. P. 195–210.
- [26] Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba, 1989.
- [27] Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden, 2015.
- [28] Zomeño A. Dote y matrimonio en al-Andalus y el Norte de África. Estudio sobre la jurisprudencia islámica medieval. Madrid, 2000.

THE TRANSFORMATION OF ISLAMIC LAW UNDER THE AUTHORITY OF ARAGONESE KING

I.I. Variash

Department of History of Middle Age,
History faculty, Moscow State University
Lomonosovski ave., 27–4, Moscow, Russia, 119991

The article discusses the history of the Sharia under Christian domination. It is focused on the practice of Islamic law and religious customs of Muslims at the Iberian Peninsula during the Reconquista period (the Crown of Aragon in the 14th century). The author looks into the transformation of Islamic law in new political and social environment, the adaptive abilities of the Sharia in the Middle Ages, the level of deformation of the legal system and culture experiences by the Saracens under Christian authorities and through the influence of the

Christian society. The author bases her study on Christian sources, and this requires a new method and adds aspects to the research. Characteristic features of Islamic law under Christian domination are demonstrated: high adaptability, preservation of tradition, a focus on inter-communal aims, strengthening of private and personal law. The Aragonese materiel shows that throughout the 14th century, the Sharia of the Saracens preserved its authenticity in relation to internal affairs of the Muslims, and this was the foundation for the identity of the community of the Muslims. Transformation of law, inevitable in new circumstances, happened first in the sphere where the law of the conquered touched upon the law of the conquerors: the cases of mixed type, communal administration, and criminal cases. Nevertheless, Islamic law of a Christian Kingdom existed in a multi-layered legal space and had to recognize Crown law as a source of law. The article is of theoretical and generalizing character.

Key words: history, Sharia, Crown law, Crown of Aragon, 14th c., transformation of law, deformation of law, adaptive ability of law, legal space, islamic identity

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ
В ТРАКТАТЕ НИСИКАВА ДЗЕКЭН (1648–1724)
«ДОПОЛНЕННЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ТОРГОВЛЕ
С КИТАЕМ И ВАРВАРАМИ»**

Е.К. Симонова-Гудзенко

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11–1, Москва, Россия, 125009

А.А. Новикова

Школа востоковедения
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Шаболовка, 31Б, Москва, Россия, 115162

Статья посвящена представлениям о западных странах в Японии в эпоху Эдо (1603–1867). В качестве основного источника использовано сочинение Нисикава Дзекэн (1648–1724) «Дзо:хо каи цу:се: ко:», которое сравнительно редко использовалось до этого исследователями, несмотря на свою ценность. Автор XVIII-го в. стремился дать рациональное описание западного мира, но, несмотря на это, оно часто граничит с гротескным. В то же время необходимо признать, что в условиях ограничения внешних контактов информированность японцев в эту эпоху была значительной. Основными информаторами служили голландцы, проживавшие в Нагасаки.

Ключевые слова: Япония, эпоха Эдо, историческая география, Нисикава Дзекэн

Принято считать, что впервые японцы получают систематические сведения о странах Запада после «открытия» страны в середине XIX в., когда помимо голландцев, живших изолированно в своей фактории на о. Дэдзима, страну стали посещать и представители других западных народов. Сами японцы получили возможность жить и учиться за границей, а мода на иностранную культуру, предметы и обычаи распространилась не только в узких кругах переводчиков и ученых, но и среди широких масс простого народа. Однако и после первого знакомства в XVI – начале XVII в., за которым последовал продолжительный период «закрытия страны», Япония продолжала поддерживать контакты с внешним миром, которые позволяли составить представление о европейских странах и их народах.

Японские карты мира, основанные на европейских, появляются в конце XVI в., а тексты с описанием мировой географии – на столетие позже. Наря-

ду с ними имели хождение землеописания, которые создавали иезуиты в Китае. Настоящая статья посвящена анализу представлений о западных странах и европейцах в эпоху Эдо (1603–1867) в труде Нисикава Дзекэн (1648–1724) «Дзо:хо: каи цу:се: ко:» («Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами», 1708) [4], который является переработанной версией более раннего труда того же автора, «Каи цу:се: ко:» («Рассуждения о торговле с Китаем и варварами», 1696). При этом разделы «Каи цу:се: ко:», касающиеся европейских стран, практически не подверглись изменению после переработки, поэтому в данном случае обе версии трактата можно считать равнозначными для реконструкции представлений японцев о Западе. Эти два сочинения – наиболее ранние описания мировой географии из созданных в Японии, наряду с «Иллюстрированной энциклопедией трех элементов Японии и Китая» («Вакан сансай дзуэ») Тэрадзима Реан (точные даты жизни неизвестны), увидевшей свет в 1712 г. (1)

Трактат «Дополненные рассуждения...» пользовался в XVIII в. известностью, что позволяет рассматривать содержащуюся в нем информацию репрезентативной для реконструкции распространенных в Японии в тот период сведений о Европе. Об этом свидетельствует повторная публикация, осуществленная по просьбе издателя при жизни автора [13. Р. 107]. Также, еще до смерти Нисикава, в 1720 г. на основе «Каи цу:се: ко:» было создано «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран» («Сидзю:ни коку дзимбуцу дзусэцу») – сокращенное издание «Рассуждений о торговле...», дополненное монохромными изображениями. Трактат «Дзо:хо: каи цу:се: ко:» и, в особенности, сокращенное «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран» и в конце XVIII в., как представляется, не теряли своей популярности. Так, художник Ямамура Сайсукэ (1770–1807) опубликовал переработанную версию последнего, добавив цвет в иллюстрации и несколько переработав текст. Мыслители более позднего периода, к примеру, Хирата Ацутанэ (1776–1843), считали Нисикава Дзекэн первым познакомившим японцев с мировой географией и западной астрономией [10]. Наконец, появились даже пародии на «Каи цу:се: ко:» и его версии: писатель по имени Исидзима Масатанэ оставил два «энциклопедических описания» веселых кварталов под названием «Кари цу:се: ко:» («Размышления о веселых кварталах и изящной торговле», первое увидело свет в 1748 г.), название и содержание которых явно отсылало читателя к сочинению Дзекэн, что косвенно свидетельствует о его популярности.

«Дополненные рассуждения...» написаны на старом японском языке *камбун* с огласовкой. Издание «Дзо:хо: каи цу:се: ко:» можно обнаружить во многих научных библиотеках Японии, кроме того, оно дважды переиздавалось в переводе на классический японский язык *бунго* в течение XX в.: в 1940-х и 1980-х гг. [4].

Трактат состоит из пяти частей. Нисикава писал, что Азия – величайшая из сторон света, поэтому с ее описания должно начинаться любое географическое сочинение [4. С. 19] и, следуя этому принципу, он создавал «Дзо:хо:кай цу:се: ко:»: первые две части посвящены Китаю, третья – Юго-восточной и Южной Азии. Последние две части отведены под описание остальных регионов мира, включая Европу, Америку, Африку, Ближний Восток и «Южный континент». Сведения о европейских странах не собраны компактно в одном разделе. В четвертой части помещены описания стран, о которых Нисикава имел достаточное количество сведений (например, о Голландии и Англии), в пятой – страны, знания о которых были отрывочными и о которых, по выражению самого автора, он знал только по рассказам голландцев и китайцев. С другими европейцами непосредственных контактов японцы не имели [4. С. 171].

О самом Нисикава Дзекэн известно сравнительно мало: большую часть жизни он прожил в Нагасаки, однако наиболее значительные его сочинения были опубликованы в Киото. По происхождению Нисикава принадлежал к купеческому сословию, а по роду деятельности был переводчиком с голландского, что объясняет владение знаниями, недоступными большинству его современников.

Среди его источников информации удастся выделить следующие:

1) сочинения иезуитов, работавших в Китае (в первую очередь Маттео Риччи, а также Джулио Аллени (2)) и созданные ими карты, которые завозились в Японию;

2) устные свидетельства голландцев, с которыми Дзекэн имел возможность общаться в рамках своей профессиональной деятельности. Различия между элементами, заимствованными у иезуитов, писавших по-китайски, и у голландцев легко установить по терминологии: «иезуитские» по происхождению топонимы и т.д. записываются иероглифами, а “голландские” – по звучанию слоговой азбукой *катакана*;

3) свидетельства старшего поколения жителей Нагасаки, заставших период до закрытия страны, некоторые из которых, вероятно, сами участвовали в торговых экспедициях за границу. Этот источник сложнее проследить, однако сам Нисикава ссылается на такие свидетельства в своем трактате. К примеру, в разделе, посвященном «стране великанов», он пишет о том, что один из старожилов Нагасаки рассказывал ему о своих приключениях в этой земле [4. С. 186].

Необходимо отметить, что несмотря на наличие в тексте курьезных деталей, автор не стремился предложить читателю развлекательное чтение: его целью было создание картины мира с максимально возможным числом деталей, касающихся экономики, формы правления и нравов описываемых стран. Поэтому, стремясь использовать все доступные сведения, Нисикава иногда опирался на незаслуживающие доверия источники.

Помимо собственно текста, к трактату прилагались карты мира и Японии, а также иллюстрации, изображающие иностранцев, как правило, мужчину и женщину в национальных костюмах. Рассмотрим, какие пункты включал образ западных стран.

В первую очередь, необходимо отметить прилагаемую к трактату карту мира овальной формы, которая, судя по очертаниям континентов, восходит к работам Маттео Риччи (1552–1610). Карта хорошо демонстрирует степень информированности японцев о расположении и размерах европейских стран, а представления эти, судя по всему, были достаточно туманны. Форма Европы сильно искажена. Хотя в тексте упомянуто более десятка европейских стран, на карту нанесены только Испания, Голландия, Великобритания и «Московия». Границы между странами, их размеры не обозначены. Вместо остальных стран на карте обобщающая надпись «страны Европы». Частично подобный способ изображения мог быть связан с малым масштабом.

Больше информации содержится в текстовом описании. В нем упоминаются Голландия, Франция, Швеция, Дания, Россия (Московия), Испания, Норвегия, Германия, Италия, Греция, Ирландия, Польша, Англия и некоторые другие. Описание этих стран, особенно тех, о которых было больше сведений, соответствуют определенной модели.

1. Вначале указывается расстояние от Японии (по морю) и иногда от Голландии до описываемой страны. Так, расстояние до Голландии составляет 12 000 *ри* [4. С. 139], до Франции – 12 800 *ри*, до Швеции – 13 000 *ри*. Далеко расположенной оказывается Англия: 17 000 *ри* [4. С. 162]. Расстояния между ними редко соответствуют действительности, что свидетельствует о том, что Нисикава имел весьма смутные представления о точном положении стран на Европейском континенте. Возможно, его и не интересовало взаимное расположение этих государств, поскольку никакой практической пользы эти знания в условиях «закрытия» страны не несли. Это предположение подтверждает и карта, прилагающаяся к трактату: как было сказано выше, страны Европы на ней, за редким исключением, не обозначены.

2. Описание климата, в которое входит упоминание о наличии или отсутствии четырех сезонов, температура в общих терминах: «жаркая» или «холодная страна». Страны Европы при этом чаще всего оказывались «холодными» и с четырьмя сезонами. Самой холодной в описании Дзекэн была Гренландия, куда голландцы «плавали охотиться на китов» [4. С. 156–157]. Климат там настолько суров, что зимой море покрыто льдом. Также исключительно холодным климатом отличается Ирландия [4. С. 177]. Упоминается длина светового дня, например, в связи с Россией: «там дни необыкновенно коротки, а ночи длинные» [4. С. 156]. Дзекэн также упоминает полярную ночь в связи с севером Европы [4. С. 178–179]. По поводу Италии и Сицилии автор пишет о наличии там вулканов и других природных явлений,

связанных с геологической активностью: горячих источников, ядовитых газов, выделяемых при извержениях.

3. Нисикава интересуют нравы и обычаи народов, однако сведений о них у него значительно меньше, чем о физической географии. Естественно, что наиболее подробно описаны голландцы: «...их лица белы, волосы красны и коротки, а в середине глаза у них белое пятно. Они любят носить шляпы, и человек состоятельный никогда не появится без головного убора. Кроме того, они любят украшать себя золотом и серебром... Их язык не похож на язык Индии, он ближе к испанскому и португальскому. Их письмо горизонтальное, состоит из 24 знаков и напоминает *ироха* (то есть является азбукой)... [они] любят пить вино» [4. С. 140–141]. О большинстве других европейских народов сказано либо, что их нравы «такие же», либо «походят» на голландские. В отношении некоторых появляются дополнительные сведения: к примеру, греки едят много рыбы и не любят мяса [4. С. 176], а французы очень сильны и храбры [Там же].

4. Поскольку труд посвящен, как заявлено в названии, торговле, почти для всех стран упоминаются виды товаров, которые они производят. Наибольший список представлен для Голландии и включает несколько видов тканей, лекарственные средства, вина и др. Товары прочих стран часто напоминают голландские, но также могут включать полезные ископаемые, зерно, древесину и др. Товары Нисикава не классифицирует по группам, они перечисляются общим списком.

5. В отдельных случаях, когда Нисикава располагал информацией, он упоминал и «культурные достижения» описываемого народа. Так, в Италии и Греции существовал некогда «путь мудрецов» (очевидно, отсылка к античной философии) [4. С. 175]. Италия (очевидно, на современном Дзекэн этапе) также преуспела в искусствах и науках, особенно в производстве астрономических инструментов и оружия. Конечно, не упущены достижения голландцев в астрономии, навигации и географии. Любопытно, что нигде не упоминаются достижения в медицине, которые чрезвычайно интересовали японцев в эпоху Эдо.

6. Политическое и административное устройство, которое Дзекэн описывает по большей части в японских терминах, в связи с чем не всегда понятно, какие европейские должности и титулы стоят за ними. В некоторых странах, например, во Франции и России, правит *кокусю* («государь», «правитель [страны, провинции]»). В других – *сюго* («военный правитель [провинции]»), к примеру, в Дании и Швеции. В Норвегии есть номинальный правитель *кокусю*, однако на самом деле страной управляет «наместник» *дайкан*. По поводу Италии упомянуто, что в настоящий момент она раздроблена на множество государств, наиболее значительным среди которых является Рим. Однако в древности, около 2 000 лет назад, они были объединены под властью великой империи, владения которой простирались чрезвычайно

далеко [4. С. 177]. При этом как одна страна описана Германия, а также в один раздел помещены Португалия, Испания и Кастилия.

Некоторые описания стран чрезвычайно лаконичны, поскольку не по всем намеченным признакам Нисикава обладал достаточным материалом.

Совершенно естественно, что наибольшим количеством сведений Дзекэн располагал о Голландии. Он приводит даже этимологию названия, которое употребляли японцы (и не только): «Голландией называется наиболее значительная из провинций этой страны» [4. С.139]. Автор также перечисляет названия и других провинций Нидерландов. Исключая описание Китая, это – единственное территориально-административное деление, приведенное в «Дзохо каи цу:се: ко:».

Существовавшие в период Эдо отношения Японии и Нидерландов на государственном уровне были довольно скромными. Они состояли фактически в благодарственном послании 1609 г. принца Морица Оранского сегуну по поводу спасения моряков голландского судна Лифде, которое потерпело крушение у берегов Японии в 1600 г. Послание послужило поводом для открытия торговых отношений [7. С. 19]. Как и в Цинском Китае, Голландию в Японии представляла Ост-Индская компания. Дзекэн вполне четко обозначил различие между королевством Нидерланды и ОИК, структура которой с незначительными искажениями описана в разделе, посвященном Голландии.

Дзекэн называет ОИК *компания* (слово записано слоговой азбукой *катакана*). Она чрезвычайно богата и обладает влиянием в самой Голландии. Компания посылает торговые корабли по всему свету и владеет землями за границей, например, ей подчинена Джакарта. Именно оттуда голландские корабли приплывают в Японию. Поскольку Джакарта сильно удалена от Голландии, туда назначают «наместника» (*дайкан*), который называется *дзэне-рару* (записано азбукой, от «генерал-губернатор»). Он сменяется раз в 15 лет [4. С. 140]

Как уже упоминалось выше, представления о западных странах не всегда были четкими и достоверными. Однако в этом нет вины автора, который стремился как можно полнее использовать доступные ему источники. Его ошибки связаны с тем, что он не всегда мог сопоставить данные, полученные из разных источников, а также с тем, что сами источники порой содержали непроверенные сведения. Например, в трактате Франция представлена под двумя разными названиями, одно из которых восходит к латыни (*Franca*), а другое – к голландскому языку (*Frankrijk*) [4. С. 154]. Некоторые описания, в основе которых, вероятно, лежат беседы с голландцами, содержат легендарные и гротескные сведения. В этом смысле примечательно описание Московии (которое, возможно, является первым упоминанием о России на японском языке). В представлении Нисикава это исключительно большая страна, в которой простолюдинам запрещено учиться читать и писать, и грамотой владеет только государь и его министры. Также там есть «огромный коло-

кол», било которого могут сдвинуть с места только тридцать человек и который звонит раз в год на день рождения государя, и «пушка длиной в 4 дзе:» (3), которую заряжают одновременно двумя ядрами [4. С. 156]

В связи с Грецией упоминается «священная» гора Афон. «Там никогда не дует ветер и не идет дождь, и там существует два волшебных источника: если из одного их них черная овца выпьет воды, то станет белой. Второй источник превращает белых овец в черных» [4. С. 176]. Наконец, явные небылицы присутствуют и в описании Италии: у итальянок якобы настолько длинные молочные железы, что они могут кормить детей грудью, когда носят их на спине [4. С. 186].

Выше упоминалось измененное переиздание «Дзохо каи цу:се: ко:» – «Сидзю:ни коку дзимбуцу дзусэцу», в котором кроме иллюстраций из первого сочинения были добавлены новые. Среди рисунков представителей народов больше половины – европейцы. Изображения европейцев, конечно же, имели прототипы в реальности, однако, во-первых, они были искажены при копировании (европейских иллюстраций народов мира, которые часто сопровождали карты) и адаптацией к японской художественной технике, а во-вторых, как видно на примере, скажем, России отставали от реальности не менее, чем на 50 лет уже на момент публикации «Дзохо каи цу:се: ко:». Представители народа «Московии» одеты в костюм, который напоминает одеяние знати времен Алексея Михайловича и на момент первой публикации данного изображения в 1720 г. уже почти ушло в прошлое. Возможно, японских авторов и читателей это не смущало: их собственный внешний облик почти не менялся в тот же период [3. С. 294].

Образ Запада, который можно реконструировать на основе сочинений Нисикава, несомненно, отличался от реальности: в чем-то он был недостаточно точен и детализирован, отставал от действительности на несколько десятков лет, в чем-то обладал совершенно неправдоподобными чертами. Несмотря на это, необходимо констатировать, что с конца XVII в. начали складываться систематические представления о странах Европы. Во-первых, хотя это не было четко сформулировано в трактате, существовало определенное представление, о том, что эти народы составляют некую общность. Это проявлялось в собирательном обозначении на карте «страны Европы», а также в интуитивном понимании того, что эти народы по своим нравам похожи между собой, что нашло отражение в формулировке «их нравы подобны голландским». Во-вторых, существовало вполне четкое представление о регионе, где эти страны находились, о том, что существует определенная схожесть климатических условий, хотя взаимное расположение стран не было четко определено. Наконец, описание стран укладывалось в определенную схему, и именно систематическое описание служило основной целью написания трактата.

В заключение заметим, что в тот же период представления европейцев о Японии были неопределеннее. Трактат «Рассуждение о торговле с Китаем и

варварами» составлен на 30 лет раньше издания «Истории Японии» Энгельберта Кемпфера (1651–1716) и почти на полтора века раньше публикации трудов Филиппа Франца фон Зибольда (1796–1866). Что касается изобразительного образа, то стоит отметить, что японцы не уступали европейцам – сохранилось значительно меньше голландских изображений Японии, нежели Китая [7. Р. 25].

Принимая во внимание тот факт, что до «закрытия» страны Европы посетили в общей сложности не более нескольких десятков японцев, а после контакты свелись к редким беседам с голландцами, которые большую часть времени жили изолированно в своей фактории, можно утверждать, что японцы знали о внешнем мире и о таком отдаленном регионе, как Европа, сравнительно много, что в частности, представлено в сочинениях Нисикава Дзекэн.

© Симонова-Гудзенко Е.К., Новикова А.А., 2016

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Вакан сансай дзуэ» – более универсальное сочинение, претендующее на энциклопедичность, в отличие от «Каи цу:се: ко:», которое является географическим описанием в узком смысле и поэтому может считаться первым описанием мировой географии, созданном в Японии.
- (2) Маттео Риччи (1552–1610) – монах-иезуит, наиболее известный из миссионеров, работавших в Китае. Активно занимался распространением европейских научных знаний по математике, астрономии, географии и другим наукам. Опубликовал ряд трактатов и карт на китайском языке, которые были хорошо известны и в Японии. Джулио Аллени (1582–1649) – миссионер, продолжатель дела Риччи, также автор географических описаний мира на китайском языке.
- (3) Один *дзе*: равен 3,33 м.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аюсава Синтаро*. Нисикава Дзекэн-но сэкай тири кэнкю: («Мировая география в трудах Нисикава Дзекэн»). Киото, 1944.
- [2] *Кавамура Хиротада*. Кинсэй Нихон-но сэкай дзо: («Образ мира в Японии Нового времени»). Токио, 2003.
- [3] *Мещеряков А.Н.* Телесная культура // История японской культуры. Отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011.
- [4] *Нисикава Дзекэн*. Нихон суйдо ко:, Суйдо кайбэн, Дзо:хо: каи цу:се: ко:. Токио: Иванами сетэн, 1988.
- [5] *Окада Тосихиро*. Нихон тиригаку дзимбуцу дзитэн («Биографический словарь японских географов»): Эдо тири гаку-но сэйка («Расцвет географии в эпоху Эдо»). Токио, 2011.
- [6] *Bernard H.* Traductions chinoises d'ouvrages europeens au Japon Durant la periode de fermiture (1614–1853) // Monumenta Nipponica. Vol. 3. № 1 (1940). P. 40–60.

- [7] *Blusse L.* Peeking into the empires: Dutch embassies to the courts of China and Japan // *Itinerario*. Vol. 37. № 3 (2013). P. 13–29.
- [8] *Boot W.J.* The transfer of learning: the import of Chinese and Dutch books in Tokugawa Japan // *Itinerario*. Vol. 37. № 2. (Dec. 2013). P. 188–206.
- [9] *Goodman G. K.* *The Dutch Impact on Japan (1640–1853)*. Leiden, 1967.
- [10] *Keene D.* Hirata Atsutane and Western Learning // *T'oung Pao*. Second Series. Vol. 42. Livr. 5. (1954, Leiden-Boston). P. 353–380.
- [11] *Sato M.* Imagined Peripheries: The World and its Peoples in Japanese Cartographic Imagination // *Diogenes*. Vol. 44. № 173. (1996, spring). P. 119–145.
- [12] *Wallis H.* The influence of Father Ricci on Far Eastern cartography // *Imago mundi*. Vol. 19 (1965). P. 38–45.
- [13] *Yonemoto M.* *Mapping Early modern Japan: space, place, and culture*. Berkley, Los Angeles, London: University of California press, 2003.

REFERENCES

- [1] *Ayusawa Shintaro.* *Nishikawa Joken-no Sekai Chiri Kenkyu: («The World Geography in Nishikawa Joken's Works»)*. Kyoto, 1944.
- [2] *Kawamura Hirotada.* *Kinsei Nihon-no sekai zo: («The Worldview in Modern Japan»)*. Tokyo, 2003.
- [3] *Mescheryakov A.N.* *Telesnaja kultura // Istorija japonskoj kulture*. Ed. by Mescheryakov A.N. M.: Natalis, 2011.
- [4] *Nishikawa Joken.* *Nihon Suido Ko., Suido Kaiben, Zo:ho: Kai Tsu:sho: ko.*. Tokyo: Iwanami shoten, 1988.
- [5] *Okada Toshihiro.* *Nihon Chirigaku Jimbutsu Jiten («Biography Dictionary of Japanese Geographers»): Edo Chirigaku-no Seika («The Flourish of Geography in Edo Period»)*. Токио, 2011.
- [6] *Bernard H.* Traductions chinoises d'ouvrages europeens au Japon Durant la periode de fermiture (1614–1853) // *Monumenta Nipponica*. Vol. 3. № 1 (1940). P. 40–60.
- [7] *Blusse L.* Peeking into the empires: Dutch embassies to the courts of China and Japan // *Itinerario*. Vol. 37. № 3 (2013). P. 13–29.
- [8] *Boot W.J.* The transfer of learning: the import of Chinese and Dutch books in Tokugawa Japan // *Itinerario*. Vol. 37. № 2. (Dec. 2013). P. 188–206.
- [9] *Goodman G. K.* *The Dutch Impact on Japan (1640–1853)*. Leiden, 1967.
- [10] *Keene D.* Hirata Atsutane and Western Learning // *T'oung Pao*. Second Series. Vol. 42. Livr. 5. (1954, Leiden-Boston). P. 353–380.
- [11] *Sato M.* Imagined Peripheries: The World and its Peoples in Japanese Cartographic Imagination // *Diogenes*. Vol. 44. № 173. (1996, spring). P. 119–145.
- [12] *Wallis H.* The influence of Father Ricci on Far Eastern cartography // *Imago mundi*. Vol. 19 (1965). P. 38–45.
- [13] *Yonemoto M.* *Mapping Early modern Japan: space, place, and culture*. Berkley, Los Angeles, London: University of California press, 2003.

**THE VIEW OF THE WESTERN COUNTRIES
IN NISHIKAWA JOKEN'S (1648–1724)
«ADJUSTED THOUGHTS ON TRADE
WITH CHINA AND BARBARIANS»**

E.K. Simonova-Gudzenko

The Chair of Japanese History and Culture
The Institute of Asian and African Studies of Moscow State University
Mokhovaya St., 11–1, Moscow, Russia, 125009

A.A. Novikova

The School of Oriental Studies
National Research University «Higher School of Economics»
Shabolovka St., 31B, Moscow, Russia, 115162

The article describes the view of the Western countries in Japan during the Edo period (1603–1867). The basic source of the research is the treatise «Zo:ho: Kai Tsu:sho: Ko:» by Nishikawa Joken (1648–1724), which has been relatively rarely used by researchers despite its value. The author aimed to give a rational description of the West, although in fact it approached almost grotesque. Still one should acknowledge that during the age of seclusion the Japanese were rather well informed about the external world. The main source of information were the Dutch living in Nagasaki.

Key words: Japan, Edo period, the history of geography, Nishikawa Joken

АНТИЧНЫЙ МИР

ОЛИМПИОНИКИ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ – «ВТОРЫЕ ПОСЛЕ ГЕРАКЛА»

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Победа на Олимпийских играх являлась главной целью любого атлета. Получив олимпийский венок, олимпиец становился национальным героем своего полиса. Слава и уважение, которое сопровождали его всю жизнь, являлись результатом тяжелого ежедневного труда, но также милостью богов. Победа олимпиеца носила сакральный характер, так как являлась особым покровительством Зевса. Олимпийские игры, также как и другие панэллинские игры, являлись особой формой почитания богов и героев. Совершая спортивные подвиги, атлеты являлись как бы воплощением великих героев, в первую очередь Геракла. Геракл часто почитали как основателя Олимпийских игр и первого олимпиеца. С его именем связано введение обычая священного перемирия и награждение олимпиеца венком из маслины. Культ Геракла имел важное значение для художественного оформления Олимпии, где он окончательно приобрел черты панэллинского героя. Геракл являлся примером подражания для многих великих олимпиев. Более того, для атлетов, победивших на одной Олимпиаде в борьбе и в панкратионе, ввели особый титул «второй после Геракла».

Ключевые слова: Олимпийские игры, Олимпия, Геракл, олимпиец, периодоник, Павсаний, борьба (pale), кулачный бой (pugme), панкратион (pankration)

Олимпийские игры занимали особое, уникальное место в культуре древней Эллады. Их значение было связано не только с развитием спортивной атлетики. Олимпийские игры являлись выражением высших духовных ценностей эллинской цивилизации. Победа на них превращала олимпиеца в национального героя, как в своем родном полисе, так и во всей Элладе. Атлетические игры древней Эллады, «глубоко укорененные в религиозные верования древних греков», по существу представляли собой особую форму по-

читания олимпийских богов и героев [1. С. 187]. Ведь олимпийская победа символизировала покровительство Зевса Олимпийского атлету, которое распространялось на его род и родину. Атлеты являлись как бы воплощением славных и великих героев греческих мифов. И связь эта была такой крепкой, потому что многие мифологические герои прославились не только на полях брани как воины, но и на стадионах как атлеты. Так, в беге особо отличились Ахилл (Eur. Iph. Av. 240-265; Philost. Imag. II. 2) и Диомед (Apoll. Epit. V. 5), в метании диска Персей (Paus. II. 16. 2) и Кастор (Paus. V. 8. 3), в борьбе Язон (Paus. V. 17. 9) и Тезей (Paus. I. 39. 3; Apoll. Epit. I. 3), в ристании колесниц Иолай (Paus. V. 8. 1-3) и Пелопс (Eur. Or. 1060-1070; Philost. Imag. I. 17). Однако лучшим воином и атлетом в греческих мифах без сомнения был великий Геракл, сын Зевса и Алкмены.

Культ Геракла был наиболее важен для Олимпии и Олимпийских игр. Многие античные авторы называли Геракла учредителем Олимпийских игр и считали его первым олимпиоником. Так, Пиндар неоднократно в своих эпиках называет Геракла основателем Олимпийских игр, которые являлись величайшим греческим праздником (Pind. Ol. II. 3f; Ol. X; Nem. X. 33; Nem. XI. 27). Павсаний пишет о том, что Олимпийские игры были основаны Гераклом, одним из девяти Идейских дактилей (Paus. VIII. 2. 1). Однако Аполлodor (Apoll. II. 7. 2) и Диодор Сицилийский (Diod. IV. 14. 1-2) считали основателем Олимпийских игр Геракла, сына Зевса и Алкмены, который учредил их после победы над царем Авгием. Диодор (Diod. IV. 14. 1-2) и Полибий (XII, 26, 1-8) приписывают Гераклу и установление на Олимпийских играх эхехерии – обряда священного перемирия. Также с именем Геракла было связано и введение наградного олимпийского венка из ветвей дикой маслины, которую посадил сам Геракл (Diod. IV. 14. 1). В честь победителей Олимпийских игр в Олимпии исполняли старинный гимн, написанный поэтом VII в. до н.э. Архилохом в честь Геракла и его друга Иолая: «Тенелла! / Светлопобедный – радуйся, о царь Геракл, – / Тенелла – светлопобедный – / И сам, и Иолай твой – два копейщика! – / Тенелла! / Светлопобедный – радуйся, о царь Геракл!» (фр. 120. *Пер. Нулендера В.О.*).

Образ Геракла имел очень важное значение в художественном оформлении Олимпии. У Геракла не было в Олимпии священного участка, наподобие того, что был у другого героя Олимпии – Пелопса (Пелопейон), но ему посвящалось много алтарей [6. С. 74]. Впервые в греческом искусстве все двенадцать подвигов Геракла были запечатлены на метопах храма Зевса Олимпийского, причем последовательность этих подвигов по сравнению с их перечнем в литературных памятниках была заметно изменена (ср.: Soph. Trach. 1111-1116) [8. С. 203-204]. Это изменение в первую очередь коснулось географии его подвигов, которая охватывала почти все области Эллады – от Малой Азии на востоке до крайнего запада, что во многом способствовало развитию образа Геракла как общегреческого героя [8. С. 200-204]. Поэтому культ Ге-

ракла постепенно приобрел панэллинский характер. Именно в Олимпии это имело важное значение, особенно после победы греков над персами [7. С. 75]. Более того, на некоторых метопах герой был показан в позициях, которые были характерны для статуй олимпиоников [6. С. 76].

Кроме метопа храма Зевса Олимпийского подвиги Геракла в Олимпии были также отражены на троне статуи Зевса Олимпийского работы Фидия, а также на расписных щитах, барьерах, которые преграждали подход к статуе Зевса (Paus. V. 11. 2, 4–6, 8) [10. С. 226–227]. Налимова Н.А. отмечает, что в классическом искусстве «осмысление битвы через поединок неизменно должно было повлечь за собой ориентацию на атлетические единоборства», что в первую очередь нашло отражение в изображении подвигов Геракла в классическом рельефе [11. С. 74].

Кроме того, образ Геракла в мифологии носил ярко выраженный агональный характер. Ибо в мифах он часто предстает не только как грозный воин, но и как великий спортсмен. И в отличие от других героев, которые, как правило, были связаны с каким-либо одним видом спорта, Геракл – это тип универсального атлета, которого воспевал Гомер [3. С. 136–170]. Эта идея была подкреплена особой системой воспитания Геракла, которого с детства обучали «лучшие из лучших». В «Идиллиях» Феокрита мы видим следующий список учителей Геракла: Лин учил Геракла чтению, Эвмолп – игре на форминге, Эврит – стрельбе из лука, Гарпалик – кулачному бою, Амфитрион – управлению колесницей (Theoc. Id. XXIV. 119–124). Аполлодор пишет, что изначально физическая и спортивная подготовка Геракла была уникальной, ибо управлять колесницей его учил Амфитрион, борьбе – Автолик, стрельбе из лука – Эврит, гопломахии – Кастор, пению и игре на кифаре – Лин (Apoll. II. 4. 9). Более того, Пиндар отмечал, что от Геракла зависел исход состязания, сравнивая его при этом с Гермесом (Pind. Nem. X. 52).

Геракл участвовал и побеждал практически во всех типах агонов, которые были известны как по олимпийской программе, так и по программам местных игр. Так, в пятиборье Геракл состязался с царем Сицилии Эриком. Проиграв Эрику в первых четырех видах пятиборья, Геракл победил в борьбе и вышел в этом агоне победителем (Paus. IV. 36. 3; Diod. IV. 23; Apoll. II. 5. 10)! Геракл, также как и его любимец Иолай, часто принимал участие в конных скачках, например, он победил Кикна, сына Ареса (Apoll. II. 5. 11). В стрельбе из лука Геракл соревновался с царем Эвритом (Plut. Thes. 8; Hyg. Astr. II. 3; Herod. VII. 124–127). На звание лучшего гребца Геракл состязался с Ясоном, и только сломанное от усердия весло помешало ему стать победителем в этом агоне (Apoll. Rhod. I. 1153–1171). Царя Лепрея Геракл победил в троеборье: в метании диска, питье воды и поедании быка (Athen. X. 412; Paus. V. 4. 1; 5. 3–4).

Однако в большей степени в литературе и в искусстве получила отражение тесная связь Геракла с единоборствами: борьбой, кулачным боем и панкратионом.

На Олимпийских играх при организации единоборств соблюдались определенные правила. При помощи жребия атлетов делили на пары, в которых они состязались друг с другом. Победитель в каждой паре выходил в следующий круг соревнований, пока не достигал финала. Атлет, оставшийся лишним при жеребьевке, назывался «эфедром». Он оказывался в более выгодном положении, чем его противник, так как выходил в следующий круг, сохранив силы. Но победа эфедра ценилась гораздо меньше, чем победа атлета, прошедшего все этапы борьбы. Были случаи, когда против атлета, прославившегося своими победами, никто не решался выйти на бой. Такому атлету присуждалась так называемая победа «без пыли», которая считалась самой почетной (Luc. Negm. 39–40).

Первоначально атлеты состязались в набедренных повязках; правило бороться в обнаженном виде первыми ввели спартанцы (Thuc. I. 6. 5). В единоборствах не было разделения спортсменов по весовым категориям; атлетов делили только по возрастным группам («мужчины» и «мальчики»); не было раундов, бой прекращался при полной победе одного из атлетов. В кулачном бою и в панкратионе поединок длился до тех пор, пока один из противников не признавал себя побежденным. В борьбе же проигравшим объявлялся атлет, трижды поверженный на землю [5. С. 96–96].

Из трех единоборств у греков самым любимым была борьба (*pale*), которая считалась высшей формой агональности. Греки считали борьбу особым видом искусства: недостаточно было победить своего соперника, следовало сделать это красиво. Поэтому в борьбе кроме силы особенно ценились ловкость и изящество. Покровителем искусства борьбы греки считали хитроумного Гермеса, который также стал первым мастером тактики в ней. Подставив подножку, он легко поборол бога любви Эроса (Luc. Symp. 7. 3). Как великие борцы в мифах прославились такие герои, как Тезей (Paus. I. 39. 3; Apoll. Epit. I. 3), Язон (Paus. V. 17. 9) и Пелей (Ov. Met. XI. 235–265). Однако лучшим борцом, конечно, считался Геракл (Paus. IV. 36. 3–4; III. 16. 4; Philost. Imag. II. 21; Ov. Met. IX. 1–100). Одним из его первых подвигов была победа над Киферонским львом, которого он задушил своими руками (Apoll. II. 4. 10; Paus. I. 41. 4; Diod. IV. 11), и над Немейским львом (Apoll. II. 5. 1; Diod. IV. 8. 3). Победы Геракла над Антеем и Кикном, Эриксом и Герионом, Ахелоемполнили список его подвигов (Soph. Thrach. 103–105; Apoll. II. 7. 5).

Согласно Павсанию борьба была включена в программу Олимпийских игр с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.). Первым победителем в ней стал спартанец Эврибат. В 37-ю Олимпиаду (632 г. до н.э.) в программу Олимпийских игр была добавлена борьба для юных атлетов, победителем в которой стал также спартанец Гиппосфен (Paus. V. 8. 7). В борьбе допускались различные захваты и броски, толчки и подножки. Запрещалось наносить удары кулаком и проводить болевые приемы. Побежденным считался тот борец, который трижды коснулся земли бедром, плечом или спиной (Heliod. X. 31).

Начиналась борьба в положении стоя (*Ibidem.*). Борцы старались повалить соперника на землю или, сомкнув его в железных объятиях, полностью лишить сил. Борьба могла продолжаться и в положении лежа (*Luc. Lucius. 10*). Во время выполнения броска атлет мог применять захваты и удушения. Захваты могли быть как за туловище соперника, так и за шею. О многих приемах борьбы мы узнаем из описания спортивных побед Геракла. Филострат Старший, рассказывая о битве Геракла и Антея, подробно описал захват противника за туловище (*Philostr. Imag. II. 21*). Борцы использовали часто и удушающие приемы: сидя на спине своего противника, атлет предплечьем надавливал на его шею, а ногами – на нижние ребра. Этот прием, используемый в битве Геракла против Ахелоя, прекрасно описал Овидий в «Метаморфозах» (*Ov. Met. IX. 1–100*). Таким образом, Геракл являлся образцом для подражания для многих атлетов, среди которых были и прославленные олимпионики.

Самым знаменитым борцом Эллады по праву считался Милон Кротонский, сын Диотима. Он был учеником Пифагора, который разработал особую систему подготовки атлетов (*Strab. VI. I. 12*). Впервые Милон победил на Олимпийских играх в категории мальчиков (60-я Олимпиада), а с 532 г. до н.э. он одержал победу во взрослой категории борцов на пяти Олимпиадах подряд. Кроме того, Милон семь раз побеждал на Пифийских играх и по десять раз на Истмийских и на Немейских играх. Пять раз он становился периодоником (т.е. победил в борьбе на всех панэллинских играх за один олимпийский цикл). Статую Милона в Олимпии изваял кротонский скульптор Дамой. Утверждали, что Милон принес в Альтис свою статую на своих плечах (*Paus. VI. 14. 5; Diod. XII. 9. 5–6; AP. XVI. 24*).

Про силу Милона рассказывали чудеса. Милон мог так крепко сжать в руке гранат, что никто не мог его отнять, тогда как сам гранат не был им поврежден. Он стоял на намазанном маслом диске, и никто не мог его с него столкнуть. Повязав на голову веревку, Милон разрывал ее силой своих напрягавшихся мышц (*Paus. VI. 14. 5; Ael. HN. II. 24*). Однажды Милон явился на Олимпийские игры с быком на плечах, которого он пронес через весь стадион (*AP. XVI. 24; Luc. Char. 8*).

Когда его родной Кротон подвергся нападению войск Сибариса в 300 тыс. человек, то кротонцы смогли ему противопоставить только 100 тыс. воинов. Тогда Милон возглавил ополчение своего полиса. Он вышел на битву в образе Геракла – в львиной шкуре и с дубинкой в руке. Его голову украшал олимпийский венок. Как отметил Диодор Сицилийский, вид Милона привел его сограждан в восторг и поверг в ужас врагов. Он смог обратить в бегство многих противников, и этим вызвал уважение своих сограждан ничуть не меньше, чем своими победами на панэллинских играх (*Diod. XII. 9. 5–6*).

Вторым из единоборств на Олимпийских играх был кулачный бой (*pugna*). Изобретение кулачного боя Пиндар приписывал Тесею (*Pind. Nem. V. 89*), а первыми победителями считали Аполлона, который победил в кулачном

бою бога войны Ареса (Paus. V. 7. 10), и Полидевка, победившего на первых Олимпийских играх, устроенных Гераклом (Paus. V. 8. 4; Dio Chrys. XXXVII. 14). Сам Геракл был обучен кулачному бою сыном Гермеса – Автоликом, дедом Одиссея (Theocr. Id. XXIV. 119–124). Принимая участие в погребальных играх Приола, в кулачном бою Геракл сошелся с лучшим бойцом Титием, которому сначала выбил все зубы, а потом убил его точным ударом в голову (Apoll. Rhod. Arg. II. 780–783).

На Олимпийских играх кулачный бой был введен с 23-й Олимпиады (688 г. до н.э.), а с 632 г. до н.э. на 37-й Олимпиаде был введен кулачный бой для «мальчиков».

Одним из легендарных олимпийцев в кулачном бою был Главк из Кариста, которому приписывали изобретение удара основанием кулака (Philostr. Gymn. 20).

Сын крестьянина Демила, Главк поначалу и не думал становиться атлетом. Однако вмешался случай. Однажды его отец наблюдал за пахавшим землю сыном, когда из плуга у Главка выпал лемех. Юноша вместо молота ударил по лемеху кулаком и приладил его на место. Увидев это, Демил сам отвел своего сына на Олимпийские игры, чтобы он выступил в кулачном бою. Главк был еще неопытен в этой борьбе и сначала получал от противников много ударов. Сражаясь с последним, Главк уже был так сильно измучен, что, казалось бы, проигрыш неминуем. Видя это, Демил громко крикнул ему: «Сын! Бей как по плугу!». И тогда Главк нанес своему противнику сильный удар кулаком и победил в битве. Таким образом, в 65-ю Олимпиаду (520 г. до н.э.) Главк получил заветный оливковый венок. Дважды он побеждал на Пифийских играх, и по восемь раз на Истмийских и Немейских играх. Один раз Главк стал периодоником в кулачном бою.

В Альтисе была установлена статуя Главка работы скульптора Главкия. Атлет был изображен в момент начала боя. Когда Главк умер, то жители Кариста похоронили его на острове, который называли островом Главка (Paus. VI. 10. 1–3). Лукиан в диалоге «В защиту изображений» писал о тенденции олимпийцев подражать героям мифов, упомянув при этом Милона, Пулидаманта и Главка. Говоря о Главке, Лукиан, ссылаясь на некоего известного поэта, отмечает, что тот сравнивал Главка по силе с Гераклом (Luc. 19).

Самым известным и знаменитым кулачным бойцом был великий Диагор с Родоса. Начиная с 470 г. до н.э. он четыре раза побеждал на Истмийских играх, два – на Немейских, один раз на Пифийских. В 464 г. до н.э. Диагор победил на 79-й Олимпиаде и стал периодоником. Его победы на панэллинских играх и других состязаниях в Афинах, Аргосе, Беотии, Мегарах и других городах воспел в хвалебной оде Пиндар (Pind. Ol. VII). Диагора почитали сыном Гермеса и называли «вторым Гераклом» (schol. Pind. Ol. VII. 1, p. 195, 198) [9. С. 105].

Интересно, что славные победы Диагора продолжили его дети и даже внуки, подвиги которых описал Павсаний. На 83-й Олимпиаде (448 г. до н.э.) олимпиоником в кулачном бою стал сын Диагора Акусилай. Два других его сына – Дорией и Дамагет – были олимпиониками в панкратионе. Когда сыновья Диагора победили на Олимпийских играх, то они подняли своего отца на руки и пронесли его через стадион. Все греки осыпали их цветами и кричали Диагору, что он самый счастливый человек, так как имеет таких прекрасных сыновей (Paus. VI. 7. 3).

Казалось бы, Диагор достиг предела желаний любого смертного, но боги дали ему возможность пережить еще большее счастье. На 94-й Олимпиаде (404 г. до н.э.) две победы в кулачном бою одержали внуки Диагора: старший внук Эвкл победил во взрослой группе бойцов, а младший Пейсирод – в категории мальчиков. Когда это произошло, то некий спартанец воскликнул: «Умри, Диагор, тебе теперь нечего больше желать!» (Plut. Pelop. 34).

Третьим единоборством, более поздним, был панкратион (pankration), основание которого приписывалось Гераклу (Paus. V. 8. 3). Среди олимпийских единоборств панкратион по праву считался одним из самых сложных состязаний. В нем сочетались различные приемы и удары борьбы и кулачного боя, благодаря чему была выработана новая техника и тактика ведения поединка [12. С. 497]. Филострат Старший упоминает, что Геракл первым принял участие в борьбе, в кулачном бою и в их сочетании (панкратионе) на погребальных играх в честь царя Абдера и в обоих этих агонах стал победителем (Philost. Imag. II. 25. 2). Вакхилид отмечал, что при помощи приемов панкратиона Геракл одолел Немейского льва (Vaschyl. XIII. 47) [12. С. 498]. Схолиаст Пифийских од Пиндара назвал Геракла первым победителем панкратиона на Пифийских играх (schol. Pind. Puth. a42).

В программу Олимпийских игр панкратион был включен с 33-й Олимпиады (648 г. до н.э.). Первым олимпиоником в нем стал Лигдамид из Сиракуз. Причем Павсаний отмечает, что жители Сиракуз утверждали, что Лигдамид ростом и силой был равен самому Гераклу (Paus. V. 8. 8)! Это сравнение с великим мифологическим героем здесь тоже не случайно. Первый олимпионик сравнивается с основателем панкратиона и первым победителем в этом агоне.

Одним из самых прославленных олимпиоников в панкратионе был фессалийский атлет Пулидамант, сын Никия из г. Скотуссы. Он прославился своей необычной силой и высоким ростом. В 408 г. до н.э. на 93-й Олимпиаде он одержал победу в панкратионе. Пулидамант не только подражал Гераклу, но и пытался повторить его подвиги! Так, рассказывали, что в Фессалии около Олимпа он без всякого оружия одолел огромного льва, задушив его голыми руками.

Несомненно, Пулидамант пытался повторить один из самых знаменитых подвигов Геракла, который одолел в борьбе Немейского льва. Кроме того,

он останавливал мчавшуюся во весь упор колесницу, а также мог долго удерживать за копыто задней ноги огромного быка.

Прослышав про необычную силу Пулидаманта, царь персов Дарий II пригласил его к своему двору, где предложил сразиться сразу с тремя своими лучшими «бессмертными»! Пулидамант без труда справился со всеми троими и был в знак восхищения щедро одарен Дарием (Paus. VI. 5. 1–3).

В череде этих прославленных атлетов особенно выделялся великий Феаген с Фасоса. Он стал примером невероятного спортивного долголетия. За свою долгую карьеру он получил 1400 венков панэллинских и местных Игр в различных состязаниях! Он одержал победу на 75-й Олимпиаде в кулачном бою, а на 76-й Олимпиаде – в панкратионе. Три раза в кулачном бою Феаген побеждал на Пифийских играх и по девять раз – на Истмийских и Немейских играх. В Альтисе ему была установлена статуя работы скульптора Главкия. На 75-й Олимпиаде Феаген, победив в кулачном бою, пытался одновременно стать и первым в панкратионе. Однако, потеряв много сил в битве с Евфимом из Локр, достойно выступить в панкратионе Феаген уже не смог. Ему пришлось отказаться от финальной схватки, и впервые победа без боя была присуждена панкратиасту Дромею из Мантинеи. Феаген смог стать олимпийщиком в этой дисциплине на следующей, 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.). В 486 г. до н.э. ему удалось повторить свой успех на Истмийских играх, победив в один день и в панкратионе, и в кулачном бою!

Феаген был уникальным атлетом еще и потому, что ему удалось приблизиться к облику Геракла, который представлял собой тип «универсального» спортсмена. Он принимал участие не только в единоборствах, но и в состязаниях бегунов на длинную дистанцию на играх в Аргосе, в метании копья на Пифийских играх, и на всех стал победителем (Paus. VI. 9. 2).

В эллинистический период истории Олимпийских игр подражание Гераклу среди олимпийщиков было закреплено официально. Когда в эпоху эллинизма появились профессиональные коллегии атлетов, то их божественным патроном стал Геракл [13. Р. 79]. Кроме того, в списке олимпийщиков появился особый термин – «второй после Геракла». Дело в том, что среди борцов наибольшей славой пользовались атлеты, одержавшие победы одновременно (за одну Олимпиаду) в панкратионе и в борьбе, как в свое время это удалось сделать Гераклу на первых Олимпийских играх (Paus. V. 8. 3; Philost. Imag. II. 25. 2). Сложность состояла в том, что все «тяжелые» состязания в единоборстве проводились в один день. Атлетов делили по жребию на пары. Время поединка не было ограничено. Победитель боя выходил в следующий круг соревнований. Лучшие атлеты встречались в финале. И только после этого дошедший до финала и победивший в нем борец мог принять участие в панкратионе, снова пройдя путь с первого круга до финала. Такие атлеты получали почетный титул «второй после Геракла», и их имена заносились в отдельный список олимпийщиков. За все время существования Олимпийских

игр этот список насчитывал только семь человек: Капр из Элиды (142-я Олимпиада), Аристомен с Родоса (156-я Олимпиада), Протофан из Магнезии (172-я Олимпиада), Стратон из Александрии (178-я Олимпиада), Марион из Александрии (182-я Олимпиада), Аристей из Стратоникеи (198-я Олимпиада), Никострат из Киликии (204-я Олимпиада) (Paus. V. 21. 10–12).

Первым в нем значился Капр, сын Пифагора из Элиды. Его по праву можно было считать ниспровергателем «былых кумиров»! В 212 г. до н.э. (142-я Олимпиада) Капр сначала одержал верх в борьбе над элейцем Пэанием, олимпийщиком прошлой 141-й Олимпиады в этой дисциплине (Paus. VI. 15. 10), после чего Капр решил состязаться в панкратионе, где его амбиции пересеклись с амбициями олимпийщика прошлой Олимпиады, великого панкратиаста Клитомаха из Фив! Клитомах же в свою очередь заявил себя в панкратион и в кулачный бой. Поэтому он обратился к судьям с просьбой поставить состязание в панкратионе до состязания в кулачном бою, так как считал, что в последнем может получить серьезные травмы и это помешает ему победить в панкратионе. Судьи сочли его требования справедливыми и провели состязания панкратиастов до кулачного боя. Однако эта предосторожность не помогла Клитомаху одержать победы в панкратионе, где он был побежден Капром (Paus. VI. 15. 3). Победа далась Капру с большим трудом, но именно это и делало победу наиболее весомой и значительной! За эту двойную победу Капру установили в Олимпии две статуи (Paus. VI. 15. 10). Кроме того, Капр принимал участие в Пифийских играх, где в один день одержал победы в кулачном бою и в борьбе (Paus. VI. 15. 10).

В 154 г. до н.э. (156-я Олимпиада) список «второй после Геракла» пополнился Аристоменом с Родоса, а в 92 г. до н.э. (172-я Олимпиада) – Протофаном из Магнезии. Павсаний писал, что после смерти Протофана его могилу потревожили грабители, думая чем-либо поживиться. За грабителями к могиле олимпийщика потянулись многие зеваки, которые захотели увидеть скелет прославленного атлета. Ходили слухи, что его ребра не имели между собой промежутков, они срослись, начиная от плеч и кончая самыми маленькими ребрами (Paus. I. 35. 6).

Знаменитый атлет Стратон, сын Коррага из египетской Александрии, поначалу пренебрежительно относился к атлетике. Когда у него заболела селезенка, то врачи порекомендовали ему спортивные упражнения. При помощи постоянных тренировок Стратон не только преодолел болезнь, но и достиг таких успехов в единоборствах, что во время Олимпийских игр в 68 г. до н.э. (178-я Олимпиада) оказался в один день победителем в борьбе и в панкратионе. На следующей, 179-й Олимпиаде, Стратон второй раз стал олимпийщиком, и также победил на Пифийских, Немейских и Истмийских играх. На родине ему была построена галерея, в которой он постоянно упражнялся (Paus. VII. 23. 5).

В 52 г. до н.э. на 182-я Олимпиаде еще один атлет из Александрии, Марион, победил в борьбе и в панкратионе. В 13 г. н.э. (198-я Олимпиада) этот

список уникальных атлетов пополнил Аристей из Стратоникеи (Кария). Последним «вторым после Геракла» стал Никострат, сын Исидота. В 37 г. н.э. (204-я Олимпиада) Никострат победил на Олимпийских играх в борьбе и в панкратионе, став последним в этом списке уникальных атлетов. После него было решено больше не продолжать этот список (Paus. V. 21. 10–12).

Андреев Ю.В. справедливо отмечал, что в олимпиаониках эллины видели таких любимцев богов, как Геракл или Тезей. Они как бы воскрешали во плоти среди своих потомков [1. С. 192]. Постепенно легендами обросли истории рождения атлетов и связанных с ними предзнаменований, таящих в себе их великое будущее. Такая история произошла с Никостратом, последним среди «вторых после Геракла». Павсаний пишет о том, что в детстве еще грудным ребенком его похитили пираты и продали некоему гражданину из киликийских Эг. Однажды хозяину Никострата приснился сон, что под его постелью спит львенок (многих единоборцев часто называли львами!). Проснувшись и заглянув под постель, он не увидел там никого, кроме спящего Никострата (Paus. V. 21. 12).

Герои Олимпийских игр настолько приблизились к герою мифов, что с ними были связаны многочисленные легенды. Невероятная история произошла после смерти Феагена с Фасоса. Когда он умер, некий недоброжелатель Феагена каждую ночь стегал бичом медную статую Феагена, поставленную на его родине. Однажды статуя упала на своего обидчика и придавила его насмерть. Так как дети убитого предъявили статуе иск об убийстве, ссылаясь на древние законы Драконта, то жители Фасоса вынуждены были «наказать» статую прославленного атлета и сбросили ее в море. Однако после этого земля Фасоса перестала плодоносить. Фасосцы отправили в Дельфы послов, и пифия повелела им вернуть статую Феагена. Рыбаки сетями достали статую из моря, после чего ее водрузили на прежнее место и стали приносить Феагену жертвы как богу (Paus. VI. 11. 6 – 8).

Не только атлетам, но и их статуям приписывались сверхестественные способности. Так, статуи великих атлетов Пулидоманта в Олимпии и Феагена на Фасосе исцеляли больных от лихорадки (Luc. Deor. Conc. 12). Павсаний добавляет, что статуй Феагена было много, и у эллинов, и у варваров и все они пользовались большим почетом и врачевали различные болезни (Paus. VI. 11. 8–9).

Как верно отметил Гаспаров М.Л., «фантастический почет, который воздавался в Греции олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне, – все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусственных спортсменов, а любимцев богов» [2. С. 363].

Все эти примеры показывают, что олимпиаоников не только почитали как героев, но они находились под покровительством богов, которые всегда были готовы придти им на помощь. Так, Вакхилид отмечал, что главное для

атлета «Что лучше, чем быть / Любимцев богов, / Что лучше, чем брать / Всех благ свою полную долю?» (Vaschil. IV. 18–20. *Пер. Гаспарова М.Л.*).

Успех атлета всегда зависел от благосклонности богов, которая распространяется только на избранных: «Великая и вечная слава – / На том, кому следует ваш блистательный дар. / Разным людям – разное добро; / Многие дороги с богом ведут к благополучию» (Pind. Ol. VIII. 11–16. *Пер. Гаспарова М.Л.*). Отсюда появилась традиция считать лучших атлетов детьми богов. Так, великого Феагена с Фасоса считали сыном Геракла. Отец Феагена, Тимофей, был жрецом в храме Геракла. Однако, согласно легенде, никто иной, как сам Геракл, принял образ Тимофея, когда возлег с его женой (Paus. VI. 11. 2) [14. P. 134; 15. P. 62–105]. А Главк из Кариста вел свое происхождение от морского бога Главка (Paus. VI. 10. 1–3).

Однако не только рождение, но даже смерть многих великих атлетов была овеяна легендами. Часто уход из жизни спортсменов был связан с потерей ими прежней силы. Великий Милон Кротонский, проходя однажды через лес, увидел засохшее бревно с вбитым в него клином. Переоценив свою силу, атлет всунул руки и ноги в расщеп дерева, силясь совсем разорвать бревно. Однако его сил хватило только на то, чтобы выбить клин. Края дерева снова сомкнулись, великий Милон оказался в ловушке и стал добычей диких зверей (Paus. VI. 14. 4; Strab. VI. 1. 12).

Великий олимпийский панкратион Тиманф из Клеона, статую которого в Олимпии сделал скульптор Мирон, в конце жизни уже не выступал, но продолжал испытывать свои силы, натягивая каждый день лук. Но когда из-за временной отлучки ему пришлось на время прекратить эти упражнения, то, вернувшись домой, он с ужасом увидел, что уже не в силах совершить это упражнение. В отчаянии он развел костер и живым бросился в огонь (Paus. VI. 8. 4) [4. С. 36].

Так же, как и Геракл, пройдя путь испытаний и побед, заслужил от богов бессмертия, также и атлеты, через труд и страдание, приближались к бессмертию (Pind. Ol. II. 52) [8. С. 204–205].

Дионисий Галикарнасский писал, что «многие атлеты были признаны даже равными богам, а некоторые и почитались как боги» (Dion. Hal. Rhet. VII. 7). Лукиан отмечал, что победитель Олимпийских игр становится равным богу (Luc. Anach. 10).

Интересно, что Геракл почитался и как герой, и как бог. Согласно Павсанию, жители Марафона первыми стали воздавать ему божественные почести (Paus. I. 15. 3). Подражавшие ему олимпийские атлеты также приблизились к божественному статусу. Так, Феагену с Фасоса оказывали культовые почести как богу (Paus. VI. 11. 8–9; Luc. Deor. Conv. 12).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что греческие атлеты на Олимпийских играх пытались повторить подвиги великих мифологических

героев. В спортивных подвигах олимпийщиков как бы заново возрождались герои мифов. Цель их жизни была в победе, славе, почете, который сопровождал эту победу. Их почитание как при жизни, так и после смерти приблизило победителей Олимпийских игр не только к культу героев, но иногда и к бессмертным богам. Атлет старался реализовать свой спортивный потенциал, максимально приблизившись к герою мифов. И наиболее важным примером для подражания был культ Геракла.

Самые великие атлеты Эллады сознательно подражали Гераклу, пытались повторить его подвиги и копировать его манеру поведения. Так осуществлялось единство прошлого и настоящего, когда атлеты становились воплощением мифических героев.

© Гвоздева Т.Б., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.
- [2] Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 361–383.
- [3] Гвоздева И.А. Агоны и спортивные зрелища эпохи Августа в «Энеиде» Вергилия // Олимпийские игры: история и современность. М., 2012. С. 136–170.
- [4] Гвоздева Т.Б. Олимпионики: история и легенда // Олимпийские игры: история и современность. М., 2012. С. 5–50.
- [5] Гвоздева Т.Б. Олимпийские игры античности (от мифа к истории). М., 2013.
- [6] Герасимова Л.Ю. Пелопс и Геракл в искусстве Олимпии // Труды I межвузовской конференции молодых ученых памяти проф. В.Ф. Семенова, 13 апреля 2002 г.: (История древнего мира). М., 2002. С. 91–94.
- [7] Герасимова Л.Ю. Архитектурно-скульптурный ансамбль Олимпии после Греко-персидских войн // Олимпийские игры: история и современность. М., 2012. С. 67–84.
- [8] Герасимова Л.Ю. Храм Зевса в Олимпии – квинтэссенция олимпийских идей классической эпохи // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 187–209.
- [9] Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.
- [10] Налимова Н.А. Проблема «Зевса Олимпийского»: датировка, реконструкция, программа (современное состояние вопроса) // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 210–230.
- [11] Налимова Н.А. Агональные мотивы в греческих архитектурных рельефах со сценами сражений // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (от древности до наших дней). М., 2015. С. 8–25.
- [12] Янзина Э.В. Панкратион. К вопросу об интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // Вопросы классической филологии. М., 2010. Вып. XV. С. 494–513.
- [13] Finley M.I., Pleket H.W. The Olympic Games. London, 1976.
- [14] Launey M. Le sanctuaire et le culte d'Héraclès à Thasos. Paris, 1944. P. 134.
- [15] Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. Paris, 1954. T. 1. P. 62–105.

REFERENCES

- [1] Andreev YU.V. Cena svobody i garmonii [The price of freedom and harmony]. SPb., 1998.
- [2] Gasparov M.L. Poehziya Pindara [The Poetry Of Pindar] // Pindar. Vakhilid. Ody. Fragmenty [Pindar. Machilid. Odes. Fragments]. M., 1980. S. 361–383.
- [3] Gvozdeva I.A. Agony i sportivnye zrelishcha ehpoi Avgusta v «Ehneide» Vergiliya [Agony and sporting events of the epoch of August, in the "Aeneid" of Virgil] // Olimpijskie igry: istoriya i sovremennost' // [The Olympic games: history and modernity]. M., 2012. S. 136–170.
- [4] Gvozdeva T.B. Olimpioniki: istoriya i legenda [Olimpioniki: history and legend] // Olimpijskie igry: istoriya i sovremennost' [The Olympic games: history and modernity]. M., 2012. S. 5–50.
- [5] Gvozdeva T.B. Olimpijskie igry antichnosti (ot mifa k istorii) [The Olympic games of antiquity (from myth to history)]. M., 2013.
- [6] Gerasimova L.YU. Pelops i Gerakl v iskusstve Olimpui [The Pelops and Hercules in the art Olympia] // Trudy I mezhvuzovskoj konferencii molodyh uchenyh pamyati prof. V.F. Semenova, 13 aprelya 2002 g.: (Istoriya drevnego mira) [Proceedings of the I inter-university conference of young scientists in memory of Professor V. F. Semenov, 13 APR 2002: (History of the ancient world)]. M., 2002. S. 91–94.
- [7] Gerasimova L.YU. Arhitekturno-skulpturnyj ansamblyu Olimpui posle Greko-persidskih vojn [Architectural and sculptural ensemble of Olympia after the Greek-Persian wars] // Olimpijskie igry: istoriya i sovremennost' [The Olympic games: history and modernity]. M., 2012. S. 67–84.
- [8] Gerasimova L.YU. Hram Zeusa v Olimpui – kvintehssenciya olimpijskih idej klassicheskoj ehpoi [The temple of Zeus at Olympia – the quintessence of the Olympic ideas of the classical era] // Olimpijskie igry v politike i kul'ture [The Olympic games in politics and culture]. M., 2013. S. 187–209.
- [9] Zajcev A.I. Kul'turnyj perevorot v Drevnej Grecii VIII – V vv. do n. eh. [Cultural revolution in Ancient Greece in the VIII – V centuries BC]. L., 1985.
- [10] Nalimova N.A. Problema «Zeusa Olimpijskogo»: datirovka, rekonstrukciya, programma (sovremennoe sostoyanie voprosa) [The problem with “Zeus”: Dating, reconstruction program (present status)] // Olimpijskie igry v politike i kul'ture [Olympic games in politics and culture]. M., 2013. S. 210–230.
- [11] Nalimova N.A. Agonal'nye motivy v grecheskih arhitekturnyh rel'efah so scenami srazhenij [Agonistic motifs in Greek architectural reliefs with scenes of battle] // Tradicii antichnogo olimpizma v mirovoj kul'ture (ot drevnosti do nashih dnei) [The Tradition of the Olympic movement in world culture (from antiquity to the present day)]. M., 2015. S. 8–25.
- [12] Yanzina EH.V. Pankration. K voprosu ob interpretacii grecheskih i latinskih sportivnyh terminov [Pankration. To the question of the interpretation of Greek and Latin sports terms] // Voprosy klassicheskoj filologii [Issues of classical Philology]. M., 2010. Vyp. XV. S. 494–513.
- [13] Finley M.I., Pleket H.W. The Olympic Games. London, 1976.
- [14] Launey M. Le sanctuaire et le culte d'Héraclès à Thasos. Paris, 1944. P. 134.
- [15] Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. Paris, 1954. T. 1. P. 62–105.

OLIMPIONIKS OF ANCIENT GREECE – «SECOND AFTER HERACLES»

T.B. Gvozdeva

Department of World History
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The Victory at the Olympics was the main goal of any athlete. Having the Olympic wreath, medalist became a national hero of your policy. The fame and respect that accompanied him all his life, was the result of a hard daily work, but also with the grace of the gods. Victory olimponiks had a sacral character, as was the special protection of Zeus. Olympic games and other Panhellenic games was a special form of worship of gods and heroes. Performing athletic feats, athletes were as it were the epitome of great heroes, especially the Hercules. Hercules is often revered as the founder of the Olympic games and the first olimponiks. His name is associated with the introduction of the custom of sacred truce and rewarding olimponiks a wreath of olives. The cult of Hercules was important for the decoration of Olympia, where he finally acquired a Panhellenic character. Hercules was a role model for many of the great Olympians. Moreover, for athletes who won the Olympics in wrestling and the pankration introduced a special title – “second after Heracles”.

Key words: Olympic games, Olympia, Hercules, Olympian, periodontic, Pausanias, wrestling (pale), pugilism (pugme), pankration (pankration)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНО-РАВНИННОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ КАК МАРКЕРЫ КОНТАКТОВ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПЛЕМЕН КИММЕРИЙСКО-СКИФСКОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА

В.Т. Чшиев

Институт истории и археологи Республики Северная Осетия – Алания
ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Россия, 362025

В статье рассматриваются контакты кавказских племен – носителей кобанской археологической культуры и населения Северного Причерноморья и Предкавказья в эпоху раннего железа, отразившиеся в ряде элементов материальной культуры. На примере материалов кобанских памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии, преимущественно полученных из могильников, раскопанных и исследованных автором статьи (узды, массивные бляхи, овальные застёжки степного типа, втульчатые наконечники стрел, орнаментация бронзовых бляшек четырехлучевой «киммерийской» звездой, керамический кубок и др.), прослеживаются определенные связи между древними автохтонами региона и племенами киммерийско-скифского культурного круга, а также населением Поднепровья.

Такие категории материальной культуры древних «кобанцев», как комплекты бронзовой конской узды местного типа (двукольчатые удила с разнообразными литыми псалями, однокольчатые удила снабженные S-видными псалями), бронзовые кованные ситулы и кружки, украшенные зооморфными ручками, керамические сосуды (некоторые типы корчаг и кружек), на раннем этапе этого взаимодействия в достаточно массовом количестве проникают в скифо-киммерийскую среду. Вероятно, этим объясняются близкие формы, а в некоторых случаях и полные аналогии кобанской керамике из Змейского, Среднеурухского, Комсомольского поселений, Эльхотовского, Николаевского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников, найденные в скифских памятниках днепровского правобережья и Побужья, Бельского городища, киммерийских и савроматских захоронениях.

На втором этапе наблюдается в определенной степени обратный процесс, когда племена – носители кобанской культуры начинают изготавливать и пользоваться стрелами степного типа, оформляют узду и оружие в скифском стиле.

Ключевые слова: история Северного Кавказа VIII–VI вв. до н.э., кобанская археологическая культура, контакты северокавказских племен и населения Степи в эпоху раннего железа

Вопросы взаимодействия, степени влияния или взаимовлияния, характера связей, существовавших между племенами киммерийско-скифского культурного круга и местным кавказским населением, остаются весьма актуальными для изучения древней истории Северного Кавказа.

Рассматриваемые нами контакты двух этнокультурных континуумов относятся хронологически к эпохе раннежелезного века. Территориально контактная зона племен киммерийско-скифского культурного круга и местных кавказских кобанских племен, охватывает северные и северо-западные границы северной группы памятников центрального варианта кобанской археологической культуры. Предгорья и равнинная зона Северной Осетии являются частью района как долговременных контактов двух этих этнокультурных массивов (соседство, меновой обмен, и др.), так и кратковременных – перемещение военных отрядов степняков через перевалы Главного Кавказского хребта.

Наиболее ранние представители степного ираноязычного мира известны истории под названием «Киммерийцы». Как считается, первое упоминание этого имени мы встречаем в эпической поэме Гомера «Одиссея» [1], создание которой, по мнению большинства исследователей, относится к VIII в. до н.э. В конце VIII и в VII веках до н.э. имя киммерийцев встречается в Ассирийских и Урартских клинописных хрониках, в качестве описания опасного военного противника, вторгшегося с севера в пределы Передней Азии. Позднее это имя встречается уже у таких известных авторов античности, как Геродот, Каллимах, Страбон и др. Наиболее развернуто описывает народ киммерийцев и скифов в эту эпоху «Отец истории» – Геродот (V в. до н.э.) [2]. Известно также упоминание о киммерийцах под именем Гамер как об беспощадных завоевателей в Библии. Несколько позже становится известным истории и имя скифов, также преимущественно благодаря переднеазиатским и греческим письменным источникам. Как и киммерийцы, в письменных источниках скифы упоминаются как завоевательный народ, продвинувшийся в пределы Передней Азии и Ближнего Востока, вплоть до Египта, и принимавший активное участие в исторических судьбах народов этих регионов в VIII–VII вв. до н.э.

Исследователями установлено, что зафиксированные древней письменной исторической традицией продвижения киммерийцев и родственных им скифов на юг шло из районов, примыкающих с севера и северо-запада к Кавказу. Также установлено, что в VII в. до н.э. эти перемещения происходили через кавказские перевалы. Т.о., в VIII–VII вв. до н.э. массив киммерийско-скифских племен оказывается в непосредственной близости от занимавших в то время предгорья Центрального Предкавказья, и в частности предгорные и равнинные районы Северной Осетии, племен кобанской археологической культуры. Каковы же материальные свидетельства этого соседства?

Наиболее ранние контакты между местными кобанскими племенами и продвинувшимся в Предкавказье в эпоху раннего железного века скифо-киммерийским племенным массивом на территории Северной Осетии могут быть прослежены на примере археологических материалов Эльхотовского и Николаевского могильников, а также Змейского, Николаевского и Среднеурухского поселений. Несколько позднее – в 6–5 вв. до н.э. – по материалам кобанских памятников Моздокского р-на республики. Все эти археологические памятники расположены в предгорной зоне РСО–Алания, в районе невысокого Кабардино-Сунженского хребта, ограничивающего с севера Владикавказскую наклонную равнину, и в районах, примыкающих к Терскому хребту.

Многие известные на территории Северной Осетии памятники кобанской культуры предскифского – скифского времени (Эльхотовский, Николаевский, Заманкульский, Моздокский могильники, Комсомольское, Среднеурухское, Николаевское, Эльхоткомское, Моздокское поселения) еще не изучены в достаточной степени, однако часть их материалов постепенно вводится в научный оборот.

В 2005 г. при раскопках Эльхотовского могильника кобанской культуры (погребение № 85) нами были найдены два полых роговых псалия с двумя круглыми отверстиями в одной плоскости. Расширенные концы псалиев имеют выемку по периметру рога, что, на наш взгляд, связано с креплением в этом месте одного из ремней уздечки, скорее всего идущего на носовую часть лошади. Вероятно, этим объясняется и то, что псалии снабжены только двумя сквозными отверстиями (рис. 1, 4–5). В захоронении присутствовали также наконечник железного копья с длинной раскрытой втулкой и вытянуто-лавролистным пером, железный нож с горбатой спинкой, четыре керамических сосуда (лощенные корчага и кружки).

Недалеко от псалий были найдены два бронзовых колечка и две полусферические в сечении бронзовые бляшки с прорезным орнаментом в виде четырехконечной розетки и петлями на внутренней стороне, характерные для комплексов новочеркасского времени (рис. 1, 13–14). Четыре последних предмета, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к уздечке, где четырехлепестковые бляшки с петлями, вероятно, располагались на нащечном ремне. Отсутствие удил в погребении, на наш взгляд, можно объяснить тем, что они были изготовлены из менее долговечных материалов (кожаные). Возможно также, что они были изготовлены из металла, но, являясь весьма ценным предметом, не были положены в могилу.

Также, как нам представляется, расширенная полая часть псалиев имела в древности навершие – вставку, изготовленную из дерева, возможно – зооморфную. Последняя, на наш взгляд, не сохранилась, так как все деревянные вещи на данном памятнике в результате особенностей грунта разлагаются почти без следа.

В целом погребальный инвентарь рассматриваемого захоронения № 85 Эльхотовского могильника укладывается во временные рамки середины-конца VIII в. до н.э. и относится к категории предметов, характерных для раннескифской культурной традиции. Подобные роговые псалии считаются предметами, имеющими «степной образ», и характерны для памятников степных племен киммерийско-скифского культурного круга VIII–VII вв. до н.э. [3].

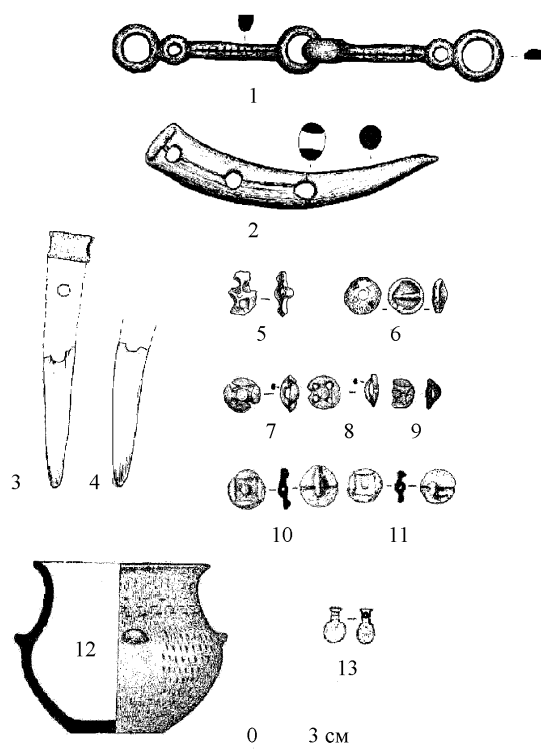

Рис. 1.: 1, 6–11 – бронза; 5 – сурьма; 12 – керамика; 13 – кость

Еще один уздечный набор был найден в Эльхотовском могильнике в погребении № 60. Комплект состоял из бронзовых литых двукольчатых удил с рифлением двурядно-прямоугольного типа на мундштучной части и также роговых полых трехдырчатых псалий, изготовленных из отверший рогов оленя.

На наш взгляд, роговые полые псалии данного уздечного набора тяготеют к степным «киммерийским» образцам.

В то же время сами бронзовые двукольчатые удила из этого комплекта представляются нам продукцией местной, кобанской индустрии.

В целом необходимо отметить, что лошадь занимала довольно важное место в хозяйстве, военном деле и идеологии кобанских племен. На территории Северной и Южной Осетии в памятниках кобанской культуры обнаружено более 60 предметов от разнообразных типов конской сбруи (Змейская, Фаскау, Верхний Кобан, Донифарс, Комарово, Тли, Ленингори, Эльхо-

тово, Адайдон и др.). При этом, как отмечает В.И. Козенкова, «большая часть узды происходит с «...территории Северной Осетии» [4. С. 59].

В предскифское-раннескифское время (IX – начало VII в. до н.э.) в материалах кобанской культуры известно большое количество разнообразных комплектов строгой узды для верховой лошади (рис. 2, 1–17). Только из погребений Верхнекобанского могильника происходят 15 наборов разных типов. В материалах культуры известны однокольчатые и двухкольчатые бронзовые удила с разнообразным рифлением грызла, удила с оформлением концов в виде стремени, с овальными кольцами на концах удил и пр. Также многочисленны костяные, роговые и особенно бронзовые псалии, использовавшиеся для жесткой узды.

Из Верхнекобанского могильника происходят прекрасные комплекты удил, сочетающихся с бронзовыми псалиями, которые отлиты вместе в сложных литейных формах. Особенно примечательны удила с псалиями, концы которых оформлены в виде голов лошадей, в виде загнутого рога или когтя, трубчатые псалии с шляпковидными головками на концах. В этот период «...отчетливо видно знакомство всадников Кобани практически со всеми видами конского снаряжения IX – начала VII вв. до н.э., известными в Передней Азии, Северном Причерноморье, Средней Европе и Западном Средиземноморье (Аппенины)» [4. С. 61].

В целом, конский комплект бронзовой узды так называемого «Новочеркасского типа», вероятно, складывается «в сфере кобанской культурно-исторической области» и был не только заимствован у кобанцев и модифицирован киммерийцами и скифами, но и посредством мобильности последних был занесен и передан другим племенам, часто значительно отдаленным от Кавказа (Украина, Венгрия, Австрия и другие современные регионы Восточной и Центральной Европы) [5].

В конце VII–VI вв. до н.э. кобанская узда, изготавливаемая теперь часто из железа, уже не обнаруживает такого разнообразия, как в предшествующее время. Теперь уже под влиянием обратного импульса со стороны племен скифо-сарматского культурного круга происходит известная унификация узды, сопровождающаяся копированием многих «модных» образцов степного мира.

Одновременно с изменением формы происходит и заимствование некоторых степных орнаментальных мотивов, зооморфного оформления псалий и т.д.

Мощные металлургические центры кобанской культуры достаточно быстро сориентировались в условиях новой «степной» конъюнктуры и освоили массовое производство новых типов узды не только для своих нужд, но и для экспорта. «С конца VII в. до н.э. и на долгое время в конском снаряжении центрального варианта, в особенности в северо-кавказской группе... представлены практически все разновидности удил и псалиев скифо-сарматского облика» [4. С. 61]. Этому периоду в материальной культуре двух рассматриваемых этнокультурных компонентов присущ уже синкретический характер,

в первую очередь в предметах вооружения, costume. Такие, имеющие уже степной облик удила и псалии, были найдены в равнинном Моздокском районе Северной Осетии в погребениях Комаровского могильника (рис. 13, 15).

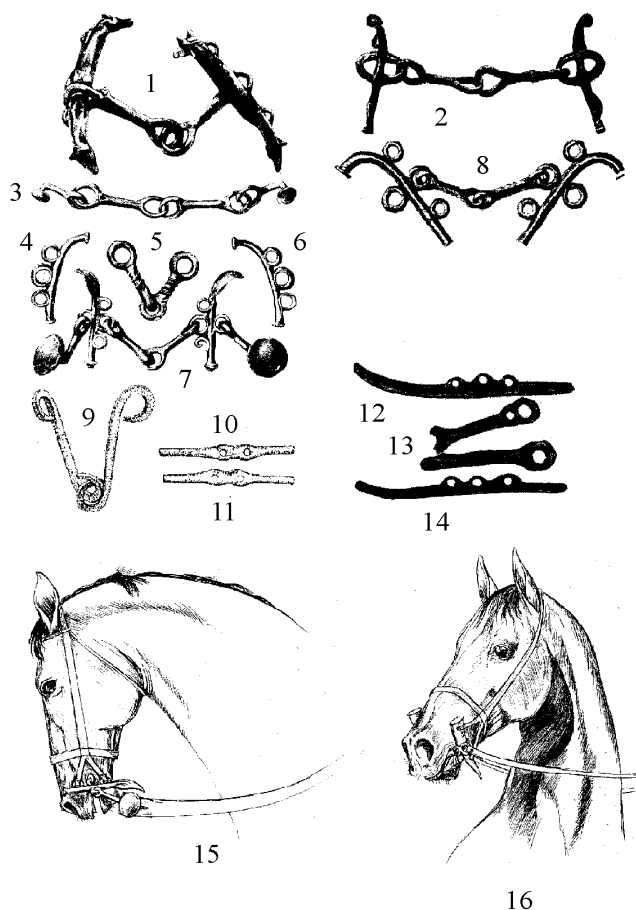

Рис. 2.: 1–14 – бронза; 15–16 – реконструкция В.[Х.]Т. Чшиева, художник Б.Г. Цогоев

Интересной особенностью Эльхотовского могильника является также большое количество разнообразных блях с петлей на обратной стороне, больших и малых, конических и полуовальных, наконечников – обоймиц и ворворок, которые обычно трактуются как принадлежность конской сбруи. Аналогичные предметы в большом количестве найдены в комплексах «киммерийского» облика Прикубанья и Северо-Западного Кавказа, Северного Причерноморья, что свидетельствует о контактах двух этих регионов с населением, оставившим Эльхотовский могильник. Так, к примеру, в погребениях Эльхотовского могильника были найдены полусферические бронзовые бляхи, орнаментированные так называемой «киммерийской звездой», – четырехлучевой звездочкой, вписанной в круг (рис. 1, 13–17). Данные предметы и подобная вышеописанной орнаментация считаются исследователями индикатором

тором киммерийской – раннескифской культуры Северного Причерноморья и северного Предкавказья [6]. Такие же бронзовые бляшки с «киммерийской звездой» были обнаружены нами при раскопках еще одного памятника контактной зоны Северной Осетии – Николаевского могильника кобанской культуры (рис. 1, 11–12).

В 2004 г. в комплексе погребения № 80 Эльхотовского могильника нами был найден керамический кубок, украшенный четырьмя налепами и «семечковидным» орнаментом (рис. 1, 12). Кубок является единственным экземпляром этой категории посуды, найденной в материалах могильника. Подобные сосуды в небольшом количестве имеются в материалах Верхнекобанского могильника северной группы центрального варианта культуры [4. С. 46, рис. 17, 2, 6]. Датируется данный тип керамических кубков В.И. Козенковой в рамках 9 – начала 7 вв. до н.э. [7]. На территории восточного варианта кобанской культуры они не известны. Значительно большее количество их (тип е – по классификации В.И. Козенковой) – 33 целые формы – известно в материалах западного варианта культуры.

В то же время в памятниках Степи и Лесостепи Северного Причерноморья в конце 2 – начале 1 тыс. до н.э., и в большей степени в предскифский («киммерийский») период, кубки данного типа представлены весьма широко [8]. Так, кубки из погребения 13 кургана у с. Головковка и сосуды чернолесской культуры, кроме аналогичной эльхотовскому формы, украшены такими же четырьмя налепами «по плечикам». «Семечковидный» (ногтевой) орнамент нашего сосуда типичен для посуды памятников западного варианта кобанской культуры, в то время как форма сосуда, вероятно, является дериватом прототипов культур Северного Причерноморья или Поднепровья. На наш взгляд, эта форма – глубокие изящные кубки, украшенные наlepным орнаментом по плечикам (с чуть приостренными концами наlepов), могла быть занесена в местную кавказскую культуру в результате контактов последней с племенами Северного Причерноморья и Приднепровья. В таком случае становится понятным отсутствие этих форм в памятниках восточного варианта, наиболее отдаленного географически; незначительное количество их в ареале центрального варианта и преобладающее – на территории западного варианта, наиболее близкого территориально к Северному Причерноморью.

Из женского погребения № 77 Эльхотовского могильника происходит шаровидная (каплевидная) костяная привеска с цилиндрическим выступом, снабженным отверстием (рис. 1, 13). На Северном Кавказе одна аналогия известна из Майртурского могильника восточного варианта и датируется В.Б. Виноградовым и С.Л. Дударевым XI–X вв. до н.э. [9]. В то же время привески этого типа являются эпонимным предметом для белозерских древностей (т.н. каплевидные привески) [10].

То, что прямые экономические связи между племенами кобанской культуры и Лесостепным регионом Северного Причерноморья и Подунавьем вполне возможны, показывают предметы из клада, найденного в 1984 г. близ

ст. Упорной Краснодарского края. В перечне находок этого клада присутствуют бронзовые кельты, наконечник копья с прорезями в лопасти пера, топор-секира «крендорфского» типа и бляха умбон с выступом в центре. Наконечник копья и кельты являются импортами белозерского этапа срубной культуры, а секира и бляха-умбон типичны для культуры поздней бронзы бассейна Дуная Средней Европы [11].

В свою очередь, богатые и разнообразные традиции керамического кобанского производства, включающие зеркальное лощение, искусную орнаментацию и т.д., способствовали импорту кобанской керамики в среду племен киммерийско-скифского культурного круга. Так, корчаги, кружки, кувшины и кубки типов, характерных для кобанской культуры, и в частности тех типов, что имеют аналогии в предгорных памятниках Северной Осетии рассматриваемого периода [12], имеют дериваты в киммерийских и скифских памятниках. Аналогии кобанской керамике из Змейского, Среднеурухского, Комсомольского поселений, Эльхотовского, Николаевского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников находятся в скифских памятниках днепровского правобережья и Побужья, Бельского городища, савроматских захоронениях [13], большого числа киммерийских памятников [14].

Т.о., на примере материалов кобанских памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии (узды, массивные бляхи, овальные застёжки степного типа, втульчатые наконечники стрел, орнаментация бронзовых бляшек четырехлучевой «киммерийской» звездой, керамический кубок и др.), прослеживаются определенные связи между древними автохтонами региона и племенами киммерийско-скифского культурного круга, а также населением Поднепровья.

На раннем этапе этого взаимодействия мы видим, что такие кобанские категории материальной культуры, как комплекты бронзовой конской узды местного типа, бронзовые и керамические сосуды, в достаточно массовом количестве проникают в скифо-киммерийскую среду. На втором этапе, на наш взгляд, наблюдается в определенной степени, обратный процесс, когда кобанцы начинают изготавливать и пользоваться стрелами степного типа, оформляют узду и оружие в скифском стиле. Широкое распространение в этот период в среде кобанских племен получают короткие железные мечи скифского типа – акинаки.

Таким образом, для рассматриваемого нами периода (киммерийское, раннескифское время) мы видим определенный культурно-экономический симбиоз степняков и горцев, одним из важных факторов которого, безусловно, выступает торговый обмен. Не случайно в этот период в скифских памятниках встречаются предметы кобанского типа – в первую очередь керамика и бронзовые сосуды престижных типов (бронзовых ситул, бронзовых кружек с зооморфными ручками и т.д.). Ярким примером этого процесса выступает

находка типичного кобанского бронзового сосуда в кургане у с. Квитки в Поросье [15]. В более поздний период, в середине – второй половине VII до н.э. ситуация и в контактной зоне и в политике взаимоотношений двух рассматриваемых этнокультурных сообществ меняется, сдвигаются границы расселения племен и, вероятно, в результате военных действий между ними затухает жизнь на некоторой части кобанских поселений [16].

© Чшиев В.Т., 2016

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Гомер. Одиссея. Перевод В.А. Жуковского. М., 1967. XI, 12–19.
- [2] Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1 // Приложение к журналу «Петербургский Археологический Вестник», вып. 3 XXI. СПб., 1992. С. 66–67, 73–75, 77–81.
- [3] Граков Б.Н. Скифы. Издательство МГУ. М., 1971. С. 159; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., «Наука». 1994. С. 294, рис. 2, 3 а.
- [4] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- [5] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, АГПИ, 1999. С. 170.
- [6] Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 127, рис. 58, 7–8; с. 177, рис. 84, 4; с. 211, рис. 102, 26, 28; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 51, рис. 19; с. 85, рис. 29, 15–17.
- [7] Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ / Ред Б.А. Рыбаков. Вып. В 2–5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. С. 100.
- [8] Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 180, рис. 128, 4–5; с. 191, рис. 137, 5; Мелюкова А.И. Скифия и Фракийский мир. М.: Наука, 1979. С. 50, рис. 13, 9, 11; с. 54, рис. 16, 14; с. 66, рис. 22, 2; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Изд-во Шлях, 2005. С. 114, рис. 41, 3; с. 115, рис. 42, 1, 6.
- [9] Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Могильники позднего бронзового века у села Майртуп в Чечне // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. С.Л. Дударев. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ. Вып. 1. 2003. С. 19, рис. 25.
- [10] Кубышев А.И., Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у сел. Чернянка (Херсонской области) // СА / Отв. секретарь В.И. Козенкова. Москва: Изд-во АН СССР, 1986. № 3. С. 152–155, рис. 7, 27, 8, 12; Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). Москва: ТАУС, 2013. С. 37, рис. 16, 24.
- [11] Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад из Упорной и новые данные о контактах культур Северного Кавказа и Центральной Европы в конце II тыс. до н. // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Владикавказ / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кав-

- каза. Крупновские чтения: 1971–2006 / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Вып. VIII. С. 121–136; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 121, рис. 45, 1–3, 5).
- [12] Чшиев В.[Х.]Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А.А.Туаллагов. Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. Т. 1. С. 283–285.
- [13] Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 125, 157; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 352, рис. 60, 1–2, 4–6, 12, 14.
- [14] Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М.,: «Наука», 1979. С. 63, рис. 20; с. 57, рис. 17, 1–5, 7; с. 67, рис. 22, 1–3; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Изд-во Шлях, 2005. С. 91, рис. 35, 4–5, 8, с. 93, рис. 37, 5, 11, с. 117, рис. 44, 2, 10, 15 с. 149, рис. 52, 2, с. 140, рис. 73, 43, с. 157, рис. 60, 5, 7, с. 196, рис. 99, 2–3, с. 210, рис. 113, 2; Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 127, рис. 58, 7–8; с. 177, рис. 84, 4; с. 211, рис. 102, 26, 28.
- [15] Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 217, рис. 106, 47.
- [16] Туаллагов А.А. Северный Кавказ. От скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007. С. 36–37.

REFERENCES

- [1] Gomer. *Odyssey*. Pervod V.A. Zhukovskogo [Odyssey. Translated By V.A. Zhukovsky]. M., 1967. XI, 12–19.
- [2] Latyshev V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze* [Of the ancient writers about Scythia and Caucasus]. SPb., 1992. P. 66–67, 73–75, 77–81.
- [3] Grakov B.N. *Skify* [Scythians]. M., 1971. P. 159; Smirnov K.F. *Savromaty* [Sauromats]. M., 1994. P. 294, F. 2, 3 a.
- [4] Kozenkova V.I. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury)*. [Cultural-historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and early iron age (Central problems of the origin and development of the Koban culture).] M., 1996.
- [5] Dudarev S.L. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuyu epokhu*. [The relationship of the tribes of the North Caucasus nomads of South-Eastern Europe in the pre-Scythian epoch]. Armavir, AGPI, 1999. P. 170.
- [6] Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy i skify* [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 127, F. 58, 7–8; P. 177, F. 84, 4; s. 211, F. 102, 26, 28; Makhortyk S.V. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya* [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 51, F. 19; P. 85, S. 29, 15–17.
- [7] Kozenkova V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant* // SAI / Red B.A. Rybakov. V. 5 [The material basis of life kobans tribes. Western Variant]. M., IA RAN, 1998. P. 100.

- [8] Grakov B.N. Rannii zheleznyi vek (kul'tury Zapadnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy). [Early iron age (culture of the Western and South-Eastern Europe)]. M., 1977. P. 180, F. 128, 4–5; P. 191, F. 137, 5; Melyukova A.I. Skifiya i Frakiiskii mir [Scythia and the Thracian world]. M., 1979. S. 50, F. 13, 9, 11; s. 54, F. 16, 14; P. 66, F. 22, 2; Makhortykh S.V. Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 114, F. 41, 3; P. 115, F. 42, 1, 6.
- [9] Vinogradov V.B., Dudarev S.L. Mogil'niki pozdnego bronzovogo veka u sela Mairtup v Chechne [Burial grounds the late bronze age near the village of Mayrtup in Chechnya]. Armavir, 2003. P. 19, F. 25.
- [10] Kubyshev A.I., Chernyakov I.T. Gruntovyi mogil'nik belozerskoi kul'tury u sel. Chernyanka (Khersonskoi oblasti) [Subterranean burial Belozerskaya culture in the villages Chornianka (Kherson region)]. M., 1986. № 3. P. 152–155; Kozenkova V.I. Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchii mir: (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsii v mestnoi srede) [Koban culture and the environment (relations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. M., 2013. P. 37.
- [11] Aptekarev, A.Z., Kozenkova, V.I. Klad iz Upornoi i novye dannye o kontaktakh kul'tur Severnogo Kavkaza i Tsentral'noi Evropy v kontse II tys. do n. [A hoard of Upornai and new data on the contacts of the cultures of the Northern Caucasus and Central Europe at the end of the second Millennium BC]. M., 2008. V. VIII. P. 121–136; Kozenkova V.I. Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury) [Cultural-historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and early iron age (Central problems of the origin and development of the Koban culture)]. M., 1996. P. 121, F. 45, 1–3, 5).
- [12] Chshiev V.[Kh.]T. Pamyatniki kobanskoi kul'tury Severnoi Osetii // Arkheologiya Severnoi Osetii) [The monuments of the Koban culture in North Ossetia // the Archeology of North Ossetia]. Vladikavkaz, 2007. V. 1. P. 283–285.
- [13] Grakov B.N. Rannii zheleznyi vek (kul'tury Zapadnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy) [Early iron age (culture of the Western and South-Eastern Europe)]. M., 1977. P. 125, 157; Smirnov, K.F. Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii. [Sarmatians and establishing their political domination in Scythia] M., 1984. P. 352, F. 60, 1–2, 4–6, 12, 14.
- [14] Melyukova A.I. Skifiya i frakiiskii mir [Scythia and the Thracian world]. M., 1979. P. 63, F. 20; P. 57, F. 17, 1–5, 7; P. 67, F. 22, 1–3; Makhortykh S.V. Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 91, F. 35, 4–5, 8, P. 93, F. 37, 5, 11, P. 117, F. 44, 2, 10, 15 P. 149, F. 52, 2, P. 140, F. 73, 43, s. 157, F. 60, 5, 7, P. 196, F. 99, 2-3, P. 210, F. 113, 2; Ivanchik A.I. Kimmeriitsy i skify [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 127, F. 58, 7–8; P. 177, F. 84, 4; P. 211, F. 102, 26, 28.
- [15] Ivanchik A.I. Kimmeriitsy i skify [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 217, F. 106, 47.
- [16] Tuallagov A.A. Severnyi Kavkaz. Ot skifov do rannikh alan (istoriko-arkheologicheskie ocherki). [North Caucasus. From the Scythians to the early Alan (historical and archaeological essays)]. Vladikavkaz, 2007. P. 36–37.

**NEW FINDINGS OF MONUMENTS
IN PIEDMONT PLAIN OF NORTH OSSETIA
AS MARKERS OF THE CONTACTS
OF THE INDIGENOUS POPULATION AND THE TRIBES
OF THE CIMMERIAN-SCYTHIAN CULTURAL CIRCLE**

V.T. Chshiyev

Institute of History and Archaeology RNO-Alania
Vatutina St., 46, Vladikavkaz, Russia, 362025

The article deals with the contacts of the Caucasian tribes, the bearers of the Koban archaeological culture and population of the Northern part of Black sea and Transcaucasia in the early Iron age, reflected in the number of elements of material culture.

On the basis of materials Koban culture monuments of the Piedmont part of North Ossetia, mostly derived from burials excavated and studied by the author (rein, massive plates, oval clasps of the steppe type vulgatae arrowheads, the ornamentation of the bronze plaques, four-armed "Cimmerian" star, ceramic Cup, etc.), there are some connections between the ancient autochthonous of the region and the tribes of the Cimmerian-Scythian cultural circle, as well as the population of the Dnieper.

Such material categories of the ancient Koban culture as sets of bronze horse bridle, a local type (two rings bit with various cast bit is found, the bit is provided with one ring prominent bit is found), bronze forged sitoli and mugs decorated with zoomorphic handles, ceramic vessels (some types of pots and mugs), at an early stage of this interaction in sufficiently large quantities to penetrate into the Scythian-Cimmerian environment. Probably, this explains the similar shape, and in some cases, the full analogy of the koban tipe ceramics from villiges Zmeyskaya, Sredniy Uruh, Komsomolskoye, settlements, Elhotovo, Nikolaevskaya, Zhamankul, Komarovo, Mozdok cemeteries found in Scythian burial monuments of the right Bank of the Dnieper and bug, Bielski settlement, Cimmerian and coild graves.

Afterwards, in the second stage began the reverse process. The tribes of Koban culture starting to make and use weapons and bridle of the steppe the Scythian style type.

Key words: history of the North Caucasus of the VIII-VI centuries BC, Koban archaeological culture, contacts of the North Caucasian tribes with steppe settlement in the early Iron Age

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991–2010 ГГ.¹

А.С. Ходунов

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125047

Статья посвящена развитию российско-турецких отношений в 1990-е и 2000-е гг. в экономической, политической, военно-технической и культурной сферах. Особое внимание уделяется экономике, прежде всего нефтегазовому сектору, который стал основным двигателем двухсторонних отношений. Отмечается, что 1990-е гг. стали временем расцвета двухсторонней торговли. Рассматриваются основные договоры и декларации, заключенные между Россией и Турцией. Показано, что в 2000-е гг. отношения развивались гораздо успешнее, чем в 1990-е гг. Обозначены основные причины роста российско-турецких взаимосвязей.

Ключевые слова: Россия, Турция, экономика, нефтегазовая сфера, газопровод, договор, декларация

Рассматриваемое двадцатилетие в российско-турецких отношениях четко делится на две части: менее успешное развитие отношений в 1990-е гг. и гораздо более успешное – в 2000-е гг. Поэтому эти два периода российско-турецких связей будут рассмотрены каждый отдельно.

Говоря о связях России и Турции в 1990-х гг., следует отметить, что после распада СССР происходит активизация отношений независимой России с Турцией, экономически наиболее мощной страной Ближнего Востока. Однако в разных сферах отношения развивались неравномерно: в то время как экономические связи протекали между двумя странами очень интенсивно, что выражалось в значительном росте товарооборота, в политической сфере существовали серьезные противоречия. Например, стороны имели противопо-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

положные позиции по конфликтам в Нагорном Карабахе и Абхазии, что затормозило развитие отношений. Определенные противоречия в интересах двух стран создали попытки Турции усилить свое влияние в Центральной Азии и Закавказье, региона, входившего в состав СССР, на который Россия смотрела с позиции лидера, а Турция, пользуясь идеей о родстве тюркских народов, также хотела стать ведущим партнером для новых независимых тюркоязычных государств. Турция очень интенсивно приникала в регион, развивая сотрудничество во всех важнейших сферах: политической, экономической, культурной, образовательной. Эта страна заключила множество соглашений о сотрудничестве с государствами Центральной Азии [5].

Надо сказать, что идеи пантюркизма – максимального сближения братских тюркских народов вплоть до их политического объединения, а также неосманизма – восстановления турецкого влияния на территории бывшей Османской империи, в 1990-е гг. были очень популярны не только среди рядового населения Турции, но и среди турецких политиков, причем иногда очень высокого ранга. Это приводило к резкой активизации политики Турции в Центральной Азии, на Кавказе и Балканах, причем Турция, как правило, выступала с противоположных России позиций. Так, на Балканах она оказала поддержку Боснии и Албании, а Россия традиционно поддерживала сербов. В то же время Россия в силу погруженности во внутренние проблемы стремительно теряла в этих регионах свое влияние. Особенно активно Турция действовала в Центральной Азии. С 1993 г. в крупных городах Турции при поддержке власти стали проводиться курултаи тюркских народов, причем многие делегаты выступали с крайне антироссийских позиций вплоть до предложений выделения из состава России тюркоязычных мусульманских регионов, в связи с чем МИД России выразил озабоченность. Министр Турции по связям с тюркоязычными республиками А. Чей, по всей видимости, выражая точку зрения правительства Турции, даже заявил, что Турция должна начать создавать государственное объединение с тюркскими государствами бывшего СССР, а также Украиной, и ради этой цели может пойти и на резкое ухудшение отношений с Россией, что вызвало недовольство МИДа России [4. С. 329–331].

Однако ни политические разногласия, ни соперничество за влияние в данном регионе не привели к серьезному охлаждению отношений между Россией и Турцией. Наоборот, к концу 1990-х гг. они вышли на качественно новый уровень, прежде всего в области торговли и поставок нефти и газа из России в Турцию, а также поставок военной техники из России, включая вертолеты, которая была нужна Турции для подавления террористической Рабочей партии Курдистана [5].

1990-е гг. стали временем расцвета двухсторонней торговли. Это было связано с глубоким кризисом российской экономики, приведшему к резкому росту потребности в товарах широкого потребления из-за рубежа. Соседняя Турция с ее развитой текстильной и пищевой промышленностью за 1990-е гг.

превратилась в одного из главных российских торговых партнеров. Только за 1993–1997 гг. турецкие поставки в Россию выросли в 4 раза, и это без учета не учтенной официально торговли, объемы которой также были весьма значительными. В Турцию за счет экспорта текстиля поступило до 100 млрд дол. из России за 1990-е гг. В турецком импорте из России, который также быстро рос, основную долю составило энергосырье, а доля России в турецком импорте газа поднялась до 60% к концу 1990-х гг. Министр иностранных дел Турции И. Джем назвал энергетику «движущей силой российско-турецких отношений». Это направление для Турции исключительно важно, т.к. она в XXI в. надеется стать евразийским энергетическим коридором, поставляя энергосырье через Балканы в Европу. Колоссальное развитие приобрело турецкое подрядное строительство в РФ, которое в 1990–1997 гг. составило 42% от строительных подрядов Турции за границей, а также туризм – Турцию в 1997 г. посетило более 1 млн российских туристов. Однако экономические связи двух сторон значительно снизились в самом конце 1990-х гг. из-за глубокого экономического кризиса, охватившего Россию и особенно Турцию [8. С. 82–87].

Столь успешное развитие российско-турецких экономических отношений было бы невозможно без создания прочной договорно-правовой базы, которое началось с начала 1990-х гг.

14 мая 1992 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Турции было подписано соглашение о создании Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Страны договорились об учреждении данной комиссии, состоящей из российской и турецкой частей, которая должна изучать состояние торгово-экономических отношений между двумя странами и возможности их развития, помогать организациям, фирмам и бизнесменам России и Турции для расширения торгово-экономического сотрудничества, предоставлять свои предложения по развитию этой сферы на утверждение стран. Заседания комиссии стороны договорились проводить раз в год и чаще, вначале на уровне делегаций экспертов и специалистов, а затем – председателей ее частей [26].

25 мая 1992 г. был подписан Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. Стороны подтвердили намерение поддерживать и укреплять добрососедские отношения, сложившиеся исторически, а также содействовать стабильности в регионе.

Россия и Турция договорились об активном развитии отношений во всех сферах на равноправных основах, уважая суверенитет и территориальную целостность сторон, а также об отсутствии оказания помощи потенциальному агрессору одной из сторон. Все двухсторонние разногласия должны решаться только мирным путем. Было решено проводить каждый год политические консультации, в том числе – на высшем уровне, а также регулярно проводить совместные встречи военного руководства. Россия и Турция договори-

лись и о развитии широкомасштабного сотрудничества в торговле, экономике, науке и технике, культуре, экологии, а для реализации потенциала сотрудничества и обмена информацией и опытом было решено создавать в будущем благоприятные условия [3].

9 сентября 1993 г. было подписано Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Стороны договорились об устранении двойного налогообложения на доходы резидентов-физических и юридических лиц граждан обоих государств, об обмене информацией о сборе налогов и помощи в их сборе для развития экономического сотрудничества [38].

20 апреля 1994 г. было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности. Стороны договорились о военно-техническом сотрудничестве по ряду важных направлений [37]. Тот факт, что Турция подписала этот договор, будучи членом НАТО, несмотря на в целом антироссийскую позицию этого блока, говорит об очень большой заинтересованности Турции в развитии отношений с Россией, т.к. она не считалась с мнением основных членов НАТО.

19 июля 1994 г. было подписано Соглашение о культурном и научном сотрудничестве. Россия и Турция решили способствовать развитию отношений в области культуры двух стран на основе взаимного уважения и отсутствия вмешательства в дела, которые являются внутренними. «В целях взаимного ознакомления с достижениями культуры Стороны будут поощрять связи и творческое сотрудничество на коммерческой и некоммерческой основе в различных областях культуры, искусства, образования, информации, осуществляемые путем:

а) обмена артистами, писателями, работниками печати и средств массовой информации, композиторами, художниками и другими лицами, занятыми творческой деятельностью в области культуры;

б) взаимодействия между ассоциациями деятелей искусств, творческими союзами и учреждениями культуры;

в) проведения фестивалей, выставок, концертов и театральных представлений;

г) чтения лекций, организации творческих встреч, семинаров и конференций;

д) обмена печатными изданиями и другими публикациями, теле- и радиопрограммами, выступлениями деятелей культуры одной из Сторон в средствах массовой информации другой Стороны;

е) взаимной деятельности по подготовке кадров путем обмена деятелями культуры и специалистами;

ж) сотрудничества в области оперы и балета, организации совместных выступлений и обмена гастролями». Стороны также договорились о содействии сотрудничеству в таких областях, как фольклор, археология, библио-

течное дело, история искусств, реставрация культурных памятников, музейное дело, а также производить обмен специалистов. Было решено способствовать организации прямого сотрудничества культурных организаций двух стран, контактов между их музеями с целью обмена выставками, а также сотрудничества в области кинематографии. Стороны договорились и об обмене учеными, студентами, аспирантами, создании благоприятных условий для изучения языков и литературы двух государств [22].

24.03.1995 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области туризма. Стороны решили развивать сотрудничество в сфере туризма, основываясь на равноправии, взаимной выгоде и согласно своему законодательству. Было решено действовать в направлении упрощения формальностей в ходе обмена туристами, помогать взаимодействовать государственным туристическим администрациям и частным предприятиям двух стран, работающим в сфере туризма. Стороны выразили желание развивать индивидуальный и групповой туризм. Было принято решение об обмене статистикой туризма, информацией о законодательных актах, регулирующих данную сферу, информацией о рекреационных ресурсах, об опыте в области управления гостиницами и учреждениями для обслуживания туристов, обмене специалистами по туризму, поощрению совместных проектов в сфере туризма. Следить за выполнением данного соглашения и принимать решения по дальнейшему развитию отношений в области туризма в соответствии с договором должно быть поручено Смешанной комиссии, заседания которой должны были проходить каждые два года поочередно в РФ и Турции [32].

16 сентября 1997 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах [36].

15 декабря 1997 г. стало исключительно важной датой в деле российско-турецких отношений. В этот день было подписано сразу семь соглашений, договоров и протоколов.

1. Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. В нем стороны договорились об устранении двойного налогообложения на доходы резидентов – физических и юридических лиц граждан обоих государств, об обмене информацией о сборе налогов и помощи в их сборе для развития экономического сотрудничества [39].

2. Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений. В нем стороны выразили желание создать хорошие условия для инвестиций с целью укрепления торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Капиталовложениям инвесторов решено было предоставить полную безопасность, защиту, равноправный и справедливый режим, обеспечить ликвидацию дискриминации и строго соблюдать свои обязательства по отношению к другой стороне, в частности, обязательство сделать законы, регулирующие капиталовложения, доступными и открытыми для инвесторов. Стороны договорились об условиях экспроприации, о порядке возмещения ущерба, перевода платежей, разрешения споров [23].

3. Соглашение о сотрудничестве в области энергетики. Стороны с целью расширения и укрепления экономического сотрудничества «договорились поддерживать и поощрять сотрудничество между организациями обеих стран наряду с другими в следующих областях:

- строительство электростанций, объектов газовой и газохимической промышленности;
- строительство и расширение газопроводов и подземных хранилищ газа;
- строительство и модернизация нефтеперерабатывающих заводов;
- поставки электроэнергии и угля;
- модернизация объектов угольной промышленности;
- строительство гидроэлектростанций;
- разведка, добыча, переработка нефти и газа».

Стороны порекомендовали участие организаций из России (Газпром) в строительстве в Турции электростанций на природном газе. Было принято решение использовать российские и турецкие трубопроводы для транспортировки нефти, которую добывают организации по добыче нефти двух стран. Контролировать реализацию Соглашения было поручено Межправительственной российско-турецкой комиссией по торгово-экономическому сотрудничеству [33].

4. Соглашение о поставках российского природного газа в Турецкую республику через акваторию Черного моря. Были определены объемы природного газа, которые Россия обязалась поставить, а Турция – закупить: они должны были вырасти с 0,5 млрд куб м. в 2000 г. до 16 в 2007–2025 гг. Стороны договорились также построить газопровод: Россия – на своей территории и по Черному морю, Турция – на сухопутной части территории. В России и Турции ведущей фирмой, осуществляющей строительство, должен стать Газпром (в Турции – совместно с местными компаниями) [24]. При этом в турецких властных кругах в конце 1990-х гг. велись споры по поводу данного соглашения: Партия националистического действия заявила, что М. Ыылмазу, вождю Партии Отечества, следовало бы заключить соглашение не с Россией, а с братским Туркменистаном, также обладающим большими запасами газа [8. С. 85].

5. Протокол о сотрудничестве в создании энергетического объекта на природном газе. Этим объектом должна стать электростанция в г. Денизли, пустить ее в эксплуатацию было запланировано в 2004 г., а строить ее должна будет инвестиционная группа с участием Газпрома [15].

6. Договор о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам. Общие положения договора выглядят следующим образом:

«Статья 1.

1. Граждане одной Договаривающейся Стороны пользуются на территории другой Договаривающейся Стороны такой же правовой и судебной защитой своих личных

и имущественных прав и интересов, как и граждане этой Договаривающейся Стороны.

2. Граждане одной Договаривающейся Стороны имеют на территории другой Договаривающейся Стороны право беспрепятственно обращаться в суды и другие учреждения юстиции, к компетенции которых относятся гражданские, торговые и уголовные дела, для использования и защиты своих прав и интересов на тех же условиях и при соблюдении тех же формальностей, как и граждане этой Договаривающейся Стороны.

3. Положения настоящего Договора распространяются на юридические лица, имеющие местонахождение на территории одной из Договаривающихся Сторон и учрежденные в соответствии с законодательством этой Договаривающейся Стороны, насколько эти положения могут быть к ним применены.

Статья 2.

Для целей применения настоящего Договора Центральными Органами со стороны Российской Федерации являются Министерство юстиции Российской Федерации и Генеральная прокуратура Российской Федерации, со стороны Турецкой Республики – Министерство юстиции Турецкой Республики. Учреждения юстиции Договаривающихся Сторон направляют друг другу запросы о правовой помощи через Центральные Органы. Центральные Органы сносятся друг с другом непосредственно.

Статья 3.

Министерства юстиции Договаривающихся Сторон предоставляют друг другу по запросу информацию о действующем или действовавшем на их территориях законодательстве и судебной практике по правовым вопросам, являющимся предметом настоящего Договора».

Также был определен порядок оказания правовой помощи в гражданских и торговых делах, порядок предоставления сторонам необходимых документов, условия и порядок освобождения от залога *judicatum solvi* и судебных расходов. Были приняты решения по различным вопросам в области уголовного права и наказания преступников [2].

7. Протокол о налогообложении строительных компаний. Было принято решение, что соответствующие органы России и Турции к концу 1998 г. отменят, вернут или компенсируют турецкие и российские налоги, которые выплатили строительные компании двух государств и их работниками, на прибыль и доходы с 01.01.1991 по 31.12.1996 г., но только если эти компании осуществляли строительство на конкретном объекте не более 36 месяцев [12].

5 ноября 1999 г. было подписано Соглашение о безвизовых поездках по дипломатическим паспортам. Согласно ему граждане сторон, имеющие дипломатический паспорт, могут въезжать, выезжать и пребывать в России и Турции 90 дней без виз, при этом они должны соблюдать законы страны пребывания [19].

5 ноября 1999 г. также было подписано Соглашение о сотрудничестве в области ветеринарии. Целью был поставлен контроль и предупреждение инфекционных заболеваний животных. Стороны обязались дать задание своим компетентным органам разработать и подписать соглашение, касающееся са-

нитарных норм при транспортировке из одной страны в другую животных, продуктов животного происхождения, биоматериалов и кормов для них. Россия и Турция договорились ежемесячно обмениваться бюллетенями, содержащими данные по инфекционным болезням своих животных и сразу же ставить друг друга в известность при появлении опасных инфекционных заболеваний [29].

27 ноября 1999 г. был подписан Протокол к соглашению о поставках российского природного газа в Турецкую республику через акваторию Черного моря от 15 декабря 1997 г. Был определен маршрут газопровода «Голубой поток» (от поселка Изобильное в России до города Самсун в Турции). Строить и эксплуатировать участок до пункта соединения с газовыми сетями Турции будет компания, учрежденная Газпромом, которой и будет принадлежать данный участок газопровода. Газпром же будет являться и главным поставщиком газа. Протокол регулировал также вопросы, касающиеся налогообложения будущей российской компании-строителя участка газопровода [11].

12 апреля 2000 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в охране морских пространств на Черном море. Две стороны определили сферу применения соглашения: экономическая зона двух государств на Черном море, а также выявили полномочные органы для реализации Соглашения: Федеральная пограничная служба Российской Федерации и Береговая охрана Турецкой Республики. Эти органы должны руководствоваться национальным законодательством и международными договорами, где участвуют договаривающиеся стороны. Россия и Турция «через свои полномочные органы будут осуществлять сотрудничество и оказывать друг другу помощь в охране своих морских пространств на Черном море по следующим направлениям:

борьба с незаконным оборотом и контрабандой наркотических средств, оружия, боеприпасов, взрывчатых и психотропных веществ;

борьба с нелегальной миграцией;

совместная выработка и реализация мероприятий, согласованных полномочными органами Сторон, направленных на предупреждение противоправных действий в морских пространствах;

борьба с терроризмом;

охрана морских биологических ресурсов и осуществление государственного контроля в этой сфере; предотвращение загрязнения морской среды веществами, опасными для жизни человека и морской среды;

оказание, в случае необходимости, в соответствии с нормами международного права помощи при преследовании по горячим следам судна, нарушившего законодательство Российской Федерации или Турецкой Республики;

подготовка специалистов полномочных органов Сторон; оказание помощи терпящим бедствие на море».

Также было решено проводить обмен информацией между полномочными органами, подготавливать и реализовывать совместные программы и учения, обмениваться опытом. В случае инцидентных ситуаций одна сторона

должна ставить в известность другую с целью принятия решения в духе сотрудничества. Чтобы координировать свое сотрудничество, стороны договорились ежегодно проводить встречи между главами своих полномочных органов [34].

Как можно увидеть, подавляющее большинство заключенных в 1990-х гг. договоров и соглашений относятся к сфере экономики, прежде всего торговле и энергетике. Именно эти направления сотрудничества активнее всего развивались в 1990-х гг., однако их потенциал остался не до конца реализованным. Данные соглашения послужили хорошей базой для развития двусторонних отношений и более глубокой реализации имеющегося потенциала сторон в 2000-х гг.

Теперь следует перейти ко второму периоду российско-турецких отношений. В 2001–2010 гг. отношения России и Турции резко активизировались во всех сферах: торгово-экономической, политической, военно-технической, культурной. Этому способствовало и то обстоятельство, что на внешнеполитической арене в зонах интересов России и Турции не существовало столь острых противоречий, как в 1990-е гг.

Главным направлением отношений осталась экономика. И в 1990-е гг. экономические отношения России и Турции развивались достаточно динамично, но, как будет показано ниже, в 2000-е гг. это развитие резко ускорилося и вывело экономическое сотрудничество на гораздо более высокий уровень. Огромному росту экономических связей в рассматриваемый период поспособствовало и очень быстрое экономическое развитие как России, так и Турции, особенно до кризисного 2009 г., что резко контрастировало с положением дел в 1990-х гг., когда экономика России находилась в глубоком упадке.

Нужно отметить ключевые моменты в развитии российско-турецких отношений за указанный период.

Если посмотреть на российско-турецкие политические контакты, то можно видеть, что они за 2000-е гг. развивались вполне динамично. Президент России В. Путин в декабре 2004 г. прибыл с визитом в Турцию, подписав несколько межправительственных соглашений и Совместную декларацию по укреплению дружбы и многопланового партнерства. В январе 2005 г. в Москву с рабочим визитом приехал премьер Турции Р. Эрдоган. Он повторно прибыл в Россию в августе 2008 г., встретившись с Президентом Д. Медведевым и премьером В. Путиным. Российский министр иностранных дел С. Лавров посещал Турцию в июле 2008 г. и сентябре того же года, а его турецкий коллега А. Давутоглу был в России в июле 2009 г. [6]. Развивались и связи между парламентами двух стран. 3–4 ноября 2008 г. в Турцию прибыла российская парламентская делегация, которая контактировала с турецкими чиновниками и провела конструктивные переговоры. В том же году делегации Группы дружбы турецкого парламента и Комиссии по международным делам посетили Москву и отметили, что с Россией у них позиции

близки или полностью совпадают; например, турецкие депутаты отрицательно относятся к агрессии Грузии в августе 2008 г. Подобная межпарламентская группа дружбы существует не только в Турции, но и в России [1].

12 мая 2010 г., когда Президент Д. Медведев находился в Анкаре, был основан Совет сотрудничества высшего уровня, что позволило говорить о стратегическом партнерстве между РФ и Турцией; тогда же имело место и его первое заседание. Совет состоит из следующих частей: комиссии по экономике, группы по стратегическому планированию под председательством министров иностранных дел и социального форума, ориентированного на культурно-религиозное сотрудничество [9. С. 38]. Таким образом, между Россией и Турцией в 2000-е гг. существовало политическое партнерство на высшем уровне.

Заметная активизация связей произошла в военной сфере и сфере безопасности. В июне 2007 г. командующий ВВС Турции Ф. Джомерт прибыл с визитом в Россию, а со стороны России Турцию посетили главнокомандующий ВМФ В. Высоцкий (июнь 2008 г.) и министр обороны А. Сердюков (ноябрь 2008 г.). Первый заместитель директора ФСБ В. Проничев посетил Турцию в январе 2009 г. [6].

Российские и турецкие военно-морские силы в Черном море наладили взаимодействие в целях обеспечения безопасности региона. Стороны едины в том, что в проблемы Черного моря не имеют права вмешиваться государства, чья территория не находится вблизи от него (речь шла главным образом о западных странах – лидерах НАТО). В январе 2009 г. прошли российско-турецкие военно-морские учения.

Российские военные предприятия начали поставлять в Турцию оружие, поскольку страна заинтересована в новых российских военных технологиях, которые не может предложить Запад. Все это говорит, что российско-турецкое политическое и военное сотрудничество приобрело реальные очертания и становится все более весомым фактором стабильности в регионе [16. С. 214–216].

Во внешнеполитической сфере между Россией и Турцией в 2000-е гг. не только не было серьезных противоречий, но во многих случаях одна сторона поддерживала позицию другой, даже несмотря на наличие некоторых разногласий. Потеплению отношений помог отказ России поддерживать Рабочую партию Курдистана, считающуюся в Турции террористической организацией.

Достаточно сложным моментом в двухсторонних отношениях оставалось Закавказье. Турция традиционно поддерживала единокрывный Азербайджан, а Россия – Армению, два непримиримых противника. Турция выступала и за вступление в НАТО Грузии, чего очень не хотела Россия. Однако в ходе грузинского конфликта Турция препятствовала доставке помощи США в Грузию, не давая пройти американской эскадре через проливы, а Р. Эрдоган объявил, что его страна солидарна с Россией. Турция также предприняла попытку взять на себя миротворческую роль на Кавказе, предложив в августе 2008 г. создание «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» с участи-

ем всех региональных государств. Турции и России даже удалось прийти к общей позиции в том плане, что вмешательство внерегиональных держав в дела на Кавказе недопустимо. Турция и Россия едины и по ядерной проблеме Ирана, будучи уверенны, что ее надо решать исключительно дипломатическими средствами. В то же время стремление Турции вступить в ЕС может создать серьезную конкуренцию многим проектам по интеграции, за которые выступает Россия [9. С. 39–40].

Российско-турецкие экономические связи в 2000-х гг. развивались на удивление быстро и приобрели несравнимо больший масштаб, чем в 1990-е гг., хотя уже тогда их объем был весьма значителен. Во второй половине 2000-х гг. Москва вышла на второе место (после Берлина) в турецкой внешней торговле. Товарооборот двух стран был равен 22,5 млрд дол. в 2007 г., в том числе российский экспорт – 18,3 млрд дол., 70% которого составили нефть и газ, а 21% – металлические изделия. Турция в 2007 г. закупила 23,3 млрд куб. м газа у России, выйдя на 3 место по этому показателю, а также 3 млн тонн нефти. Россия же завозила из Турции машины и оборудование (30,3%), текстиль (20%), продовольствие (15%), изделия химической промышленности (10%). В 2008 г. торговый оборот вырос до 33,8 млрд дол. (в полтора раза). В том же году со стороны Газпрома было обеспечено 63% газа, в котором нуждалась Турция, или 24 млрд куб. м, в том числе 42% – с использованием газопровода «Голубой поток».

На экономические отношения серьезно повлиял мировой кризис, и товарооборот упал до 19,6 млрд дол. в 2009 г., но затем стал быстро восстанавливаться, – до 25,3 млрд в 2010 г.

Ключевое место в экономическом сотрудничестве двух стран занимает энергетика, а в ней – газопровод «Голубой поток», представляющий для Турции стратегическую важность. Этот газопровод длиной в 1,2 тыс. км построен с использованием уникальных технологий. Он строился с 1997 г. и был открыт в ноябре 2005 г. в крупном турецком городе Самсун. После его строительства зависимость Турции от российского газа резко возросла, что может способствовать долгосрочному развитию двухсторонних отношений. Газпром – российский поставщик газа – безукоризненно выполняет свои обязательства, и поэтому пользуется уважением турецкой стороны [7. С. 100–101].

Можно перечислить и некоторые крупные совместные экономические проекты и сделки 2000-х гг. В 2005 г. состоялась покупка российской «Альфа-груп» 49% акций турецкого предприятия Cukurova Telecom Holding, владеющего самым большим оператором мобильной связи в Турции Turkcell. В 2009 г. филиал нефтяной компании Лукойл в Турции (Lukoil Eurasia Petrol A.S.) купил сеть автозаправочных станций турецкой фирмы Akret, на которую приходилось 5% розничного рынка нефтепродуктов страны. Российское предприятие ОАО «Атомэнергопроект» в 2010 г. начала строительство турецкой атомной электростанции Аккую, первый из четырех энергоблоков которой должен вступить в строй в 2020 г. По оценкам, проект потребует 22 млрд дол.

вложений [44]. Таким образом, речь идет об очень крупных экономически значимых проектах, что говорит о весьма высоком уровне, которого достигли экономические связи.

Однако это не значит, что в экономических отношениях не было трудностей. Они существовали, хотя и не являлись непреодолимым препятствием для развития связей. Например, Россия ужесточила правила ввоза турецких продовольственных товаров, а в 2008 г. даже наложила запрет на некоторые из них. Но эти меры не носили политического характера и были примерены ко многим другим государствам помимо Турции. Тем более что в сентябре 2008 г. министры иностранных дел России и Турции С. Лавров и А. Бабаджан обратили внимание на эту проблему и заявили, что постараются в срочном порядке ее устранить [16. С. 217–218].

Очень интенсивно в 2000-е гг. рос туризм, прежде всего из России в Турцию. В 2010 г. Турцию посетили около 3 млн российских туристов, которые оставили там более 3 млрд дол. Для дальнейшего стимулирования туризма в мае 2010 г. стороны подписали Соглашение об отмене визового режима, что привело к росту числа турецких фирм, инвестирующих в Россию [9. С. 43].

Существенное развитие получили российско-турецкие культурные связи, включая их религиозный аспект. Развитие этого направления сотрудничества чрезвычайно важно, поскольку способно победить устоявшиеся у населения негативные стереотипы друг о друге и сформировать у него стремление к тесному сотрудничеству на благо двух государств, что, в свою очередь, будет способствовать созданию благоприятного климата для дальнейшей активизации отношений в других сферах. Что касается наиболее значимых событий, следует сказать, что в 2007 г. был организован Год культуры РФ в Турции, а в 2008 г. – Год культуры Турции в РФ (в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и иных крупнейших городах [16. С. 218]).

Резко активизировалось и сотрудничество российских и турецких религиозных деятелей. В ноябре 2008 г. на международный форум «Развитие исламского теологического и религиозного образования в России и за рубежом» прибыл начальник Управления по делам религии Турции А. Бардакоглу, который в рамках форума встретился и провел переговоры с председателем Совета муфтиев России Р. Гайнутдином, и стороны подписали Протокол о сотрудничестве в области религии, в том числе издания религиозной литературы, организации паломничества, подготовки священников. Бардакоглу отозвался о России как об образце межрелигиозной толерантности, взаимоуважения и отсутствия конфликтов различных вероисповеданий. Также он встретился с представителем Московской патриархии митрополитом Кириллом. На встрече была достигнута договоренность о сотрудничестве в области издания книг; Турция также обещала помочь паломникам-христианам из России с организацией маршрутов [1].

Кульминацией очень успешного развития двухсторонних отношений стал визит Президента Турции А. Гюля в Россию 12–15 февраля 2009 г., который впервые назван «государственным». В турецкую делегацию входили в том числе министр энергетики и природных ресурсов Х. Гюлер, министр торговли К. Тюзмен, а также турецкая бизнес-элита, что свидетельствовало о перво-степенной важности для Турции именно экономических вопросов. В ходе переговоров были обсуждены возможности дальнейшего продвижения сотрудничества, включая сферу транспортировки газа, которая, по словам турецкого Президента, стала самым главным аспектом двухстороннего сотрудничества.

Прежде всего Турция была заинтересована в перевозке газа через свою территорию на новое для нее ближневосточное направление. В этой связи сторонам удалось составить проект газопровода «Голубой поток – 2».

Также состоялся визит А. Гюля в Татарстан и его встреча с Президентом республики М. Шаймиевым, что турецкие политологи прокомментировали как стремление к расширению экономических связей с этим экономически высокоразвитым регионом. Российские же политологи говорят, что столь масштабная активизация сотрудничества именно с тюркоязычным регионом вызывает некоторые вопросы.

Итогом визита стало подписание Совместной декларации об углублении в двухсторонних отношениях многопланового партнерства. Президент России Д. Медведев заявил, что Декларация представляет собой «новый шаг в развитии не только политических и торгово-экономических связей, но и гуманитарного сотрудничества», а А. Гюль подчеркнул, что документ является очень конкретным и охватил почти все области взаимодействия двух сторон. Ведущие турецкие эксперты и журналисты очень высоко оценили данный документ, заявляя, что началась новая эра в отношениях Турции и России [16. С. 209; 221].

Активизация взаимовыгодного сотрудничества в самых разных областях потребовала совершенствования уже имевшейся договорно-правовой базы и подписания целого ряда новых договоров.

16.11.2001 г. министрами иностранных дел России и Турции был подписан План действий по развитию сотрудничества между Россией и Турцией в Евразии (От двустороннего сотрудничества – к многоплановому партнерству). В документе был сделан акцент на том, что фундаментальные изменения в мире открыли новую стадию в российско-турецких отношениях. Появилась возможность развивать все сферы сотрудничества в атмосфере дружбы и с учетом взаимных интересов. Подчеркивалось, что диалог и сотрудничество в Евразии способно принести мирные и долгосрочные решения политических конфликтов на ее территории. В рамках плана была достигнута договоренность по созданию Совместной рабочей группы высокого уровня для регулярных консультаций с целью улучшения отношений двух стран и распространения их сотрудничества на целый регион Евразии [45].

14.01.2002 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в военной области и подготовке военных кадров. Стороны договорились о военном сотрудничестве, в том числе в изучении военных дисциплин, обучении и подготовке военных кадров, в обмене опытом в сфере военного дела, в области военной медицины. Для этого будут составляться ежегодные планы. Было решено реализовывать сотрудничество в виде официальных визитов глав военных ведомств; организации различных мероприятий; консультаций по вопросам военной сферы; организации совместных семинаров и конференций [27].

25.02.2004 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в морском поиске и спасении на Черном море. В договоре была осуществлена делимитация поисково-спасательных районов двух стран. Было подчеркнуто, что соответствующие службы России и Турции должны своевременно обмениваться нужной информацией, касающейся поисково-спасательных служб. Были прописаны условия взаимодействия морских спасательно-координационных центров, о необходимости ежегодных встреч уполномоченных в поисково-спасательной сфере [28].

06.12.2004 г. было подписано Соглашение о взаимной защите секретных информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности. Соглашение предусматривает, что стороны обязуются защищать секретные материалы и информацию и сохранять степень их секретности; также были определены каналы по их запросам и получению: МИД, военные атташе и посольства двух стран; данные материалы было запрещено передавать третьей стороне или лицам, не имеющим к ним отношения. Были сопоставлены и грифы секретности каждой стороны [20].

06.12.2004 г. было также подписано Соглашение о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод. Стороны выразили приверженность соблюдению Международных правил предупреждения столкновений судов в море 1972 г., а также конкретно описали, как кораблям двух стран избегать столкновений, и определили радиочастоты для обмена информацией между кораблями; договорились о своевременном сообщении друг другу о столкновениях и инцидентах [25].

06.12.2004 г. Президенты России и Турции подписали Совместную декларацию об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. В ней, в частности, отмечалось: «Российская Федерация и Турецкая Республика, две дружественные соседние страны, с удовлетворением отмечают дальнейшее развитие и углубление политических, экономических и социальных основ двусторонних отношений и укрепление в них атмосферы взаимного доверия и солидарности. Руководствуясь единым конструктивным подходом в отношении максимального использования имеющихся потенциала и возможностей диверсифика-

ции и углубления отношений между ними, Стороны подчеркивают важность для достижения этой цели активизации контактов и обменов визитами на всех уровнях, включая глав государств, глав правительств, председателей парламентов и министров, регулярного и наиболее эффективного взаимодействия и дальнейшего совершенствования имеющихся механизмов консультаций по политическим, экономическим, культурным и другим вопросам, укрепления контактов и сотрудничества в рамках Организации Объединенных Наций и других многосторонних форумов. Российская Федерация и Турецкая Республика как обладающие в силу расположения одновременно в Европе и Азии уникальным геополитическим положением – две евразийские страны, играющие роль естественного моста между ведущими центрами мировой цивилизации – Западом и Востоком и объединенные приверженностью таким основополагающим принципам и ценностям, как демократия и верховенство права, заявляют, что продолжат свои усилия по укреплению безопасности, мира, стабильности и процветания в регионе, где они расположены, и в мире в целом... Российская Федерация и Турецкая Республика с удовлетворением отмечают сходство или близость своих принципиальных подходов ко многим международным и региональным проблемам. Будучи убежденными в том, что основу мирового порядка в XXI веке должны составлять механизмы, основанные на верховенстве положений Устава ООН и других норм международного права, коллективных и многосторонних началах при решении ключевых проблем международных отношений, Российская Федерация и Турецкая Республика подчеркивают необходимость активизации на двусторонней основе и в рамках ООН и других многосторонних форумов сотрудничества и консультаций в целях внесения совместного вклада в укрепление международного мира и безопасности, предотвращение и урегулирование региональных конфликтов, повышение эффективности Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и других главных органов ООН, их адаптацию к новым мировым реалиям».

Стороны также обязались бороться с терроризмом, оружием массового поражения, организованной преступностью. В декларации было отмечено, что Россия и Турция удовлетворены текущим уровнем торгово-экономических отношений, но подчеркивают необходимость дальнейшей работы по активизации этих отношений, с особым вниманием к поощрению частного бизнеса. Было озвучено намерение активно развивать отношения также в сфере туризма и военно-технической сфере. Также стороны подчеркнули намерение развивать межпарламентские связи, контакты в сфере культуры и образования. Стороны согласились, что необходимо более активно использовать потенциал Каспийско-Черноморского региона. Было подчеркнуто, что «Российская Федерация и Турецкая Республика заявляют о решимости вывести существующие между ними отношения дружбы и сотрудничества на уровень продвинутого

многопланового партнерства, опирающегося на прочный фундамент взаимного доверия и уважения, на благо народов двух стран» [18].

13.02.2009 г. Президенты России и Турции подписали Совместную декларацию о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства. Там, в частности, отмечалось следующее: «Российская Федерация и Турецкая Республика, две дружественные соседние страны, с удовлетворением отмечают значительный прогресс в двусторонних отношениях и сотрудничестве в направлении продвинутого многопланового партнерства в подтверждение целей, зафиксированных в Совместной декларации от 6 декабря 2004 года. Стороны выражают удовлетворение активизацией контактов и визитов между двумя странами, прежде всего на уровне глав государств, правительств и министров, проведением регулярных консультаций по двусторонним, региональным и международным вопросам между министерствами иностранных дел, а также насыщенностью контактов и консультаций по линии других государственных структур, и подчеркивают важность дальнейшего наращивания такой динамики».

Кроме того, стороны выразили намерение активировать контакты в сфере межпарламентских связей и перевести их на регулярную основу. Была отмечена близость подходов политики России и Турции в отношении целого ряда важных проблем на региональном и международном уровне. Две страны выразили желание способствовать укреплению безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Стороны подчеркнули важность совместной борьбы с организованной преступностью и терроризмом, сохранения стабильности в Южном Кавказе, а также важность развития контактов в сфере экономики, туризма, культуры, образования, развитие транзитного потенциала Черноморского региона. В конце декларации было подчеркнуто: «Российская Федерация и Турецкая Республика подчеркивают свою глубокую убежденность в том, что за счет выполнения положений настоящей Совместной декларации существующие между двумя странами отношения и сотрудничество достигнут уровня, определяющего новый этап многопланового партнерства Российской Федерации и Турецкой Республики» [17].

06.08.2009 г. было подписано сразу 5 соглашений и протоколов. В том числе:

– Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. Россия и Турция договорились, что будут развивать техническое, научное, а также экономическое сотрудничество по использованию данного вида энергии, в том числе осуществлять научные разработки и исследования, термоядерный синтез, строительство исследовательских и энергетических реакторов, предоставление ядерных материалов и т.д. путем реализации совместных проектов, обмена экспертами и информацией, консультаций, организации форумов. Были определены и структуры, ответственные за реализацию соглашения: со стороны России – «Росатом» и Министер-

ство природных ресурсов и экологии; со стороны Турции – Турецкое агентство по атомной энергии. Они же назначают совместный координационный комитет для согласования сотрудничества [30];

– Соглашение об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках. Стороны договорились об определении списка ядерных установок, подпадающих под соглашение; об оповещении о ядерных авариях на них, потенциально угрожающих радиационной безопасности; об обмене информацией раз в год для оценки возможного негативного влияния данных установок на безопасность, которая не должна быть передана третьим странам. Были определены и органы, ответственные за исполнение соглашения: Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» и Турецкое агентство по атомной энергии [40];

– Меморандум между Федеральной таможенной службой (ФТС России) и Таможенным департаментом Турецкой Республики по таможенным процедурам. Он был заключен с целью дальнейшего развития совместной торговли. Для этого стороны договорились, что будут улучшать взаимодействие по предотвращению таможенных правонарушений; сведут к минимуму те формы таможенного контроля, которые продлевают время поставок; определили пути применения упрощенного таможенного коридора (УТК), договорившись о том, что он должен быть недискриминационным и прозрачным и что стороны будут обмениваться информацией в рамках УТК [10];

– Протокол о сотрудничестве в нефтяной сфере. Согласно ему стороны обязались поощрять образование совместных компаний на базе своих нефтяных предприятий; поддерживать объем поставок российской нефти и нефтепродуктов на уровне, зафиксированном в договорах; интенсифицировать кооперацию по организации общих платежных систем [14];

– Протокол о сотрудничестве в газовой сфере. Стороны договорились, что в срок до 1.11.2010 г. создадут все условия, которые нужны для сооружения нового газопровода по акватории Черного моря, чтобы транспортировать природный газ из РФ в Турцию. Для этого Турция до 1.11.2009 г. должна предоставить компании «Газпром» разрешение для предварительных изысканий по строительству газопровода «Южный поток» в турецкой экономической зоне. Также была достигнута договоренность о поощрении совместного осуществления некоторых нефтегазовых проектов, в том числе изучение возможности сооружения новых и расширения имеющихся газопроводов, создания газовых хранилищ под землей и т. д. [13].

13.01.2010 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области карантина растений с целью улучшить защиту собственных территорий от попадания на нее вредных организмов при торговле материалами, над которыми осуществляется фитосанитарный контроль. Были определены и органы, ответственные за исполнение соглашения: Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному контролю в России и Генеральная дирекция защиты и контроля Министерства сельского хозяйства и по делам деревень

Турецкой Республики. Стороны договорились об обмене перечнями вредителей и сорняков, представляющих для них опасность, и обмене информацией в случае их появления и распространения, угрожающего безопасности друг друга. Все растения, подпадающие под карантин, при транспортировке из одной страны в другую должны сопровождаться фитосанитарным сертификатом [31].

12.05.2010 г. было подписано всего 5 соглашений между правительствами России и Турции, в том числе:

– Соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую» в Турецкой Республике. Стороны договорились, что будут сотрудничать в проектировании и строительстве АЭС, разработке и сооружении необходимой инфраструктуры, управлении осуществлением проекта, вводе АЭС в эксплуатацию, научной поддержке для обеспечения ее безопасности и других технических мероприятий, а также в обмене опытом и информацией по работе с атомными электростанциями. Были определены и компетентные органы: Росатом и МЭПР Турции. Российская сторона обязалась через 3 месяца начать создание Проектной компании – владельца АЭС, в соответствии с законами Турции, не менее 51% акций которой должно принадлежать российским компаниям. Были определены время и условия, когда компания должна будет начать передавать Турции 20% чистой прибыли. Также были оговорены условия по реализации проекта, выделение земли и доступ к земле, лицензирование и регулирование АЭС, финансирование проекта, обращение с отходами, налогообложение. Было заключено соглашение о покупке электроэнергии турецкой компанией ТЕТАШ у российской проектной компании, где в том числе указывались объем и цена электроэнергии, которую российская сторона должна будет купить [35];

– Соглашение по морскому транспорту. Оно было подписано с целью регулирования и укрепления отношений в данной сфере, развития морских перевозок и вообще торгово-экономических отношений. В портах, открытых для иностранных кораблей, стороны представляют судам друг друга такой же режим судоходства, как и своим, в том числе помощь в случае кораблекрушения. Был урегулирован вопрос о правовом статусе лиц, имеющих удостоверение личности моряка. Стороны договорились о поощрении сотрудничества в области обмена технологий по сооружению и ремонту судов, в сфере подготовки кадров по судоходству, а также организации совместных предприятий [43];

– Соглашение об организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Кавказ (Российская Федерация) и Самсун (Турецкая Республика). Для взаимной поддержки и сотрудничества в данной транспортной сфере были назначены компетентные органы: Министерство транспорта РФ и Министерство транспорта и коммуникаций Турции, которые должны информировать друг друга при появлении каких-либо

препятствий для осуществления коммуникаций. Эти органы должны будут создать Совет по эксплуатации железнодорожно-паромной переправы через порты Кавказа в г. Самсун. Были определены правила перевозок грузов, в том числе опасных, а также порядок взаимодействия железнодорожных и морских перевозчиков России и Турции [41];

– Соглашение об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Турецкой Республики. Оно было принято в целях упрощения порядка поездок. Главным пунктом соглашения стала отмена виз в случае, если граждане России и Турции въезжают на территорию друг друга и пребывают там непрерывно не более чем 30 дней. Стороны обязались регулярно обмениваться образцами документов, по которым граждане могут пересекать границу. Дипломаты и члены их семей получили право пребывать без виз в течение всего срока аккредитации [42];

– Соглашение о воздушном сообщении. По его условиям каждая сторона предоставила другой стороне права для установления и эксплуатации международных авиалиний по определенным маршрутам. Стороны должны назначить воздушные предприятия с правом пролета и посадок в определенных пунктах. Также в этом соглашении были урегулированы такие вопросы, как предоставление и аннулирование разрешений на эксплуатацию, область применения национальных законов, признание удостоверений и свидетельств, безопасность полетов и др. [21].

Таким образом, развитие отношений России и Турции в 2000-е гг. по ключевым направлениям было исключительно успешным. Стороны гораздо более тесно сотрудничали по всем вопросам, чем в 1990-е гг. Был заключен ряд основополагающих договоров, подписаны две совместные декларации, определявшие контур отношений. Рост российско-турецких взаимосвязей за этот период был обусловлен рядом важных факторов, способствующим активизации двухсторонних отношений во всех главных сферах: взаимовыгодный интерес двух сторон наращивать сотрудничество; зависимость Турции от российского газа, диктующая необходимость серьезного и глубокого развития отношений; занятие Турции примирительной, устраивающей Россию позиции во внешней политике, особенно по отношению к давней «болевым точкам» двухсторонних взаимосвязей – Закавказью. Но, несмотря на столь интенсивное взаимовыгодное сотрудничество с Россией, было неизвестно, насколько оно окажется устойчивым.

Политический вектор руководства Турции заметно смягчился по отношению к России в конце 2000-х гг. Однако существовало одно очень важное обстоятельство: страна продолжила стремиться в ЕС осталась в составе НАТО, военного блока, проводящего в целом недружественную по отношению к России политику. В случае обострения отношений Россия–НАТО этот фактор мог поставить под вопрос все впечатляющие результаты двух стран в совме-

стном сотрудничестве. Но к началу 2010-х гг. ничего подобного еще не происходило, и отношения между двумя странами успешно развивались без каких-либо значительных препятствий. Ситуация стала меняться лишь в 2010-е гг. по мере нарастания российско-турецких противоречий в Сирии.

© Ходунов А.С., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гурьев А.А. Ситуация в Турции: ноябрь 2008 // Институт Ближнего Востока. 14.12.2008. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/14-12-08b.htm>.
- [2] Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам (не действует). 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/FFF41C4957A2E29543257F5F00209736.
- [3] Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901926138>.
- [4] Егоров В.К. Россия и Турция: линия противоречий // Ближний Восток и современность. Сб. ст. Вып. 9. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.
- [5] Иванова Ю.М. Российско-турецкие отношения в постбиполярную эпоху: основные тенденции и проблемы // Вестник Одесского национального университета / ОНУ имени И.И. Мечникова. Одесса: Астропринт, 2009. Том 14. Вып. 13: Сер. «Социология, политология».
- [6] История российско-турецких отношений. Справка // РИА Новости. 13.01.2010. URL: <http://ria.ru/politics/20100113/204301523>.
- [7] Калашников А.М. «Голубой поток» как важный фактор развития российско-турецких отношений // Власть. 2013. № 2.
- [8] Киреев Н.Г. Турция – экономический партнер и политический соперник России в Евразии // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Сб. ст. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001
- [9] Кудряшова Ю.С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5.
- [10] Меморандум между Федеральной таможенной службой (ФТС России) и Таможенным департаментом Турецкой Республики по таможенным процедурам. 06.08.2009. Действует. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [11] Протокол к соглашению между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря от 15 декабря 1997 года. 27.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [12] Протокол между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о налогообложении строительных компаний. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [13] Протокол между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой сфере (не действует). 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [14] Протокол между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в нефтяной сфере. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [15] Протокол между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в создании энергетического объекта на природном газе. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [16] Пылев А.И. Новые горизонты российско-турецкого взаимодействия (начало XXI в.) // Ближний Восток и современность. Сб. ст. Вып. 40. М.: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2009.
- [17] Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства. 13 февраля 2009 года // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml>.
- [18] Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. Анкара, 6 декабря 2004 года // Президент России. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80719/161826.shtml>.
- [19] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о безвизовых поездках по дипломатическим паспортам. 05.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [20] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о взаимной защите секретной информации и материалов, передаваемых или образовавшихся в ходе двустороннего сотрудничества в области оборонной промышленности. 06.12.2004. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [21] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о воздушном сообщении. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [22] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о культурном и научном сотрудничестве. 19.07.1994. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [23] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [24] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [25] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод. 06.12.2004. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [26] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о создании смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. 14.05.1992. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [27] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в военной области и подготовке военных кадров. 14.01.2002. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [28] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в морском поиске и спасании на Черном море. 25.02.2004. Действует. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [29] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области ветеринарии. 05.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [30] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [31] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области карантина растений. 13.01.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [32] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма. 24.03.1995. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [33] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области энергетики. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [34] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в охране морских пространств на Черном море (не действует). 12.04.2000. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [35] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую» в Турецкой Республике. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [36] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах. 16.09.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [37] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности. 20.04.1994. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [38] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. 09.09.1993. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [39] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [40] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [41] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики об организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Кавказ (Российская Федерация) и Самсун (Турецкая Республика). 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [42] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики об условиях взаимных поездок граждан. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [43] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики по морскому транспорту. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [44] Токарева А. Что Россия и Турция значат друг для друга // Коммерсант-Власть. 01.06.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2736421>.
- [45] Turkey's Political Relations With Russian Federation // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-political-relations-with-russian-federation.en.mfa.

REFERENCES

- [1] Guriev A.A. the Situation in Turkey: November 2008 // Middle East Institute. 14.12.2008. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/14-12-08b.htm>.
- [2] The agreement between the Russian Federation and the Republic of Turkey on mutual legal assistance in civil, commercial and criminal matters (not applicable). 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [3] The agreement on basic principles of relations between Russian Federation and Turkish Republic. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901926138>.
- [4] Egorov V.K. Russia and Turkey: contradictions // Middle East and modernity. Vol. 9. M.: Institute for the study of Israel and the Middle East, 2000.
- [5] Ivanova Yu. M. Russian-Turkish relations in the post-bipolar era: trends and problems // Bulletin of the Odessa national University / ONU named after I.I. Mechnikov. Odessa: Astroprint, 2009. Volume 14, Issue. 13: Ser. "Sociology, politics".
- [6] The history of Russian-Turkish relations. Help // RIA Novosti. 13.01.2010. URL: <http://ria.ru/politics/20100113/204301523>.
- [7] Kalashnikov A.M. "Blue stream" as an important factor in the development of Russian-Turkish relations // Power. 2013. No. 2.
- [8] Kireev N.G. Turkey – economic partner and political rival of Russia in Eurasia // Russia in the middle East: objectives, challenges, opportunities. Sb. st. Moscow: Institute for the study of Israel and the Middle East, 2001.
- [9] Kudryashova Y. S. Intensification of Russian-Turkish relations: the nature and prospects // Vestnik of MGIMO-University. 2012. No. 5.
- [10] The Memorandum between the Federal customs service (FCS of Russia) and the Customs Department of the Turkish Republic on customs procedures. 06.08.2009. Acts. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [11] Protocol to the agreement between the government of the Russian Federation and the government of Turkish Republic about deliveries of Russian natural gas in Turkish Republic through water area of Black sea from December 15, 1997. 27.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [12] Protocol between the government of the Russian Federation and the government of the Republic of Turkey taxation of construction companies. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [13] Protocol between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the gas sector (not applicable). 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [14] Protocol between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the oil sector. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [15] Protocol between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the energy facility on natural gas. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [16] Pylev A.I. the New horizons of Russian-Turkish cooperation (the beginning of the XXI century) // Middle East and modernity. Sb. article. Vol. 40. M.: Institute of Oriental studies, Middle East Institute, 2009.
- [17] Joint Declaration on advancement to a new stage of relations between the Russian Federation and the Republic of Turkey and further deepening of friendship and multidimensional partnership. 13 Feb 2009 // President of Russia. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml>.
- [18] Joint Declaration on deepening of friendship and multifaceted partnership between the Russian Federation and the Republic of Turkey. Ankara, 6 Dec 2004 // President of Russia. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80719/161826.shtml>.
- [19] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on visa-free travel on diplomatic passports. 05.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [20] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on mutual protection of classified information and materials submitted or generated in the course of bilateral cooperation in the field of defense industry. 06.12.2004. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [21] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on air communication. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [22] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cultural and scientific cooperation. 19.07.1994. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [23] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on promotion and mutual protection of investments. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [24] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of Turkish Republic about deliveries of Russian natural gas in Turkish Republic through water area of Black sea. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [25] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on the prevention of incidents at sea outside territorial waters. 06.12.2004. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [26] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on the establishment of the joint intergovernmental Russian-Turkish Commission on trade-economic cooperation. 14.05.1992. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [27] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the military sphere and training military personnel. 14.01.2002. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [28] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in Maritime search and rescue on the Black sea. 25.02.2004. Acts. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [29] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the field of veterinary medicine. 05.11.1999. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [30] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the field of use of atomic energy for peaceful purposes. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [31] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the field of plant quarantine. 13.01.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [32] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the field of tourism. 24.03.1995. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [33] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the field of energy. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [34] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the protection of Maritime spaces in the Black sea (not valid). 12.04.2000. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [35] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in the sphere of construction and operation of nuclear power plant at Akkuyu in the Turkish Republic. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [36] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation and mutual assistance in customs matters. 16.09.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [37] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on cooperation in military technical matters and in the defence industry. 20.04.1994. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [38] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on avoidance of double taxation with respect to taxes on income. 09.09.1993. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [39] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on avoidance of double taxation with respect to taxes on income. 15.12.1997. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [40] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of Republic of Turkey on early notification of a nuclear accident and on information exchange about nuclear installations. 06.08.2009. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [41] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic about the organization of a mixed international railway-ferry communication through ports Caucasus (Russian Federation) and Samsun (Turkish Republic). 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/CFE812E216C6B7F343257F5F00207554.
- [42] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on conditions of mutual trips of citizens. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.

- [43] Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Turkish Republic on Maritime transport. 12.05.2010. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
- [44] Tokareva A. What Russia and Turkey are mean to each other // *Kommersant. Vlast*. 01.06.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2736421>.
- [45] Turkeys political relations with Russian Federation // Republic of Turkey. The Ministry of foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-political-relations-with-russian-federation.en.mfa.

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE 1990S AND 2010S

A.S. Khodunov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

The article is devoted to the development of Russian-Turkish relations in economic, political, military-technical and cultural spheres. Particular attention is given to the economy, especially to the oil and gas sector, which became the main engine of bilateral relations in this period. It is noted that the 1990th years were the heyday of bilateral trade. It analyzes main treaties concluded between Russia and Turkey. It is shown that in the 2000s. relations developed much better than in the 1990s. The author indicates the main reasons for the growth of the Russian-Turkish relationships.

Key words: Russia, Turkey, bilateral relations, economy, oil, gas pipeline

РОССИЙСКО-ЛИВИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.¹

Е.С. Высочина

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125993

В данной статье рассмотрены историографические проблемы, связанные с литературой о российско-ливийских отношениях. Проанализированы характерные особенности отечественной литературы в освещении данного вопроса. Выявлены наиболее перспективные направления дальнейшего изучения российско-ливийских отношений.

Ключевые слова: Ливия, Россия, Каддафи, Джамахирия, Магриб, «арабская весна», историография

Рассмотрение российско-ливийских отношений заслуживает внимания уже потому, что на протяжении последних десятилетий они претерпевали множество различных изменений. Развитию взаимоотношений между этими двумя странами посвящен немалый объем научной литературы. Однако большая часть литературы освещает темы советско-ливийского сотрудничества, а также последствия согласия нашей страны с экономическими санкциями США против Ливии, в то время как довольно мало работ посвящено эволюции российско-ливийских отношений в последние годы.

Следует отметить и тот факт, что в отечественной историографии издано несколько монографий, широко охватывающих историю Ливии в целом. Среди них справочник А.З. Егорина «Современная Ливия» [11].

Автор данной книги – один из крупнейших отечественных специалистов по Ливии. Наиболее ценными данными в этом справочнике являются сведения, касающиеся социально-экономического развития данной страны в XX в. Более того, книга представляет интерес и как источник списков объектов советско-ливийского экономического и научно-технического сотрудничества в период 1975–1987 гг. [11]. Еще шире, чем в данной книге, Егорин рассматривает XX век в истории Ливии в своей монографии под соответствующим названием «История Ливии. XX век» [10]. Данную монографию считают первым в учебной и научной отечественной литературе фундаментальным исследованием истории Ливии XX в. Особую ценность данная книга представ-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

ляет еще и потому, она писалась на основе не опубликованных ранее архивных и документальных материалов из архивов России, Ливии и ряда европейских стран.

В качестве еще одного автора, глубоко занимавшегося историей Ливии, можно назвать Н.И. Прошина. В его монографиях [16; 17] освещена колониальная политика, проводившаяся в Ливии, социально-экономическая и политическая история Ливии в Новое и Новейшее время. По данному периоду времени это исследование является первым.

Достаточно глубокое описание российско-ливийских отношений можно найти в коллективной монографии «Россия и страны Востока в постбиполярный период», редактором которого выступает Д.А. Стрельцов [18]. Наиболее содержательной по поставленному вопросу в данной книге является вторая глава под авторством М.А. Сапроновой. Монография дает довольно полное представление об истории развития российско-арабских, а в том числе и российско-ливийских отношений.

Корни российско-арабских, а в частности российско-ливийских отношений уходят глубоко в историю. Интерес к странам Магриба в России проснулся еще во времена Петра I, напрямую связанный с желанием выйти на просторы Средиземноморья и Атлантики. Однако основным препятствием на пути Российской империи стало господство Османской империи на южных рубежах России. Но после победы России над Турцией в войне 1877–1878 гг., а также впоследствии английской и французской экспансии политика России в странах Северной Африки начинает заметно активизироваться.

Активизация двустороннего сотрудничества происходит, по мнению автора, во второй половине XX в., когда СССР, как один из полюсов биполярного мира, видел в странах Средиземноморья стратегически важный с точки зрения влияния и коммуникации регион.

Своей приоритетной задачей в этот период СССР объявлял поддержание мира и стабильности в этом соседнем регионе, который можно назвать конфликтогенным по ряду причин. Во-первых, пестрота этносов и конфессий внутри большинства стран региона, во-вторых, несогласие населения с границами стран, которые были обозначены в одностороннем порядке тем государством, которое было на тот момент сильно в военном плане или же в результате соглашения стран-колонизаторов.

До распада СССР и окончания холодной войны основной объем торгово-экономических отношений со странами Магриба, в частности с Ливией, приходился на поставку советского оружия и военной техники, а также на обучение военных специалистов из стран данного региона. Заметна была советская помощь и в организации народно-хозяйственной и культурной деятельности стран Северной Африки. Внешнеполитический курс Ливии, заключающийся в политике антиимпериализма, также сближал это государство с Советами.

Показательна в этом плане монография С.А. Товмасына «Ливия на пути независимости и социального прогресса» [20], где рассматриваются основные причины и движущие силы событий 1 сентября 1969 г. в Ливии. Автор книги, бывший во время начала этих событий послом СССР в Ливии, передал в своей монографии ощущения очевидца происходящего, что придает книге большую историческую ценность. Автор оценивает борьбу Каддафи и его сторонников в то время как борьбу энтузиастов за освобождение, которая была подкреплена военными силами и авторитетом яркого политического лидера. Далее в книге говорится о становлении новой власти, ее экономической и внешней политике [21].

Отечественная историография советско-ливийских отношений затрагивает самые разные аспекты этих отношений. Так, А.В. Рясов посвятил свою статью «Влияние идей русских радикал-революционеров на формирование мировоззрения М. Каддафи» [19] одному из наиболее глубоких и интересных моментов во взаимоотношениях Ливии и СССР, а именно влиянию политических взглядов лидеров одной страны на идеологические построения лидера совершенно другого государства [19]. Автор отмечает, что политические взгляды Каддафи по поводу построения государственной модели не сходились с основными моделями того времени. Будучи против и «реального социализма», и капитализма, он стремился создать свою собственную модель.

Во второй части своей статьи Рясов предлагает ознакомиться уже более конкретно с общими чертами в идеях русских радикал-революционеров и Каддафи. Автор видит идеи Каддафи во многом схожими с идеями В.И. Ленина, а именно, они перекликались друг с другом в вопросах государственности, парламентаризма, демократии, проблемы наемного труда.

Автор, рассмотрев идеи ливийского лидера и сравнив их с работой Ленина «Государство и революция», нашел в них множество ключевых сходств, однако, по мнению автора, нельзя говорить о полном повторении Каддафи мыслей Ленина, так как на Каддафи мощное влияние оказали и чуждые Ленину идеи анархизма. Ключевые сходства теорий Каддафи и анархистов автор усматривает в вопросах трактовки демократии, взглядов на политическую систему, понятия нации, взглядов на наемный труд. В убеждениях Каддафи и анархистов наиболее яркое сходство выделяется в плане их схожего критического отношения к коммунизму, однако между их подходами также присутствует множество ключевых различий.

В третьей части своей работы автор выделяет некоторые различия «Теории» Каддафи и идей русских радикал-революционеров. В итоге своей работы А.В. Рясов заключает, что, разрабатывая свою систему народовластия, Каддафи избрал в качестве основы непредставительную имитационную демократию, что позволяло ему в течение десятилетий находиться у власти. Частично позаимствовав идеи русских радикал-революционеров, он создал в чем-то уникальную систему, не имеющую в мировой истории однозначных аналогов – джамахирию [19].

К вопросу лидерства также обращался С.А. Воронин в своей книге «Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран» [8]. В данной монографии целая глава посвящена соотношению политической власти, национализма и ислама в Ливии на фоне становления и эволюции лидерства одного из наиболее ярких сторонников теории «третьего пути» – М. Каддафи. Помимо комплексного исторического анализа истории страны периода правления Каддафи в книге рассматривается феномен политического лидерства в исламском мире. Автор делает вывод, что личность и адекватная политика государственного лидера – одна из основ стабильности нации [8].

Наиболее ценной русскоязычной работой, посвященной теме советско-ливийских отношений, представляется монография А.М. Васильева «Россия на Ближнем Востоке: от мессианства к прагматизму» [6]. Описывая и давая анализ происходившим в то время событиям, автор дает компетентную оценку целей, методов и средств политики СССР/России. В своей работе он привлекает широкий круг источников, включая и дипломатические, что делает монографию еще более ценной для рассмотрения интересующего нас вопроса. Васильев дает оценку советско-ливийским отношениям с момента прихода к власти Каддафи.

Примечательно то, что автор не говорит об абсолютной дружбе и взаимопонимании между этими странами, напротив, по мнению автора, Ливия представляла некую опасность для СССР не только в региональных масштабах, но и на пути поисков согласия с США. Особую важность играют слова российских политических деятелей, работников МИД, которые дают читателю более четкое представление о личности Каддафи. Автор выделяет несколько факторов прекращения советско/российско-ливийского сотрудничества, а именно поддержка Ливией государственного переворота в СССР в 1991 г., прекращение Ливией платежей по кредитам в 1992 г., присоединение Москвы к санкциям против этой страны. Автор делает вывод, что к началу 1990-х гг. от «особых» отношений с Ливией не осталось и следа [6].

Экономические санкции против Ливии оказались в фокусе внимания статьи А. Эльмаляна «Отношения между Ливией и Российской Федерацией на современном этапе» [24]. Автор отмечает, что в марте 1992 г. Россия проголосовала в Совете Безопасности ООН за принятие резолюции № 748 о введении экономических санкций и блокаде авиаперевозок по отношению к Ливийской Джамахирии. Резолюция предполагала запрет на любое сотрудничество с этой страной кроме гуманитарных программ. В статье подчеркивается, что подобная позиция Российской Федерации после распада СССР была связана с ориентацией на курс Советского Союза последних лет его существования, выражающийся в политике уступок в отношении стран Запада и США.

Основной целью исследования Е.В. Ульянищевой «Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века» [22] явился анализ развития российско-ливийского экономического сотрудничества в период до и после распада СССР.

С 1969 г. СССР начинает играть важную роль в политической жизни Ливии, делая ее одним из основных партнеров в арабском мире, свертывая свою политику в Египте, так как там к власти приходит Садат, вставший на курс сближения с США. В политическом плане СССР и Ливию того времени сближали схожие взгляды по поводу антиамериканизма и антиколониализма, арабо-израильского конфликта.

Автор оценивает восприятие ливийцами распада СССР как весьма болезненное, так как Ливия теряла надежного экономического партнера и политического союзника против США. Присоединение России к санкциям 1992 г. было воспринято ливийцами как предательство, поэтому и после их приостановки в 1999 г., по мнению автора, не произошло особой активизации в экономическом сотрудничестве двух стран. Хотя в последние годы правления Каддафи Ливия и была заинтересована в возобновлении экономических связей с Россией, однако, как заключал автор, вряд ли современная Россия смогла бы достичь такого же влияния на рынке Ливии, как это было при СССР, и по той причине, что конкуренция в конкретном регионе многократно усилилась [22].

В.Ю. Кукушкин в работе «Экономические преобразования в Ливии и возможности активизации российских деловых структур в СНЛАД» также говорил о последствиях введения санкций в Ливии [13].

Автор утверждал, что после введения международных санкций Ливия испытывала большие трудности в одном из основных секторов своей экономики – нефтепромышленности. Поэтому со второй половины 80-х гг. Ливия проводила кампании экономической и политической либерализации. В ходе нее вновь стало происходить сближение России и Ливии.

Начало современной договорно-правовой базы российско-ливийских торгово-экономических связей было положено еще в 1995 г. в ходе визита в Москву министра энергетики Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД) А.С. аль-Бадри. Тогда же был подписан ряд соглашений, среди них соглашение о создании Межправительственной комиссии. В ходе дальнейшего экономического диалога между двумя государствами рассматривались вопросы торговли, поставок оборудования, а также долги Ливии со времен СССР.

Всплеск активности в российско-ливийских отношениях в 2000 г. был обусловлен визитом министра нефти аль-Бадри в Москву. Однако автор оценивал темпы развития российско-ливийского сотрудничества по ситуации на начало 2000-х гг. как более чем сдержанные [5]. Особого внимания заслуживает третье заседание Российско-Ливийской межправительственной комиссии. Л.С. Кеворков в работе «Экономические санкции против Ливии и их последствия» как раз упоминает о данном заседании, а также освещает проблему последствий международных санкций, введенных против Ливии [12]. 5 апреля 1999 г. Совет Безопасности ООН принял решение о приостановлении санкций против Ливии в связи с выдачей международному трибуналу

двух ливийских граждан, подозреваемых в организации террористической деятельности. Санкции состояли в следующем: запрет на воздушные полеты гражданских и военных самолетов из Ливии и в Ливию, запрет на поставку запчастей для воздушной техники, требование закрыть все представительства ливийских авиакомпаний; запрет на поставку в Ливию всех видов оружия; замораживание всех финансовых активов Ливии за рубежом; запрет на импорт технологического оборудования и запасных частей для нефте- и газоперерабатывающих заводов; требование сократить ливийский дипломатический и торговый персонал за рубежом.

Введение санкций, по мнению автора, существенно повлияло на политическую ситуацию в арабском мире, усилило позиции США и ослабило политическое и торгово-экономические позиции России. Резко уменьшился экспорт российских товаров в Ливию.

Автор подчеркивал успехи в сотрудничестве СССР и Ливии, которые не в полной мере перенеслись на российско-ливийские отношения. Но в то же время автор давал оценку темпам взаимодействия РФ и Ливии в начале XXI в., а они в свою очередь были не слишком быстрыми. Однако в октябре 1999 г. в ходе третьего заседания Российско-Ливийской межправительственной комиссии были рассмотрены перспективы дальнейшего сотрудничества двух стран, но его, по мнению автора, сдерживал тот факт, что между этими государствами все еще не было подписано соглашения о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле и взаимной защите инвестиций. Автор приводил читателя к выводу, что приостановление санкций могло благоприятно сказаться на дальнейшем сотрудничестве, однако в свете современных реалий России предстояло выдержать сильную конкуренцию со стороны Запада [12].

Г.И. Смирнова в своей статье «Российско-ливийские экономические отношения (их ход и перспективы)» наиболее подробно говорит о некоторых периодах в развитии взаимоотношений двух государств в постсоветские годы [20]. После введения в 1992 г. Советом Безопасности ООН экономических санкций в отношении Ливии ее экономическое положение сильно пошатнулось, а внешнеэкономические связи ослабли. Однако Ливии необходимы были модернизация устаревшего оборудования, налаживание торгово-экономического и научного сотрудничества с теми странами, с которыми возможен диалог, в том числе и с Россией. Восстановление российско-ливийских отношений началось с 1996 г., когда Каддафи обратился к России с просьбой о возобновлении сотрудничества. С октября 1997 г. ежегодно проводились заседания межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В 1999 г. в Москве прошла третья комиссия, где особое внимание было уделено нефтегазовой отрасли, был заключен контракт по строительству газопровода Хомс – Триполи.

В ходе следующей комиссии помимо сотрудничества в нефтегазовой сфере был так же рассмотрен вопрос поставки авиационной техники в Ливию. В 2005 г. на ливийском нефтяном тендере 4 из 14 контрактов получила Россия.

Автор говорил также и о развитии сотрудничества Ливии и России в военной, сельскохозяйственной, обрабатывающей, электроэнергетической и строительной сферах. В итоге в 2008 г. в ходе визита В.В. Путина в Ливию был подписан контракт о поставках в Ливию современного вооружения на сумму около 4 млрд долларов США.

Автор пришла к выводу, что устойчивость развития российско-ливийских отношений в то время основывалась на достаточно широкой правовой базе, включавшей в себя основные нормы и принципы международного права [20].

Вопросу усилившейся конкуренции на ливийском экономическом поле была посвящена и статья Г.Г. Бовта «Ливия ставит ультиматум США и не помнит про Россию» [4]. В 2004 г. Ливия продлила на три месяца срок своего «ультиматума» США. Суть его состояла в том, что США должны отменить экономические санкции против этой страны. В противном случае Триполи грозил снизить компенсационные выплаты родственникам 270 жертв взорванного ливийцами в 1988 г. над шотландским Локкерби пассажирского «Боинга» авиакомпании «Pan Am». Автор прогнозировал, что если бы Вашингтон отменил санкции, то это окончательно открыло бы ливийский рынок для западных, в том числе американских, компаний, прежде всего специализирующихся в нефте- и газодобыче.

Таким образом, автор заключал, что США продолжали курс на сбивание мировых цен на нефть и контроль их. При этом автор подчеркивал, что никакого значительного российского присутствия в Ливии на тот момент не просматривалось.

Для понимания особенностей экономической системы Ливии в конце правления Кадафи стоит обратить свое внимание на статью С.В. Бондаренко «Нефтегазовый комплекс стран РБВСА как основной источник финансирования социально-экономического развития: пределы и возможности», где он поднимает проблему основ ливийской экономики и возможностей ее развития [5]. Ливия входит в состав РБВСА (Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки), что дает автору право говорить о том, что основная часть доходов данной страны – это доходы от эксплуатации нефтегазовых ресурсов, это, в свою очередь, характерно для стран РБВСА. Данные доходы являются главным источником финансирования программ экономического и социального развития, существенно нарастив в том числе и экономический потенциал Ливии.

Автор подчеркивал, что основой формирования ВВП в последние годы правления Каддафи выступала не только нефтедобыча и смежные с ней отрасли, но и новые отрасли хозяйства, что позволяло говорить о формировании качественно новой структуры ВВП. Данный процесс начался только недавно, и в ряде стран он находится в своей самой начальной стадии. Однако

все более значимую роль в формировании ВВП в вышеуказанном регионе начинают играть туризм, энергетика, нефтехимия, транспортный и банковский сектора. Практически во всех странах РБВСА наблюдается тенденция к снижению роли нефтедобывающей промышленности в финансировании программ социального и экономического развития. Однако в 2000-е гг. доля экспортных доходов от нефти в ВВП в Ливии находилась на уровне 40–50% и выше, что говорило о все еще большой роли нефтеэкспорта в хозяйстве данной страны.

Судя по таблицам, которые приводил в своей статье автор, доля поступлений в ВВП от экспорта углеводородов в Ливии составляла 75,1%. Однако автор не говорил о четких пределах возможностей роста и развития в Ливии за счет доходов от добычи и экспорта нефтепродуктов, ведь природных разведанных запасов нефти в Ливии, судя по всему, хватит еще на довольно долгий срок. Автор подчеркивал, что этим фактом проблема не исчерпывается, и акцентировал свое внимание на том, что экономику стран, рассчитывающих только на свои природные богатства, можно назвать весьма уязвимой на фоне развивающейся мировой экономики. Поэтому приоритетной программой для государств с такого рода экономикой автор считал укрепление рыночных основ национальной экономики, прежде всего через приватизацию большей части госсектора, поддержку национального предпринимательского капитала, развитие современных отраслей хозяйства.

Однако в последнее время все большее внимание российских авторов привлекает вопрос дальнейшего развития Ливии в свете событий «арабской весны» [2; 3; 14; 26; 27]. Так, ливийского этапа «арабской весны» касается сборник статей под редакцией В.Н. Пухова [23], в котором дана сводка военных событий, в конечном итоге приведших к свержению режима М. Каддафи.

Автор ливийского раздела, В.А. Целуйко, делает ряд важных выводов, подводя итоги в своей статье. Среди них он выделяет то, что жесткий авторитарный режим не застрахован от массового народного восстания; фактор внешнего вмешательства также может оказать вполне весомое влияние на зарождающиеся революционные движения.

В монографии М. Мусина и Э. Мюрида «Сирия, Ливия. Далее Россия! Что будет завтра с нами?» [15] одна из глав посвящена вопросу свержения режима Каддафи в Ливии. Авторы исследуют динамику зарождения и развития данного конфликта, сравнивая его с ситуацией в России.

Авторы уделяют особое внимание тому, что в войне в Ливии была сильна американская интервенция, также авторы утверждают, что на смену режима Каддафи пришли радикалы Аль-Каиды, связанные с ЦРУ со времен войны в Афганистане, и ливийские иммигранты – ставленники Вашингтона. Как особую проблему авторы видят экономические потери России в данном регионе, в свете чего они считают ошибкой российских властей невмешательство в данный конфликт в самом начале его зарождения [15]. Вместе приходится отметить практически полное отсутствие работ, специально посвященных ис-

следованию российско-ливийских отношений после падения режима Муаммара Каддафи.

Подводя итог, хотелось бы заметить, что большинство научных работ и статей посвящено определенному кругу вопросов, включая советско-ливийские отношения и результаты присоединения России к американским экономическим санкциям против Ливии. Однако следует заметить, что до сих пор практически отсутствует литература, освещающая тему российско-ливийских отношений в период после начала «арабской весны». Вместе с тем имеется большой исторический пласт, а именно реакция России на свержение Каддафи и отношения с Ливией после этого, который представляет собой огромный научный интерес, но работ на данные темы пока практически не издано. К сожалению, на данный момент времени представляется достаточно сложной задачей для заинтересованного читателя найти обоснованную научную литературу, призванную определить характер и варианты развития отношений между Ливией и Российской Федерацией на современном этапе.

Если хронологию событий от распада СССР в конце 1991 г. до нынешнего времени можно проследить с помощью российских и иностранных новостных агентств, то оценка этих событий с аналитической точки зрения не представляется возможной в полной мере. Ливия является одним из наиболее значимых государств арабского мира, долгое время испытывавших последствия введения международных экономических санкций по инициативе США.

Отношения между Ливией и Россией представляют собой интересный и вместе с тем малоизученный аспект современных международных отношений. С другой стороны, имеется огромная база информации, посвященная ливийско-российским политическим и торгово-экономическим отношениям, что открывает хорошие возможности для анализа развития и трансформации отношений между современной Россией и Ливией. В целом представляется достаточно очевидным, что радикальное изменение ситуации в Ливии и арабском мире после начала «арабской весны» [1–3; 7; 9; 14; 25–27] требует новой серии исследований российско-ливийских отношений – уже в эпоху после Муаммара Каддафи.

© Высочина Е.С., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года / Под ред. Коротаева А.В., Зинькиной Ю.В., Ходунова А.С. М.: Ленанд/URSS, 2012.
- [2] Арабский кризис и его международные последствия / Под ред. А.М. Васильева, А.Д. Саватеева, Л.М. Исаева. Ред. М.: Ленанд/URSS, 2014.

- [3] Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после Арабской весны / Под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. 2-е изд. М.: Ленанд/URSS, 2016.
- [4] Бовт Г.Г. Ливия ставит ультиматум США и не помнит про Россию // Россия и мусульманский мир. 2004. № 7.
- [5] Бондаренко С.В. Нефтегазовый комплекс стран РБВСА как основной источник финансирования социально-экономического развития: пределы и возможности // Ближний Восток и современность. 2009. Т. 38.
- [6] Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.
- [7] Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3.
- [8] Воронин С.А. Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран. М.: Из-во Лабиринт, 2009.
- [9] Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015.
- [10] Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
- [11] Егорин А.З. Современная Ливия. Справочник. М., 1996.
- [12] Кеворков Л.С. Экономические санкции против Ливии и их последствия // Ближний Восток и современность. 2000. № 9.
- [13] Кукушкин В.Ю. Экономические преобразования в Ливии и возможности активизации российских деловых структур в СНЛАД // Ближний Восток и современность. 2002. Т. 13.
- [14] Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. 2013. № 4.
- [15] Мусин М., Мюрид Э. Сирия, Ливия. Далее Россия! Что будет завтра с нами? М.: Книжный мир, 2014.
- [16] Прошин Н.И. История Ливии в новое время. М.: Наука, 1981.
- [17] Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. – 1969 г. М.: Наука, 1975.
- [18] Россия и страны Востока в постбиполярный период: Учеб. пособие / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014.
- [19] Рясов А.В. Влияние идей русских радикал-революционеров на формирование мировоззрения М. Каддафи // Ближний Восток и современность. 1999. Т. 7.
- [20] Смирнова Г.И. Российско-ливийские экономические отношения (их ход и перспективы) // Ближний Восток и современность. 2009. Т. 38.
- [21] Товмасын С.А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. М.: Наука, 1980.
- [22] Ульянищева Е.В. Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века: автореф. дис. на соиск. ученой степ. канд. ист. наук. М., 2008.
- [23] Барабанов М.С., Коновалов И.П., Куделев В.В., Целуйко В.А. Чужие войны / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2012.
- [24] Эльмалян А.С. Отношения между Ливией и Российской Федерацией на современном этапе // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 4.
- [25] Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // World Futures. 2012. Vol. 68. № 7.

- [26] Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. Developing the methods of estimation and forecasting the Arab spring // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2013. Vol. 7. № 4.
- [27] Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. The Arab Spring: A quantitative analysis // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. № 2.

REFERENCES

- [1] Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov. Arabskaja vesna 2011 goda / Pod red. Korotaeva A.V., Zin'kinov Ju.V., Hodunova A.S. [System monitoring global and regional risks. Arab Spring in 2011]. M.: Lenand/URSS, 2012.
- [2] Arabskij krizis i ego mezhdunarodnye / Pod red. A.M. Vasil'eva, A.D. Savateeva, L.M. Isaeva [The Arab crisis and its international implications / Ed. Vasiliev A.M., Savateev A.D., Isayev L.M.]. M.: Lenand/URSS, 2014.
- [3] Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov. Arabskij mir posle Arabskoj vesny / Pod red. A.V. Korotaeva, L.M. Isaeva, A.R. Shishkinov. 2-e izd. [System monitoring global and regional risks. The Arab world after the Arab Spring / Ed. A.V. Korotaev, L.M. Isayev, A.R. Shishkin]. M.: Lenand/URSS, 2016.
- [4] Bovt G.G. Livija stavit ul'timatum SShA i ne pomnit pro Rossiju // *Rossija i musul'manskij mir* [Libya puts US ultimatum and did not remember about Russia // *Russia and the Muslim world*]. 2004. № 7.
- [5] Bondarenko S.V. Neftgazovyj kompleks stran RBVSA kak osnovnoj istochnik finansirovanija social'no-jekonomicheskogo razvitija: predely i vozmozhnosti // *Blizhnij Vostok i sovremennost'* [Oil and gas complex Worldwide Middle East countries as the main source of funding for social and economic development: limits and possibilities // *Middle East and Modernity*]. 2009. T. 38.
- [6] Vasil'ev A.M. Rossija na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu [Russia and the Middle East: From Messianism to pragmatism]. M.: Nauka, 1993.
- [7] Vasil'ev A.M. Cunami revoljucij // *Azija i Afrika segodnja* [Tsunami of Revolutions // *Asia and Africa today*]. 2011. № 3.
- [8] Voronin S.A. Islam , nacionalizm i vlast': Indonezija, Livija, Iran [Islam, nationalism and power: Indonesia, Libya, and Iran]. M.: Labirint, 2009.
- [9] Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. Revoljucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke [Revolution and instability in the Middle East]. M.: Uchitel', 2015.
- [10] Egorin A.Z. Istorija Livii. XX vek [History of Libya. The XX century]. M.: Institut vostokovedenija RAN, 1999.
- [11] Egorin A.Z. Sovremennaja Livija. Spravochnik [Modern Libya]. M., 1996.
- [12] Kevorkov L.S. Jekonomicheskie sankcii protiv Livii i ih posledstvija // *Blizhnij Vostok i sovremennost'* [The economic sanctions against Libya and their consequences // *Middle East and modernity*]. 2000. № 9.
- [13] Kukushkin V.Ju. Jekonomicheskie preobrazovanija v Livii i vozmozhnosti aktivizacii rossijskih delovyh struktur v SNLAD // *Blizhnij Vostok i sovremennost'* [Economic transition in Libya and the possible activation of the Russian business structures in SNLAD // *Middle East and modernity*]. 2002. T. 13.
- [14] Malkov S.Ju., Korotaev A.V., Isaev L.M., Kuz'minova E.V. O metodike ocenki tekushhego sostojanija i prognoza social'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza

- sobytij Arabskoj vesny // Polis. Politicheskie issledovanija [About the method of assessing the current state and outlook of social instability: experience in quantitative analysis of the Arab Spring events // Polis. Political studies]. 2013. № 4.
- [15] Musin M., Mjurid Je. Sirija, Livija. Dalee Rossija! Chto budet zavtra s nami? [Syria, Libya. Further, Russia! What will happen with us tomorrow?]. M.: Knizhnyj mir, 2014.
- [16] Proshin N.I. Istorija Livii v novoe vremja [History of Libya in modern time]. M.: Nauka, 1981.
- [17] Proshin N.I. Istorija Livii. Konec XIX v. [History of Libya. The end of the XIX century]. M.: Nauka, 1975.
- [18] Rossija i strany Vostoka v postbipoljarnyj period: Ucheb. posobie / Pod red. D.V. Strel'cova [Russia and the countries of the East in the post-bipolar period]. M.: ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.
- [19] Rjasov A.V. Vlijanie idej russkih radikal-revoljucionerov na formirovanie mirovozzrenija M. Kaddafi // Blizhnij Vostok i sovremennost' [Influence of Russian radical ideas on the formation of revolutionary worldview Gaddafi // Middle East and modernity]. 1999. T. 7.
- [20] Smirnova G.I. Rossijsko-livijskie jekonomicheskie otnoshenija (ih hod i perspektivy) // Blizhnij Vostok i sovremennost' [Russian-Libyan economic relations (their progress and prospects) // Middle East and modernity]. 2009. T. 38.
- [21] Tovmasjan S.A. Livija na puti nezavisimosti i social'nogo progressa [Libya on the path of independence and social progress]. M.: Nauka, 1980.
- [22] Ul'janishheva E.V. Sovetskoe / rossijskoe napravlenie vo vneshnej politike Egipta i Livii vo vtoroj polovine XX veka : avtoref. dis. na soisk. uchenoj step. kand. ist. nauk [Soviet / Russian direction in foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the XX century]. M., 2008.
- [23] Barabanov M.S., Konovalov I.P., Kudelev V.V., Celujko V.A. Chuzhie vojny [Strange Wars] / Pod red. R.N. Puhova. M.: Centr analiza strategij i tehnologij, 2012.
- [24] Jel'maljan A.S. Otnoshenija mezhdur Liviej i Rossijskoj Federaciej na sovremennom jetape // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Relations between Libya and the Russian Federation at the present stage // Journal of International Law and International Relations]. 2007. № 4.
- [25] Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // World Futures. 2012. Vol. 68. № 7.
- [26] Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. Developing the methods of estimation and forecasting the Arab spring // Central European Journal of International and Security Studies. 2013. Vol. 7. № 4.
- [27] Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. The Arab Spring: A quantitative analysis // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. № 2.

**RUSSIAN-LIBYAN RELATIONS
IN THE RUSSIAN ACADEMIC LITERATURE
OF THE LATE 20TH CENTURY
AND THE EARLY 21ST CENTURY**

Ekaterina S. Vysochina

Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, Russia, 125993

This article examines the historiographical problems related to the literature on Russian-Libyan relations. We analyze main characteristics of Russian literature in the coverage of this issue. The most promising areas for further study of the Russian-Libyan relations are identified.

Key words: Libya, Russia, Gaddafi, Jamahiriya, Maghreb, historiography

НАШИ АВТОРЫ

ВАРЬЯШ Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: variashi@gmail.com

ВОРОНИН Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования.
E-mail: svoronin.rudn@mail.ru

ВЫСОЧИНА Екатерина Сергеевна – магистр Российского государственного гуманитарного университета факультета истории, политологии и права, кафедра современного Востока.
E-mail: vysochinaekaterina@gmail.com

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

КУДЕЛИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.
E-mail: andkudelin@mail.ru

КИМ Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии ИВ РАН.
E-mail: nkim@hse.ru

НОВИКОВА Анна Андреевна – старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: kitsune86@mail.ru

СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Екатерина Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Японии ИСАА МГУ.

E-mail: japanesestudies@iaas.msu.ru

ХОДУНОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ.

E-mail: Nalim13s@mail.ru

ЧШИЕВ Владимир Таймуразович – старший научный сотрудник государственного бюджетного учреждения Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания при СОГУ им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ).

E-mail: hacht@mail.ru

В журнале «Всеобщая история» в номере 3 за 2016 год на стр. 83 в результате технического сбоя после строки «Краткое описание стел и исторический комментарий (рис. 1–4)» не был напечатан нижеприведенный фрагмент. Следует читать:

Инв. номер: 956.

Размеры: примерно 76x50 см.

Материал: известняк, частично сохранившаяся раскраска на теле Каса, шакалах, символах в верхней части стел.

Происхождение: гробница Каса в некрополе в Саккара, поступила в музей из коллекции А.Б. Кло-Бея (1861 г.).

Датировка: Новое царство, правление Сети I (ок. 1290–1279 гг. н.э.).

Библиография: *Naville E.* Les quatre stèles orientées du Musée de Marseille // *Compte-rendus du Congrès provincial des Orientalistes* (3e session, Lyon, 1878). Lyon, 1880; *Berlandini J.* *Varia Memphitica III* // *Bulletin Français d'Archéologie Orientale*. – 1977. – Vol. 77. – P. 38–44. – Pls VII–XIV; *Meeks D., Meeks C., Pierini G.* *Musées de Marseille: La collection égyptienne: Guide du visiteur.* Marseilles, 1990. – P. 47–50.

Редакция приносит свои извинения.

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2016, № 4

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Всеобщая история»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: historyjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 10.11.2016. Выход в свет 23.11.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1479

Цена свободная
Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419; тел.: +7 (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series
WORLD HISTORY

2016, № 4

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze st., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «World history»:
Miklukho-Makhlaya st., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: historyjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze st., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-42